

МИЛЫЙ ДОМ

ТИЛЛИ КОУЛ

В свои двадцать лет Молли Шекспир знает очень много. Она знает Декарта и Канта. Знает Оксфордский университет. Знает, что любящие люди обязательно тебя покинут. И знает, как жить в одиночестве. Но когда Молли оставляет серое небо Англии позади, чтобы начать новую жизнь в Алабамском университете, то понимает, что ей еще есть чему поучиться. Она и не знала, что лето может быть таким жарким, а студенты настолько пугающими. И уж точно не знала, насколько сильно народ Алабамы любит футбол. Когда Молли случайно сталкивается с пресловутой звездой футбола, квотербеком Ромео Принсом, то больше не может думать ни о чем, кроме его шоколадно-карих глаз, пепельно-светлых волос и идеального телосложения. И тогда она понимает, что ее тихая, уединенная жизнь вскоре кардинально изменится навсегда...

Тилли Коул

Милый дом

Милый дом — 1

Название:

Тилли Коул — Милый дом , 2017

Серия: *Милый дом #1*

Автор перевода: *Екатерина Дощенко*

Редактор: *Виктория Арсентьева*

Вычитка: *Виктория Коробко*

Посвящается

Моему мужу — мы вместе с подросткового возраста , и он до сих пор мой милый дом.

Нашей команде, « Сиэтл Сихокс » , за вдохновение.

И жителям Алабамы (особенно тем, кто поддерживает « Кримсон Тайд ») з а лучший чертов акцент в мире!

«Вперед, ‘ Тайд ’ !»

Примечание автора

Все братства и сестринства, а также их способы посвящения, придуманы автором и не используются на самом деле, не основываются и не отражают никаких реальных примеров.

Пролог

Исингтон, Дарем, Англия

Четырнадцать лет назад...

— Молли, подойди ко мне, золотце. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Моя бабушка сидела в своем старом коричневом кресле в гостиной нашего маленького дома, подперев голову руками.

Я подошла и осмотрелась вокруг. Папочка еще не вернулся из паба. Он постоянно там зависал с тех пор, как злая дама, которая иногда выступала на телевидении, закрыла шахты в год моего рождения, опечалив тем самым папу. Так сказала мне бабушка.

Она подняла голову и грустно улыбнулась. У бабушки была самая добрая улыбка, которую я когда-либо видела, лишь одна ее улыбка могла озарить всю комнату. Я очень любила свою бабушку.

Подойдя поближе, я заметила у нее в руках старую фотографию мамочки. Мама умерла при моем рождении, и бабушка с папой всегда расстраивались, когда я о ней спрашивала, поэтому я перестала это делать. Хотя до сих пор каждый вечер целую ее фотографию, которая стоит у кровати. Бабушка сказала, мамочка наблюдает за мной с Небес.

— Иди сюда, малышка Молли-пуц. Присядь ко мне на колени, — поставив фоторамку на красный ковер, сказала бабушка и жестом поманила меня к себе.

Бросив свой розовый рюкзак, я подошла и запрыгнула к ней на колени. От нее пахло мятой. От нее всегда пахло мятой. Я знала, что так она скрывала запах сигарет, которые тайком покуривала на улице. Меня всегда веселило то, как по утрам она выскакивала наружу с розовыми бигуди на седых волосах и в домашнем сиреневом фартуке.

Я положила руку ей на щеку. Она выглядела расстроенной.

— Бабуля, что случилось?

Она взяла мою маленькую руку, и я вздрогнула от того, какими холодными были ее ладони. Я потерла их руками и поцеловала бабулю в щеку, чтобы она почувствовала себя лучше. Бабушка говорила, что мои сладкие поцелуи могут сделать любую проблему в мире чуть проще.

В комнате было очень тихо, слышно только, как трещат дрова в камине и тикают напольные часы.

У бабушки всегда играла музыка, музыка давних лет, и мы танцевали перед камином. Сегодня музыки не было, и дом казался унылым и печальным.

Я посмотрела на часы и увидела, что большая стрелка была на двенадцати, а маленькая — на четырех. Я попыталась вспомнить, что рассказывала нам в классе учительница, миссис Кларк. Сильно зажмурила глаза, силясь думать. И ахнув, их открыла. Было четыре часа. Да! Было четыре часа. Папочка скоро вернется.

Я попыталась слезть с бабушкиных коленей, чтобы побежать к двери и дожидаться, когда папочка войдет в ворота. Он всегда обнимал меня и кружил перед тем, как сказать, что я самая красивая девочка на свете, прямо как мамочка. Это была моя любимая часть дня.

Я соскользнула с бабушкиных коленей, но она схватила меня за руку.

— Бабушка, что ты делаешь? Папочка скоро вернется. Ему нужны его ежедневные объятия!

Бабушка тяжело вздохнула, и слезы хлынули из ее глаз.

— Бабушка, почему ты плачешь? Пожалуйста, не грусти. Тебе нужен сладкий поцелуйчик? От него тебе станет лучше?

Бабушка так крепко прижала меня к груди, что мои очки едва не слетели с носа. Ткань

ее фартука терлась о щеку, и я сморщила лицо в попытке унять зуд. Тогда она отпустила меня, опустилась на колени, и ее печальные глаза оказались на уровне моих.

— Молли, мне нужно тебе кое-что сказать. Это очень сильно тебя расстроит. Ты понимаешь?

— Да, бабушка. Мне уже шесть. Я большая девочка. Я многое понимаю. Миссис Кларк говорит, что я самая умная девочка в классе, а может, даже и в школе.

Бабушка улыбнулась, но эта улыбка не коснулась ее глаз. Это не было широкой улыбкой. Папа как-то сказал, что только широкие улыбки показывают, что ты по-настоящему счастлив. Не нужно тратить широкую улыбку на то, что не делает тебя суперсчастливым.

— Ты действительно умная, золотце, хотя я и не знаю, в кого ты такая. Ты далеко пойдешь. Тебе суждено оставить эту печальную жизнь позади и стать кем-то значимым. Этого хотели бы твои мамочка и... папочка. — Она шмыгнула носом и достала из кармана розовый носовой платок. На нем повсюду были вышиты красные розы. Я сама выбирала ткань в магазине две недели назад. Мы сделали один для меня и один для нее — идеальная пара, прямо как мы с бабушкой.

Глядя в окно, она приложила платок к покрасневшему носу, а потом ее взгляд изменился, и она снова посмотрела на меня.

— Теперь, Молли, тебе нужно сделать глубокий вдох, хорошо? Так, как я тебе показывала.

Я кивнула и, держась за живот, пять секунд вдыхала воздух через нос, пять секунд медленно выдыхала его через рот.

— Молодец, — похвалила меня бабушка, поглаживая большим пальцем по щеке.

— Бабушка? Где папа? Он опаздывает. Он никогда не опаздывает. — Он всегда приходил домой к моему возвращению из школы. Правда, от него противно пахло пивом, но от него всегда так пахло. Иначе это был бы не папочка.

— Молли, сегодня с твоим папой кое-что случилось, — сказала она мне дрожащим голосом.

— Ему плохо? Может, нам сделать ему чаю, когда он вернется домой? Чай всем помогает, правда, бабушка? Ты всегда так говоришь, — пролепетала я, начиная ощущать странную тяжесть в животе от того, как она на меня смотрит.

Она покачала головой, и ее губы задрожали.

— Нет, дорогая. Чай сегодня не понадобится. Видишь ли, утром Господь решил забрать твоего папу к ангелам на Небеса.

Я задрала голову вверх, чтобы посмотреть на потолок. Я знала, что Господь живет высоко над нами, на небе. Однако, как бы я ни старалась, мне никогда не удавалось его увидеть.

— Почему Господь забрал нашего папочку? Мы плохие люди? Я плохо себя вела? Поэтому Бог не хочет, чтобы у меня были родители.

Бабушка притянула меня к себе и уткнулась носом в мои длинные каштановые волосы.

— Нет, Молли-пупс, никогда, никогда так не думай. Богу просто стало грустно от того, как сильно твой папа скучал по маме, и он решил, что пришло время им снова быть вместе. Он знал, что ты достаточно смелая и сильная, чтобы жить без них.

Я обдумывала это, посасывая большой палец. Я всегда его посасывала, когда боялась или нервничала.

Бабушка убрала мои волосы с лица.

— Я хочу, чтобы ты знала: никто на этой планете не любил друг друга сильнее, чем твои мама с папой. Когда мама умерла, папа не знал что делать. Он очень тебя любил, но все же скучал по ней. Когда та дама по телевизору...

— Маргарет Тэтчер? — перебила я. Нам рассказывали о ней в школе. В моем городе она многим не нравилась. Они обзывали ее плохими словами. Ведь она опечалила многих людей.

Бабушка улыбнулась.

— Да, Маргарет Тэтчер. Когда миссис Тэтчер закрыла шахты, твой папа остался без работы, и это его сильно расстроило. Он очень долго старался заработать денег, чтобы купить нам новый дом, но он всегда работал только в шахтах и больше ничего не умел. — Она зажмурилась. — Сегодня папочка умер, дорогая. Он отправился на Небеса и больше никогда к нам не вернется.

Мои губы задрожали, и я почувствовала, как слезы наполняют глаза.

— Но я не хочу, чтобы он уходил! Мы можем попросить Бога его вернуть? Что мы будем без него делать? — Ощущение тяжести росло у меня в груди, и я почувствовала, что задыхаюсь. Я потянулась к бабушкиной руке, а мой голос стал хриплым: — Теперь, кроме нас, никого нет, бабушка? У меня осталась только ты. Что, если Он и тебя заберет? Я не хочу остаться совсем одна. Мне страшно, бабушка. — Из моего горла вырвался пронзительный крик: — Я не хочу остаться совсем одна!

— Молли... — прошептала бабушка, обнимая меня, и мы в слезах упали на пол у камина.

Моего папы больше нет.

Папа теперь на Небесах.

И он никогда не вернется.

Глава 1

*Алабамский университет, Та скалуса, Соединенные Штаты Америки
Наши дни...*

Я конкретно опаздывала!

Я дышала короткими, рваными вдохами, пока бежала через длинный кампус Алабамского университета, изо всех сил стараясь не грохнуться лицом вниз.

Руки были забиты распечатками учебного плана по философии, которые меня попросили скопировать около часа назад — мое первое задание в качестве ассистента преподавателя.

Занятие должно было начаться буквально с минуты на минуту, но моя бесконечная полоса невезения привела к тому, что принтер в копировальном помещении решил сломаться, распечатав лишь половину страниц, он пропел лебединую песню в виде пронзительного хрипа и испустил механический дымок.

Копировальная находилась в другом конце университета, что и привело меня к нынешнему плачевному положению — стремительному бегу в совсем неспортивных оранжевых кроксах через огромный кампус в обжигающе-адской таскалуской сауне, более известной как типичный жаркий летний денек.

Я бросила быстрый взгляд на свое отражение в стеклянной двери.

Не хорошо. Совсем не хорошо.

Мои каштановые волосы напоминали кучерявую шерсть пуделя, пот на носу подталкивал широкие, классические британские очки в черной оправе спикировать с моего лица, точно камикадзе. А в коротком комбинезоне и белой футболке я ощущала себя как в бойлере.

Постоянно пасмурное небо Англии сейчас казалось привлекательным как никогда.

Сегодня *все* шло наперекосяк, поломанный принтер был уже вторым из моих несчастий, а домогательства моих сумасшедших подруг с утра — первым.

* * *

— Тога, тога, тога!.. — поднимая руки вверх при каждом слове и хихикая в паузах, громко скандировали Лекси и Кэсс. Они сидели на моей кровати и смеялись над тем, в каком отчаянии я пребывала в своей импровизированной тоге.

— Выглядит просто ужасно, — пожаловалась я, пытаюсь хоть как-то пристроить простыню, чтобы она закрывала мои интимные места.

— Ты выглядишь горячо! У тебя нереальные сиськи, такие идеальные и округлые... — попыталась сделать комплимент Кэсс, вытягивая руки и изображая, как сжимает мою грудь. — Говорю тебе, Моллз, я обычно не по кискам, но для тебя в таком прикиде могу сделать исключение! Черт, у тебя аппетитные формы, детка!

— Кэсс! — резко отдернула я ее, закатив глаза. — Тебе действительно необходимо все это говорить?

— Ой, да расслабься, солнышко! Ты выглядишь потрясающе. И ты идешь сегодня, никаких отмазок! Не заставляй меня тащить тебя туда силком... потому что я это сделаю... если придется.

— Но...

— Никаких «но»! Мы обещали тебе веселую студенческую жизнь, а не повторение того гребаного дерьма, что было в Англии. И твой опыт начнется сегодня вечером.

— В Оксфорде было не так уж и плохо! И как будет проходить так называемый «опыт»? Сначала мне нужно будет присоединиться к чертову сестринству, а что потом? Коктейли с наркотой и выползание из клубов с разбитой мордой?

— Это можно устроить, но в основном «опыт» включает в себя кучу парней, секса, оргий, оргазмов... о, и экспериментов с точкой G. Знаешь, на самом деле ради этого и идут в универ, — совершенно искренне сказала Кэсс.

— Я пошла в универ учиться, Кэсс, а не быть шлюшкой для пьяных парней из братств!

Она заржала.

— Как скажешь, солнышко, ты и думать забудешь об учебе, когда закинешь ножки на шею какого-нибудь парня, а он будет таскать тебя, словно ожерелье, и щекотать пупок изнутри!

Зная, что Кэсс отмахнется от любого ответа, даже если мне удастся придумать, что ответить на такое, я подошла к коричневому откидному креслу и, плюхнувшись на мягкую подушку, обхватила голову руками.

— Во что, черт возьми, я ввязалась?

— В лучшее время своей жизни, — глубокомысленно ответила Лекси.

Я подняла голову и сквозь пальцы посмотрела на своих самодовольных подружек,

которые весело глядели на меня.

— Вы все-таки заставите меня пойти на эту проклятую вечеринку, не так ли?

Лекси слезла с кровати и, запрыгнув мне на колени, обвила шею тонкими руками.

— Конечно, дорогая. Ты теперь одна из нас!

Я неохотно улыбнулась.

— Похоже на то.

Кэсс присоединилась к нам, и я завизжала под их общим весом.

— Снимай тогу, чтобы я скрепила ее для тебя, и иди на занятия, а когда вернешься, мы начнем веселье...

* * *

Говорят, беда приходит трижды.

Две со мной уже произошли.

Осталась одна.

Не сбавляя головокружительного темпа, на грани потери сознания, я миновала двойные двери гуманитарного корпуса и устремилась прямо к аудитории профессора Росс. Сознание неустанно дразнило меня видениями ловко пританцовывающих тог перед глазами.

Слишком захваченная спешкой, я не заметила небольшую группу студентов, которая выходила из-за угла. Но, увы, вскоре это изменилось, когда гламурная рыженькая врезалась в меня плечом — похоже, специально, — и все мои бумаги разлетелись по белой плитке пола.

— *Unc!* Смотри, куда прешь, милочка! — злобно пропела она. — Может, тебе нужны очки получше?

А вот и третий удар судьбы.

Я присела на корточки, не поднимая глаз, как вдруг услышала резкий издевательский смех в свой адрес. И в этот момент я будто снова очутилась в школе — популярные детки цепляются к ботанке.

Я никогда не отвечала. Всегда просто игнорировала мелкие насмешки по поводу моей дешевой одежды, недостатка денег или любую другую колкость в свой адрес, поэтому и сейчас я лишь буркнула что-то себе под нос и принялась собирать бумаги в кучу.

Дверь в аудиторию закрылась, и я, довольная тем, что осталась одна, выплюнула:

— Блядские засранки. — Вышло малость громче, чем ожидалось, и я съежилась от громкого эха, разнесшегося по широкому коридору.

Вообще-то, я не часто так выражалась, но в тот момент это казалось оправданным и оказывающим расслабляющий эффект. Даже в богатом словами мире высшего образования иногда достаточно простого «блядь».

Я сгребла бумаги и, трясая головой, встала, и мои долбаные очки слетели с лица и грохнулись на пол.

Вздыхнув в поражении, я признала: сегодня утром мне вообще не стоило вылезать из постели.

И тут у меня за спиной раздался громкий смешок, отчего я аж подпрыгнула. На мое плечо опустилась теплая рука и, развернув меня, снова надела очки мне на нос.

Я проморгалась и, когда зрение восстановилось, увидела широкую грудь в темно-красной футболке без рукавов с белой надписью «Футбольная команда «Кримсон Тайд».

— Теперь видишь?

Я последовала за звуком глубокого южного говора, и передо мной оказался настоящий загорелый южанин: длинные пепельно-светлые волосы до подбородка, глубокие темно-карие глаза, обрамленные длинными чернильно-черными ресницами. Он просто возвышался надо мной — наверное, шесть и три фута против моих пяти с половиной.

Я резко втянула воздух.

Он был великолепен.

Реально *чертовски* великолепен.

Я стряхнула с себя оцепенение и, выхватив бумаги из рук парня, попыталась его обойти. Хотелось поскорее сбежать, дабы вернуть себе некое подобие самообладания или, возможно, достоинство, которого была лишена последние несколько часов.

Когда я проходила мимо, мистер Футбольная команда «Кримсон Тайд» взял меня за запястье и спросил:

— Эй, ты в порядке?

Я постаралась расслабиться и не хамить — в конце концов, он мне помог, — но нервы были на пределе, а прикосновение его грубой мозолистой руки к моей коже все только усложняло.

Эту необычную реакцию я решила списать на обезвоживание или на случай острой тогофобии.

— Да, — опустив плечи, ответила я.

— Уверена?

Встретившись с его прекрасными шоколадными глазами с голубовато-черными крапинками, я тяжело вздохнула.

— У тебя бывали дни, когда все превращается в чертовский кошмар? — Я сделала ударение на трех последних словах.

Он громко выдохнул, и на его лице появилось забавное выражение: полные губы изогнулись в кривой усмешке, и нос слегка сморщился от этого движения.

— Сегодня как раз такой день, вообще-то.

— Значит, нас таких двое, — невольно усмехнулась я в ответ и, сжав кипу бумаг покрепче, продолжила: — Спасибо, что остановился помочь. Это было очень мило с твоей стороны.

Он сложил большие загорелые руки на широкой груди и явно веселился, наблюдая, как я нервничаю.

— *Мило?* Такого обычно обо мне не говорят. — И с этими словами он пошел дальше, оставляя меня одну в широком коридоре.

Как только я повернулась к аудитории, парень оглянулся на меня через плечо и резко произнес:

— Я Роум.

— Молли, — быстро ответила я. Роум прикусил нижнюю губу, медленно кивая и с необычайно глубоким интересом оценивая меня с головы до пят. И больше не сказав ни слова, зашел на философию.

Собравшись с мыслями, я переступила через порог аудитории, и несколько пар глаз автоматически устремились ко мне. Я продолжила свой путь, ощущая себя Бриджит Джонс после такого провального появления.

Когда я подошла к столу профессора Росс, чтобы положить учебный план курса, она строго посмотрела на меня, и я скривилась, выкручивая пальцы от стыда. Она жестом

указала мне встать рядом с ней за кафедру. Я сделала, как она велела, и посмотрела на аудиторию, в которой все таращились на новенькую британку, выставившую себя полной дурой.

В своем твидовым коричневым костюме-двойке, с седыми волосами, заплетенными в тугую французский пучок, и маленькими очками-половинками профессор выглядела как старая училка из интерната. Она указала на меня и заговорила со своим роскошным королевским британским акцентом:

— Позвольте представить вам Молли. Она, как и я, родом из Англии. Молли согласилась получать степень магистра в этом прекрасном университете и продолжить выступать в роли моего ассистента в исследовании, которое я провожу для студенческого журнала, а также быть моим ассистентом на этом курсе. Я знакома с Молли уже несколько лет и не смогла бы найти себе лучшей кандидатуры для проведения годичных научных исследований в Штатах. Вскоре вы все узнаете, что она исключительная юная леди.

Профессор отошла в сторону, жестом приглашая меня обратиться к аудитории.

— Молли, почему бы тебе не сказать пару слов своим новым сокурсникам?

Я глубоко вдохнула и, встав за кафедру, осторожно подняла глаза.

— Всем привет. Как сказала профессор Росс, я приехала в Алабаму из Англии, чтобы получить степень магистра философии, выучиться на доктора философии и в результате стать профессором. — Мои глаза сканировали ряды. В небольшой аудитории было около тридцати человек. — Я любила философию религии сколько себя помню, и я рада быть здесь, чтобы помочь профессору Росс на лекциях и семинарах. Постараюсь сделать прекрасный мир философии немножко более интересным. Буду рада ответить на любые вопросы о...

— У меня есть вопрос.

Я проследила, откуда раздался прервавший меня голос, и обнаружила рыженькую из коридора... сидящую рядом с Роумом.

— Какого черта ты хочешь стать профессором философии? Тебе не кажется, что это пустая трата твоей жизни?

Я уже привыкла к этому вопросу.

— Почему нет? Все в жизни, на Земле, можно поставить под сомнение: почему, как, как такое возможно? Меня вдохновляет загадка жизни и вселенной, передо мной огромное количество вопросов без ответов, и я люблю погружаться в исследования — как древности, так и современности.

Она прыснула со смеху.

— Тебе сколько лет, милочка?

— Эм... двадцать. — Я нервно обвела взглядом аудиторию и увидела много широко раскрытых глаз, приклеенных ко мне.

— Двадцать! И ты уже получаешь магистра?

— Ну да. Я экстерном окончила школу и поступила в университет на год раньше.

— Черт, девочка, тебе бы перестать быть такой чертовски серьезной и научиться жить. Жизнь — это не только учеба, это еще и веселье. Расслабься, блин! — Она покачала головой в недоумении, ее длинные волосы идеально вторили движению. — Клянусь, я никогда не пойму таких, как ты.

Несколько студентов заерзали на своих местах из-за ее откровенных комментариев. Рыжая выглядела довольной собой. Уверена, по ее мнению, вторая попытка подразнить меня

удалась.

— Таких, как я? — переспросила я с едва заметным надрывом в голосе.

Она злобно улыбнулась, едва не ослепив меня своими жемчужно-белыми зубами.

— Книжных червей, ботанов... подражателей *профессорам!*

Я сузила глаза и вцепилась в деревянную поверхность кафедры, стараясь реагировать на ее хамский тон как профессионал, но быстро решила послать профессионализм к черту. Я собиралась ударить в ответ. У меня был отстойный день — вечер будет еще хуже, — поэтому я решила: да гори оно все адским пламенем.

— По-моему, именно учение и знание дают человеку силу, а не деньги, статус или то, шмотки какого дизайнера ты носишь, — холодно произнесла я.

— Серьезно? Ты действительно в это веришь?

— Конечно. Открытие своего разума для новых возможностей, изучение жизни других культур, их верований — дает людям богатое, более целостное представление о природе человека. Философия дает ответы на множество вопросов. Например, почему некоторые люди идут по жизни легко, без сострадания к другим? Когда другие — хорошие, заботливые и честные люди — постоянно принимают удар за ударом, но находят в себе силы идти дальше? Тебе не кажется, что, если бы больше людей добросовестно относилось к проблемам человечества, мир стал бы лучше?

Девушка нервно откинула волосы с лица и, раздраженно уставившись на меня, поджала свои алые губы. На мой вопрос она так и не ответила.

— *Вот* почему я учусь, а не напиваюсь каждый вечер. Мир заслуживает людей, которые думают больше о других, нежели о себе, и стремятся быть менее эгоистичными и поверхностными. — Я впиалась в нее взглядом и произнесла псевдо-дружелюбным тоном: — Надеюсь, это дает тебе некоторое представление, почему я хочу стать профессором. Это то, кто я, и я очень горжусь сим фактом.

— *Черт!* Ну что, Шелли, *получила!* — пробормотал хриплый мужской голос, вызвав взрыв смеха, разорвавший напряженную тишину. Я пришла в замешательство, когда поняла, что это сказал Роум, который, задрал ноги, сгорбился на своем месте и тихо посмеивался, а остальная часть группы вторила ему. И в моем животе поселилось чувство глубокого удовлетворения.

Шелли разинула рот от такого поворота событий и резко закончила разговор с пренебрежительным:

— *Да пофиг!* Удачно устроиться тебе тут с таким отношением!

Профессор Росс хлопала меня по плечу и прошептала на ухо, что нужно быстро раздать учебный план курса, пока занятие не закончилось. Очевидно, она была недовольна моим поведением.

Я мигом схватила бумаги с дубового стола и стала передавать их по рядам, пока профессор объясняла, как будет оценивать работы, а также правила и стандарты занятий.

Я дошла до последнего ряда и сразу же заметила Роума, уставившегося на меня с каким-то непонятным блеском в глазах. Он приветственно кивнул мне, поджав губы. И я слегка улыбнулась.

Шелли тут же наклонилась к нему, не сводя с меня глаз. Судя по позе — их ноги соприкасались, а ее большая грудь задевала его руку, — они с Роумом были явно очень близки.

Когда я протянула последний листок Шелли, она пропела:

— Хорошая обувь, Молли. У всех будущих профессоров философии такой фантастический вкус?

Студенты захихикали.

Я взглянула на свои недорогие кроксы, потом на ее золотистые, без сомнения, дорогие сандалии-гладиаторы и грустно вздохнула.

Роум мигом оттолкнул ее ногу от своего бедра и выпалил:

— Хорош, Шел. Почему ты постоянно ведешь себя как долбаная сука?

Его замечание также эффективно заставило замолчать остальную часть аудитории. Страх отгрести от Роума заставил их отвернуться, игнорировать неловкую ситуацию, в которой я оказалась, и буквально вжаться в свои места.

Шелли сложила руки на груди и надулась.

Роум проигнорировал ее реакцию и, потирая подбородок, вновь взглянул на меня.

— Ты действительно веришь в то, что сказала?

— Во что именно?

Он неловко поерзал на стуле и взъерошил рукой свои светлые волосы.

— Что жизнь несправедлива, и философия может ответить, почему одним приходится сталкиваться с дерьмом, а другим — нет.

— Абсолютно, — ответила я с непоколебимой уверенностью.

Роум медленно кивнул, покусывая нижнюю губу. Похоже, он был впечатлен.

Я развернулась и быстрым шагом направилась к столу ассистента преподавателя в другом конце аудитории. Обосновалась там и до конца занятия не поднимала голову.

— Молли.

Я подняла голову и увидела перед собой профессора с выражением укора на морщинистом лице.

— Потрудись объяснить, что только что произошло? Это совсем на тебя не похоже.

— Сьюзи...

— Эм, на занятиях *профессор Росс*. Молли, что на тебя нашло?

— Извините, — поморщившись, пробормотала я. — Я сегодня сама не своя.

— Ты не ответила на мой вопрос.

В ее строгом мудром взгляде я заметила не только досаду от недостатка моего профессионализма, но и вспышку беспокойства.

Я вздохнула.

— Просто плохой день. Вот и все. Больше этого не повторится.

Сьюзи опустила руки, выговор по поводу моего поведения был забыт.

— Не позволяй таким людям, как эта барышня, на себя влиять. Никогда не оправдывайся за то, какая ты.

На моем лице расплылась улыбка.

— Спасибо, профессор. Урок выучен. Она просто... я не знаю... как-то меня задела.

— Я заметила. Но в следующий раз блокируй ее. Просто игнорируй.

Я кивнула в знак согласия.

— А теперь, почему бы тебе не пойти домой?

— Спасибо, профессор. — Я взяла свою коричневую кожаную сумку со спинки стула и покинула аудиторию.

Роум был в коридоре. Он с раздражением на лице пытался выкрутиться из объятий тощей блондинки, которая повисла у него шее, прижимаясь грудью к его красной

спортивной футболке.

Я застыла на полпути, ощущая себя невероятно неловко в сложившейся ситуации.

— Но... но... почему нет? Ты никогда мне не отказывал! — заскулила блондинка, неохотно отпуская шею Роума, скрестила руки и недовольно топнула каблуком бежевых туфель на танкетке.

— Все меняется, — грубо заявил Роум, отталкивая ее от себя.

— *Меняется? С тобой? С каких это пор?*

— Да, блядь, прям с этих! Ты мне больше не нужна!

Блондинка ушла с возмущенным воплем, а Роум провел ладонью по лицу и понуро прижался лбом к стене, выглядел он весьма взволнованным.

Воспользовавшись тем, что он отвернулся, я опустила голову и тихонько прошла мимо. И выдохнула только тогда, когда успешно проскользнула незамеченной.

Выходя из дверей в яркий летний день, я почему-то ощутила разочарование от того, что Роум оказался одним из *тех* парней: игроком... сердцедом... типичным плохим мальчиком.

С его внешностью это было неудивительно.

Глава 2

— Напомните мне, какого черта я расхаживаю в простыне, которая едва прикрывает мою грудь и зад? — спросила я немного громче, чем следовало, пока мы с подругами направлялись на ужасный вечер посвящения в выбранное «нами» сестринство.

Лекси остановилась и развернула меня к себе лицом.

— Потому что *я наконец-то* могу стать чирлидершей, черт побери, а это самый легкий способ! Главная сучка-чирлидерша руководит этим сестринством, я собираюсь сблизиться с ней и использовать ее в своих целях. Я пробовалась три года подряд, но без членства в сестринстве — *nada*¹. Этот год — моя последняя надежда, так что закрой рот и вперед!

— Я это уже говорила, но скажу еще раз. Мы слишком старые для этой хрени! Мы на старшем курсе, какого черта они хотят, чтобы мы к ним присоединились?

— *Потому что*, — раздраженно бросила она. — У них квоты для старшекурсниц и студентов по обмену, а это как раз мы! — Ее бледное лицо приняло мрачный вид.

Лекси была готессой пяти футов ростом, с очень стройной фигурой, черными волосами, стрижкой пикси, выбеленным лицом и черной подводкой на глазах и губах. Она была полной противоположностью типичной чирлидерше, но имела безумную мечту однажды встать на вершущку пирамиды на футбольном матче.

А я, ее соседка по комнате, была для поддержки. Ну, я и Кэсс — огромная, как скала, весом приблизительно сто тридцать килограмм блондинка из Техаса, которая тащилась сзади, высматривая жертву на сегодняшнюю ночь. Как обычно, на Кэсс был ее белый стетсон² и черные кожаные ковбойские сапоги вместе с туго натянутой тогой, которую требовало сестринство — выглядело так, будто она застряла в наволочке.

Глядя на нас троих, я не могла отделаться от мысли, что мы вряд ли вольемся в компанию спортивных южных красавиц, которая ожидала нас по ту сторону больших белых дверей.

В первую неделю моего пребывания здесь, когда братства и сестринства рекрутировали студентов, нас взяла на карандаш — в смысле, записала — сверхаппивная брюнетка. И вот,

после долгих недель отбора, нам сказали прийти сегодня вечером на официальное посвящение.

Лекси узрела в этом знак свыше от ее обожающего чирлидинг всемогущего Бога.

Я же видела в этом странное и жестокое наказание.

Кэсс встала перед нами и спросила:

— Ну че, сучки? Мы идем или как? Хочу посмотреть, какое мяско сегодня в меню. Мамочкино тако нужно хорошенько начинить. — И она хлопнула себя по промежности, подтверждая эту мысль.

Месяц назад по приезде меня немедленно поселили в кампусе, а единственной свободной комнатой оказалась та, в которой жили эти две девчонки. Я сразу же их полюбила — никакого гонора и гарцевания, зато абсолютная гордость за свою личность. Они взяли меня под свои южные крылышки, и мы в момент подружились. Хотя, знакомясь с этими милыми дамами, я не осознавала, что девиз «один за всех и все за одного», который мы приняли, приведет меня к маскараду с оборачиванием в дешевый хлопок из «Уолмарта» с целью помочь своей эмо-подружке реализовать ее фантазии с помпонами.

От жизни в одиночестве, восемнадцатичасовых занятий в библиотеке и чопорных ужинов в Оксфорде я докатилась до ношения простыни, которая должна была напоминать одеяние древнего Рима.

Но не напоминала.

Даже близко.

Кэсс достала флягу с самогоном откуда-то из складок своей обтягивающей тоги и сделала большой глоток.

— Воу! Вот это огонь, подруга! — пропела она и, снова глотнув, хлопнула себя по мясистому бедру. Она провела языком по губам, слизывая последние капли, и передала флягу сперва Лекси, которая, глотнув, с визгами и потрясыванием рук затанцевала на месте, а потом мне. Я лишь слегка пригубила и тут же почувствовала, как глаза вылезают из орбит.

— О боже, Кэсс! Как ты это пьешь? — выпалила я, хватаясь руками за горло, чтобы смягчить жжение. Кэсс переделала часть своей ванной под самогонный аппарат. Она его обожала.

— Прикальываешься? Это как пить мамочкино молочко, я обожаю этот драаайв, — она растянула последнее слово и изобразила, будто через нее пустили ток, затем достала жевательный табак из припрятанной сумочки и сунула его за нижнюю губу.

Я закатила глаза в ответ на ее выходки и вернула флягу. Мы взялись за руки и направились напрямиком в огненное жерло ада.

* * *

Фойе «Дельта Эпсилон Нью Омега... Бета... Пи... Каппа» — кто придумывает эту хрень? — было огромным. Большая лестница из дуба броско выделялась в этой комнате внушительного особняка из красного кирпича, а люстры на потолке выглядели так, словно их место в Версале.

Нас сразу же, как стадо, погнали в широкую дальнюю комнату сестринства. Новички дрожали от предвкушения, заслышав о скорой встрече с неуловимым президентом общества. Меня поражало, как один человек может вызвать такой ажиотаж.

Сестры велели нам замолчать, и под барабанную дробь, любезно исполненную одной из

сестер стуком ладоней по столу, президент вошла через двойные двери, напуская драматизма перед началом вечера.

И я тут же напряглась. Это была Шелли, разодетая как кукла — в туго обтягивающее, короткое, желтое платье.

— Добро пожаловать, новички. Сегодня вы здесь для последнего этапа посвящения в это уважаемое и первоклассное сестринство. Все в этой комнате станут частью сестринства и членами семьи не только до окончания университета, но и на всю оставшуюся жизнь. — Она принялась расхаживать перед толпой. — Сегодня мы будем веселиться. Но перед началом вечеринки мы решили дать вам одно маленькое задание... чтобы вы доказали, как сильно хотите быть здесь.

При виде ее самодовольной ухмылки в моем животе возникло плохое предчувствие.

— Задание очень быстрое и легкое, — заявила она, подходя к столу, накрытому черной тканью, и с хихиканьем отбросила материю, открывая сюрприз, спрятанный под нею — множество повязок на глаза.

Шелли прошла перед каждым из нас, оценивающе разглядывая своими глазками-бусинками каждую жертву. А дойдя до меня, прищурились.

— Боже, Молли. Что я вижу? Я думала, тебе не по душе такого рода *веселье*? Хм? Может, ты считаешь, что, присоединившись к сестринству, сможешь лучше понять *природу человека*, а?

Я закрыла глаза и медленно вдохнула через нос, игнорируя вопросительные взгляды Кэсс и Лекси.

Меня реально бесила эта девка.

Надменно усмехнувшись, Шелли продолжила:

— С выполнением задания посвящения нам помогут парни из дружественного братства. С завязанными глазами вы должны будете поцеловаться — *с языками* — с парнем из братства и угадать, что он недавно ел. Это лишь небольшое доказательство вашей преданности, и мы хорошенько посмеемся. — Она тряхнула волосами, достойными съемок в рекламе шампуня, в сторону остальных сестер, и те захихикали в ответ.

Вот черт!

Мне совсем не нравилась эта затея.

Я схватила Лекси за руку и наклонилась к ней.

— Ты сказала, что дедовщина запрещена из-за какого-то недавнего скандала? Посмотри на эти повязки. Все идет к тому, что нас конкретно унизят, а это и есть чертова дедовщина! Я не стану этого делать, Лекси. Я выхожу из игры.

Лекси посмотрела на меня щенячьими глазами.

— *Пожалуйста*, Моллз. Ради меня? Не такая уж это *ужасная* дедовщина. Ради бога, это всего лишь поцелуй с парнем!

Я опустила голову и застонала. Борьба с ней было бессмысленно. Она снова пустит слезу, чтобы я почувствовала себя виноватой.

— Ты моя должница!

— Подойдите к столу и возьмите по повязке. Мы поставим вас в линию, после чего зайдут парни, — пропела Шелли с издевкой в голосе.

Мы сделали, как было велено, и через несколько минут я услышала звук открывающейся двери и шарканье ног по полу. Я почувствовала, как кто-то встал напротив меня и чуть не блеванула от вони. Он весь провонял алкоголем и потом.

Отвратительно.

— Когда я похлопаю вас по плечу, начинаете целоваться: правильно угадаете еду, вы приняты — все просто, — ликующе проинформировала нас Шелли.

Я догадалась, что стояла последней, так как не нащупала никого сбоку от себя.

Меня оставили напоследок.

Комнату заполнили характерные звуки причмокивающих языков и догадок, которые делали девушки, а со всех сторон то и дело раздавался хор злобно хихикающих сестер.

Мой пульс ускорился в нервном ожидании, а руки начали подрагивать, выдавая растущую панику.

Время словно замедлилось, когда подошла моя очередь. Парень из братства пах... *отвратно*. Но я сделаю это ради Лекси.

Легкое касание сзади сигнализировало, что настал мой черед. Я собралась и наклонилась вперед, но ощутила лишь порыв воздуха перед лицом. Что-то грохнулось в стороне, и вокруг меня разнесся мужской смех.

— Сгинь, Макмиллан. Похоже, ты занял мое место, — протянул голос.

— Ох, *н-нет*... П-пуля! Шелли сказала... сказала, — раздалось невнятное и бессвязное бормотание *Макмиллана* откуда-то с пола.

— Да мне насрать, что она сказала. Иди, бя, напейся, вырубись или еще что. Усек? — Можно было безошибочно распознать угрозу в голосе этого «Пули».

— Я п-понял. Понял тебя, мужик.

Я понятия не имела, что происходит и кто бьется за возможность меня поцеловать. Этот день с каждой секундой становился все более странным.

— Подожди! Мак должен... — закричала Шелли.

— Заткнись на хер, Шел. — Его тон не оставлял шанса на спор, и Шелли умолкла.

Я была занята пожевыванием ногтя на большом пальце — нервная привычка, проявляющаяся в неловких ситуациях, — когда новый парень из братства встал передо мной. Пах он гораздо приятней предыдущего: летом, мылом и мятой. Аромат был знакомым. Успокаивающим. Соблазнительным.

Большая мозолистая рука отняла мой палец ото рта и прижала к накаченному торсу. Мои пальцы сжались на хлопковой ткани, покрывающей его тело, ощущая рельеф твердых мышц и очерчивая кубики брюшного пресса. Завязанные глаза определенно обостряют чувства: ты осязаешь, ощущаешь запахи и слышишь гораздо острее.

Его руки обхватили мое лицо, и я почувствовала момент, когда он начал приближаться. Парень лишь слегка приласкал мои губы, мягко подразнивая своими.

А затем без предупреждения мой захватчик издал голодный стон и отбросил всю нежность. Его стремительный, влажный язык ворвался в рот, сражаясь с моим языком и отвоевывая контроль. И я с радостью его отдала. Другого выбора просто не было.

Я в жизни такого не чувствовала.

С каждой секундой поцелуй становился все неистовее, интенсивнее, и я ясно чувствовала прохладный привкус мяты. Пища или вкус, который мне нужно было распознать — это мята. Я ощущала ее в каждом уголке его рта и на полных губах.

Внезапно пути дикого желания ослабли, и я вспомнила, где нахожусь — в комнате, полной людей, — и пока полностью не растворилась в его прикосновениях, собралась с мыслями и неохотно прервала связь.

Первой убрал язык, я взялась за его запястья, но его руки остались на моем лице. Мои

губы оторвались от его, и я облизнула их, смакуя остатки сладкого вкуса, и заработала этим довольный рык.

Пытаясь восстановить дыхание, я заметила, что комната погрузилась в абсолютную тишину.

Руки хватчика напряглись на моем лице в непреклонной, доминантной хватке, а его горячее, сладкое прерывистое дыхание обжигало щеки.

Я прочистила горло и тихонько объявила:

— Это мята. Вкус у него во рту — это...

Мой ответ прервал низкий стон, и губы парня из братства вновь обрушились на мои — с еще большим напором, чем прежде. Его язык немедля проник обратно в мой рот.

Мягкие волосы с ароматами древесины и леса щекотали мне нос, пока его лицо почти до боли прижималось к моему. Он стонал с каждым движением языка и погружался все глубже, словно поедая самый вкусный десерт в мире. Мне оставалось только ответить взаимностью.

Я запустила пальцы в его длинные, мягкие волосы и сжала их в кулаках, контакт стал еще более тесным, и мой хватчик издал свирепый тяжелый рык.

Не знаю, как долго мы целовались, но чем дольше это продолжалось, тем больше казалось, что мое сердце просто выскочит из груди.

Он контролировал, я подчинялась, и мы оба наслаждались теплом наших объятий.

Как только его рука начала медленно скользить вниз по моей шее, кто-то отдернул меня за плечо, и парень ослабил хватку на моем лице.

— Хватит! Какого черта, Роум? Сейчас же отвали от нее! — Голос Шелли был весьма похож на скрежет ногтей по классной доске.

Мою повязку стянули с глаз, и когда темнота рассеялась, я увидела перед собой Роума, реально прямо перед собой, кончики наших носов практически соприкасались. Одет он был в ту же одежду, что и прежде. Полностью игнорируя скачущую вокруг нас Шелли, он смотрел на меня с неприкрытым желанием.

— Привет, Мол, — прохрипел он, переводя взгляд с моих глаз на опухшие губы и обратно.

— И тебе привет... — прошептала я в ответ, не сумев найти других слов в своей опустошенной голове.

Роум снова потянулся ко мне, словно нас притягивала друг к другу гравитация, и мой подбородок инстинктивно приподнялся в ответ. Шелли дернула Роума за руку, оттаскивая на несколько шагов, но он так и не прервал нашу странную битву взглядов.

— Эй! — громко завопила она и залепила ему довольно сильную пощечину. Это привлекло его внимание и вызвало шокированные вздохи у всех присутствующих в комнате.

Убрав руки с моего лица, Роум схватил ее за запястье — осторожно, но сильно — и с жуткой усмешкой на лице процедил сквозь зубы:

— Бля. Никогда. Больше. Не смей меня бить.

Глаза Шелли расширились от его жесткого и грозного предупреждения, а все остальные в комнате уставились на меня, словно я была неудачным научным экспериментом.

— Это была мята, — ляпнула я, и Шелли резко повернулась ко мне. — У Роума был вкус мяты. Таково ведь было требование в этом нелепом задании посвящения, не так ли? — Даже по мне слова прозвучали холодно, в это время я смотрела на Шелли, пытаюсь рассеять напряженную атмосферу, повисшую в комнате.

Жесткий и злой взгляд Роума зафиксировался на мне, и у меня тут же сбилось дыхание. Никто раньше не вызывал у меня таких эмоций, и я начинала паниковать от незнакомого чувства притяжения к этому парню.

Его рот сошелся в тонкую линию, а ноздри раздулись, словно он учуял мое острое влечение.

— Она права. Я только что жевал жвачку.

Вырвав руку из крепкой хватки Шелли, Роум оттолкнул ее, развернулся и покинул комнату с громким хлопком двери.

Через несколько напряженных секунд остальные парни из братства тоже вышли, остались только ошарашенные новички и сестры, одаривающие меня смесью удивленных ухмылок и пораженных выражений на лицах.

Широко улыбаясь от возбуждения, ко мне подошли Лекси и Кэсс. Лекси взяла меня за руку и пропищала:

— Молли, ты знаешь, кто это был?

— Да, Роум. Я познакомилась с ним сегодня на занятии по этике и философии.

Кэсс фыркнула.

— Да уж, блин, это *Роум*, но он больше, чем *просто студент*, Моллз.

— *И?* — ответила я в замешательстве.

Лекси наклонилась ближе.

— Молли, он выпускник и, к твоему сведению, *абсолютно* недосыгаем. Он весь в себе, мрачный и суровый, но, *что более важно*, он чертов звездный квотербек «Тайд»!

— Официальная статистика: сто девяносто сантиметров и сто килограмм сплошных мускулов! — восторженно добавила Кэсс.

— Он кто? Кого?

Кэсс отпрянула и сложила руки на своей выдающейся груди, словно я только что ругнулась при Папе Римском.

— Он звездный квотербек «Кримсон Тайд».

— О, это было написано у него на футболке. Это американская футбольная команда, да?

— Да? ДА?! У вас что, в Англии нет футбола?!

— Есть, но в него играют *круглым* мячом. Вы его соккером называете. Еще есть регби, крикет, теннис. Мы не играем в американский футбол, во всяком случае, профессионально.

— Господи Иисусе... я не представляю жизни без футбола. Ни тебе пикника на багажнике, ни барбекю, ни хот-догов. Жизнь была бы невыносима.

— Меня воспитывала бабушка в маленьком шахтерском городке на севере Англии. Для нее весельем было вязание шарфов и игра в шахматы. Когда я поступила в Оксфорд, то училась на бакалавра двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Уж простите, что футбол не играл большой роли в моей жизни! — попыталась отшутиться я, взамен почувствовала возрастающую тревогу от упоминания моей старой жизни. Но успела подавить ее, пока та не захлестнула меня целиком.

Лекси небрежно махнула рукой.

— Ладно, мы тебя просветим. Ромео Принс начинающий квотербек «Тайд», здешней американской футбольной команды, и он наверняка попадет в Национальную футбольную лигу в конце года. Его уже дважды приглашали играть профессионально, но он почему-то решил остаться и окончить университет перед тем, как взойти на звездный Олимп. Ты, Молли Шекспир, только что прилюдно целовалась с самым желанным парнем в кампусе. С

парнем, который никогда никому не принадлежал. С парнем, которого до чертиков боятся другие ребята, а девушки готовы отдать за него почку.

— Да ты счастливая сучка! — добавила Кэсс, легонько ударив меня по руке.

Отсутствие эмоций на моем лице, видимо, выдало то, что я до сих пор не понимала реального значения произошедшего.

Кэсс драматично закатила глаза.

— Давай-ка я объясню тебе попонятней. Ты, Кейт Миддлтон, только что поцеловала принца Уильяма Алабамского университета и, возможно, всего американского студенческого футбола.

Наконец до меня дошло.

— Так Роум здесь типа крутой парень?

Их широкие ухмылки показали, что мое определение было огромным преуменьшением.

— Ромео Принс. Он довольно пылкий, верно? — тихонько сказала я, вспоминая его необычайную притягательность, его властные руки на моем лице и его низкие рыки удовлетворения.

— Чертовски пылкий! Ты бы видела его на футбольном поле... *Боже, это что-то!* Он отбрасывает свою холодность и просто выбивает всю дурь из соперников, преграждающих ему путь. Девчонки без ума от этих его смен настроения, да и вообще, он просто ходячий секс: резкий, прекрасный, загорелый. Черт, я почти кончила, только подумав о нем! — Я скривилась от грубости Кэсс. Она же просто беззаботно тряхнула головой. — Но он не мог насытиться тобой, подруга! Я думала, он прямо тут сорвет с тебя одежду! Он Маку чуть голову не оторвал, когда тот направился целовать тебя. Толкнул его на пол с жутким, убийственным взглядом. У меня аж мурашки! — В демонстрацию она вытянула руку и потерла ее.

Я нахмурила брови, обдумывая сказанное.

— Ромео Принс, — в забытьи пробормотала я. Он целовал меня с таким отчаянием, таким диким желанием, пробуждая во мне что-то неведомое.

— Ага, и Молли Шекспир... *Эй!* Ромео и Шекспир! Разве не смешно? — с таким восторгом прошептала Кэсс, что ее тога чуть не слетела и не открыла больше, чем я была готова увидеть.

— Боже мой! Вам суждено быть вместе! — засмеялась Лекси, прикрывая рот своей маленькой ладошкой.

И в этот момент ко мне впритык подошла Шелли и цепко уставилась на меня своими голубыми глазами.

— Сейчас же покинь этот дом, ты... ты... *шлюха!* — рявкнула Шелли, брызгая слюной.

Я сняла очки и вытерла их краешком тоги.

— С удовольствием. Мне все это в любом случае не нужно. Прийти сюда было *огромной* ошибкой. Кэсс, Лекси, извините, но весь этот «праздник сестринской любви» не для меня. Увидимся дома.

Мне хотелось уйти подальше от этой ужасной девки и перестать притворяться тем, кем не являюсь. Я пришла сюда только ради подруги, мой долг выполнен. Мне просто нужно, чтобы этот день поскорее закончился. А завтра все вернется в норму.

Кэсс свистнула с помощью пальцев, привлекая всеобщее внимание.

— Она прошла, Шелли. Она поцеловала парня и угадала, что он ел. И не спорь со мной все это видели. Черт возьми, Моллз вообще в повязке была! Она его не домогалась. — Сказае

это, она с угрожающим видом скрестила руки на груди.

Маска бравады Шелли дрогнула на секунду. Не могу винить ее за это, я бы тоже дрогнула, обрати Кэсс свой гнев на меня.

— Она не должна была его целовать! Он предназначен мне! — завопила Шелли подругам по сестринству, которые наградили ее равнодушными взглядами в ответ.

— Думаю, ты сама понимаешь, что это *он* поцеловал *ее*... дважды, — заметила роскошная брюнетка, которая подмигнула мне, выходя из дальнего угла комнаты.

Она положила руку мне на плечо.

— Она принята. Не спорь, ты проиграешь, Шелли, — заявила она с довольной ухмылкой на милом личике. — Ты сама виновата в том, что заставляешь новичков проходить это идиотское задание каждый год, чтобы позабавиться со своими прислужницами. А теперь это обернулось против тебя. Какая досада.

Шелли ткнула пальцем мне в грудь.

— Держись от него подальше или нарвешься на неприятности, слышишь? Ты понятия не имеешь, с кем связалась, *ни одного гребаного понятия!* — После этих слов она пронеслась мимо и захлопнула за собой дверь.

Наступила мертвая тишина.

— Поздравляю! — обратилась брюнетка к новичкам. — Теперь вы все часть этого *фантастического* сестринства, повезло вам! Выпивка во дворе. Наслаждайтесь.

Новички со счастливыми улыбками начали выходить из комнаты, оставляя меня, Лекси и Кэсс с длинноногой красоткой в коротком красном летнем платье. У нее была загорелая кожа оливкового оттенка, длинные темные волосы до середины спины и темно-карие глаза. Она выглядела потрясающе. Как супермодель.

Девушка подошла ко мне и, сияя улыбкой, заговорила:

— Извини за Шелли. Ей всегда сносит крышу на таких мероприятиях, а тут еще ваше публичное проявление страсти с моим кузеном. Она просто в ауте.

— Кузеном? — пискнула я.

Она хихикнула.

— Да, Роум мой кузен, скорее даже брат. Я Элли Принс. Шелли хотела быть его девушкой лет так с десяти. Просто игнорируй ее, как я.

— Да, она вела себя немного по-собственнически по отношению к нему.

Теперь уже Элли загоготала.

— И я не знаю почему. Они никогда официально не были вместе. Раньше они иногда тусили, но Шелли так и не смогла уяснить, что между ними все кончено. Роум не отличается моногамностью, он обращает на нее внимание только потому, что их отцы являются бизнес-партнерами. Родители Роума выбрали ее на роль его будущей жены. Деньги идут к деньгам. Их родители уже ведут себя так, будто они обручены.

От этой информации мое сердце ухнуло вниз. Он должен обручиться с *ней*?

Элли протянула руку и коснулась моего плеча, на ее лице отразилась радость.

— Детка, я никогда не видела, чтобы он так себя вел. И Шелли тоже. Вот почему она вне себя от злости. К твоему сведению, даже я подумала, что это было весьма возбуждающе, а я его кузина и уж точно не за инцест! — подразнила она.

Элли взяла меня под руку.

— Пойдем выпьем пива. Вижу, мы с тобой подружимся, мисс Молли, хотя бы ради того, чтобы я могла понаблюдать, как ты мучаешь Шелли. Плюс, я выдвину вас с подругами в

кандидаты на комнаты в этом доме. У нас их осталось всего несколько, но если ты переедешь, то Шелли будет беситься постоянно, а мой год здесь станет гораздо интереснее.

Глава 3

Двумя часами позже я, Кэсс, Лекси и Элли сидели за столиком для пикника на роскошном газоне. Лекси подлизывалась к Элли как могла, зная, что та была на хорошем счету в команде чирлидеров, она расспрашивала ее о пробах и о том, что они ищут для своих новых выступлений. Кэсс, попивая свое контрабандное пойло, строила глазки огромному игроку «Тайд» (как она мне сказала), который в полной ковбойской экипировке стоял справа от нее.

Я не вникала в суть разговора, моя голова была занята лишь одной мыслью: о Роуме. Он не вернулся после поцелуя. По крайней мере, я не видела его на вечеринке, потому предположила, что он ушел домой. К сожалению, мне пришлось признать, что я была немного разочарована его отсутствием. Он не выходил у меня из головы из-за своего странного отношения ко мне. И я до сих пор не могла оправиться от того поцелуя. Он заставил задуматься о необычном для меня *modus operandi*³, включающим в себя наготу, кровать и чертовски много пота.

Снова сосредоточившись на разговоре, я услышала, что девушки перешли от темы чирлидинга к семейным историям, и занервничала. Думаю, сейчас самое время взять передышку.

— Эй, Элли, а где тут ванная? — резко спросила я.

— Можешь воспользоваться моей, дорогая. Верхний этаж, третья дверь справа. — Элли вынула ключ из сумочки и вложила его мне в руку. — Я ее запираю на таких вечеринках, чтобы народ там не трахался.

— Хорошо придумано. Спасибо. Я мигом.

Я ускользнула через двери патио, подошла к главной лестнице и быстро поднялась на третий этаж, стараясь не обращать внимания на стоны и хрипы, доносящиеся из-за закрытых дверей. Элли была права, что запирала свою комнату. Все это звучало так, будто на каждом этаже засела стая брачующихся волков.

Я добралась до нужной комнаты, повернула ключ в замке, вошла внутрь и, захлопнув за собой дверь, для безопасности снова защелкнула замок. Не хотелось бы, выйдя из ванной, увидеть секс-шоу в исполнении горячих первокурсников на кровати новой знакомой.

Комната была красивой. Белоснежные стены, огромная двуспальная кровать с красным постельным бельем, большой антикварный стол в углу. Хотя настоящей изюминкой был ее личный балкон. Красные марлевые занавески раздувались легким летним ветерком из открытой двери, а серебряные нити, искусно вплетенные в ткань, мерцали отблесками звезд.

Я покачала головой, осознавая, что она имеет все это, будучи еще студенткой. Некоторым людям вообще не доводится познать такой роскоши — мой папа и бабушка всю жизнь прожили в четырех маленьких комнатах. Я представила, как *дорого* стоит проживание тут. Эта мысль вывела меня из оцепенения, и я начала искать ванную, как и намеревалась.

Я уже зашла вглубь комнаты, когда с балкона послышался голос:

— Эл, это ты?

Я подпрыгнула и схватилась за грудь, мое сердце бешено забилося от испуга. Владелец голоса вошел в темную комнату, и я тут же прислонилась к столбику кровати.

Роум.

Я подняла глаза и увидела, что он смотрит на меня, явно озадаченный моим присутствием.

— В эту комнату нельзя заходить, Мол, — сухо сказал он, отхлебнув пива из коричневой бутылки.

Мол. Мне нравилось, как двигается его язык, проговаривая мое имя. Никто никогда не называл меня Мол, но, как только это слетело с его губ, я была готова сменить имя.

Дыхание замерло от его грубого голоса. Я нервно выпрямилась и покрутила ключом в лучах лунного света.

— Да, я знаю. Элли дала мне ключ, чтобы воспользоваться ее ванной.

Облизав губы и не сказав ни слова, он босиком пошагал обратно на уединенный балкон. Проводив его взглядом, я поспешила в ванную. Быстро справилась с нуждой и, уставившись в зеркало, заставила взять себя в руки.

Одолжила гребень Элли с туалетного столика и прошлась им по своим вьющимся волосам, укладывая массу каштановых кудрей в узел на макушке. Выдавила немного зубной пасты на палец и пробежалась им по зубам. Поправила перекрутившуюся тогу, натягивая ее на грудь третьего размера и округлую попу. К большому облегчению, тату на бедре не было видно. Наконец, пригладив брови и слегка пощипав щеки, я покинула безопасность ванной комнаты.

Осторожно открыв дверь, я на носочках направилась к выходу. И была уже почти у двери, когда Роум резко крикнул:

— Мол?

Я замерла на месте.

— Да?

— Не хочешь немного побыть здесь... со мной? — Его голос звучал напряженно, как будто он боролся с собой, задавая этот вопрос. Что ж, я тоже боролась с собой. Я не была уверена, что могу доверять себе рядом с ним.

— Мол?

— Да... хорошо.

Когда я вышла на открытый балкон, то увидела, что Роум сидит за столом в белом кресле и со скучающим видом смотрит вниз на лужайку перед домом сестринства.

Я отодвинула кресло напротив и опустилась в него, пытаясь понять, что же так увлекло парня. Роум никак не показывал, что замечает мое присутствие, пока не придвинул ко мне бутылку «Будвайзера» и не отхлебнул из своей. Он сидел в развалку, занятый своими мыслями.

Я осмотрела балкон, подмечая, как красиво он был оформлен яркими цветами в горшках, а когда повернулась к Роуму, встретила с пристальным взглядом его глубоких темно-карих глаз, и на его полных губах впервые с момента моего прихода заиграла легкая улыбка.

Я глотнула из бутылки, просто чтобы чем-то себя занять. Продолжая молчать, Роум подпер голову рукой, которая покоилась на подлокотнике кресла.

— Как долго ты носишь очки? — спросил он, только чтобы завязать разговор.

— Примерно с трех лет. Что-то около того. У меня всегда было хреновое зрение, — ответила я. Он отвернулся и снова тупо уставился на толпу внизу.

Где-то там разбилась бутылка, и Роум перегнулся через перила, чтобы посмотреть.

— Там становится шумно, — обыденно пробормотал он.

— Да. Ну, попробуй пройтись по коридорам. Звуки как в борделе. Я и не думала, что студенческая жизнь может быть такой... *активной*.

Он тихо усмехнулся и приподнял бутылку, изображая тост.

— Добро пожаловать в сестринство.

Я улыбнулась и тоже приподняла бутылку, а затем одним долгим глотком осушила ее наполовину, чтобы успокоить разбушевавшиеся нервы.

Я поставила бутылку на стол, и Ромео вопросительно вскинул бровь.

— Люблю пиво, — коротко объяснилась я.

— Вижу, — ответил он с веселой ухмылкой.

Я покраснела и положила подбородок на ладонь.

— Ну и чего же ты здесь прячешься?

Роум ссутулил широкие плечи.

— Сегодня я не в настроении.

Я притворно ахнула.

— Мистер Звездный Квотербек не желает тусоваться со своими яркими фанатами?

Его веселый настрой вмиг сменился раздражением, и от досады он принялся отрывать наклейку от пива.

— Да, быстро ты узнала. Кто ж тебе обо мне рассказал?

— Лекси и Кэсс.

— Кто?

— Мои соседки по комнате, они рассказали мне после того, как мы... эгм... после того, как мы... ну, ты понял...

— Поцеловались? — прямо, без стеснения произнес он.

Я уставилась на красную напольную плитку.

— Эм... да.

— Ну и что же они обо мне рассказали?

— Что ты *Ромео Принс*, выдающийся квотербек «Кримсон Вейв», и что ты принц Уильям студенческого футбола, и так далее, и тому подобное...

Он перестал терзать наклейку и прикрыл рот тыльной стороной ладони, пытаясь заглушить смех.

Я раздраженно поджала губы.

— Что?

— «Тайд».

— А?

— Команда называется «Кримсон Тайд», а не «Вейв».

Я вздернула плечами и небрежно отмахнулась.

— Какая разница. Это просто название.

— Не стоит так говорить. Это не «просто название» в этих краях. Это... все. Это жизнь и смерть. — Он вздохнул и вернулся к обдиранию наклейки.

Я сделала еще несколько глотков и изрекла:

— Так, значит, ты Ромео?

Шоколадные глаза стали ледяными.

— Роум.

Я покачала головой и поиграла бровями.

— Не-а! Все-таки *Ромео*. Я надежно проинформирована.

Он нахмурился, и лицо его ожесточилось.

— Меня никто так не называет, Мол.

— Так же как и меня никто не называет Мол, — парировала я, сама поражаясь своей смелости.

Чем заработала удивленный взгляд.

— Туше, Молли?.. — не закончил он, с расчетливой ухмылкой ожидая, что я назову свою фамилию.

— Молли Шекспир.

Поджав губы, Роум придвинулся ко мне.

— Что?

— Шекспир. Молли Шекспир.

На его грозном лице четко отразилось раздражение.

— Это ты так шутишь?

— Нет, Ромео. С фамилией Шекспир я родилась и выросла.

Он на секунду застыл, а потом запрокинул голову и, схватившись за живот, разразился смехом. Красная футболка слегка задралась, обнажая твердый загорелый торс.

— Это не единственная странность в наших именах, — нервно заявила я.

— Правда? Потому что с момента нашей встречи все становится страннее некуда. Знать бы, что все это означает. — Он нахмурился и тряхнул головой.

— Ну что ж, приготовься отправиться в Бредляндию, мой друг, потому что мое второе имя, *Ромео*, Джульетта, — выпалила я, постукивая пальцами по стеклянной поверхности стола.

Бутылка Роума замерла на полпути ко рту, и он прикусил язык.

— Ты серьезно?

— Ага, отец подумал, что это будет подходящей данью уважения нашей фамилии.

Он наклонил голову набок, с любопытством рассматривая меня.

— Метко.

— Да, но в то же время как-то неловко.

— Ну, Шекспир, ты тоже будешь относиться ко мне по-другому? Теперь, когда узнала, что я Пуля Ромео Принс?

— *Пуля?* — Я сконфуженно поморщила нос.

— Да. Футбольное прозвище. Из-за моей руки, — потирая лоб рукой, ответил он.

Я непонимающе уставилась на него.

— Я ей бросаю... — Мое выражение лица не изменилось, и тогда Роум указал на себя. — Квотербек... Квотербеки бросают мяч... в футболе... другим игрокам... Они контролируют игру.

— Как скажешь, — отозвалась я с улыбкой и пожала плечами.

— Черт, да ты действительно ничего не понимаешь в футболе, верно? — Он был реально поражен. Это было видно по его лицу.

— Верно. И не особо хочу, без обид. Мне это не интересно. Спорт и я несовместимы.

Скрежетая по красной напольной плитке, Роум пододвинул кресло поближе ко мне и, опершись на руку, заглянул мне в лицо.

— Мне нравится, что ты ничего не смыслишь в футболе. Для разнообразия будет с кем поговорить о чем-то, кроме блиц-защиты и расположения игроков на поле.

— А?..

— Мне нравится, что ты и понятия не имеешь, о чем я говорю, — размышлял он.

— Рада услужить.

Немного расслабившись, Роум потянулся за новой парой пива, открыл одну бутылку о край стола и передал ее мне, затем открыл вторую, и в это время его босые ноги коснулись моих.

Даже от этого мимолетного прикосновения у меня перехватило дыхание.

— Итак, Шекспир, в чем твой секрет? Я так понимаю, ты башковитая, если уже работаешь над кандидатской и пару лет assistiруешь профессору Росс. На самом деле, я думаю, ты просто охренительна, раз она притащила тебя в Алабаму с другого конца света.

Я поерзала от дискомфорта и уставилась на стол.

— Ну да. Что-то типа того.

— Не любишь говорить о том, как ты успешна в учебе, да? — заинтриговано спросил он.

— Не сильно. Как-то неловко рассказывать о том, как ты в чем-то хорош. По-моему, странно, когда кому-то нравится подобное внимание.

— Значит, между нами есть кое-что общее, — произнес он радостно и... удивленно.

Я накрыла его руку своей и прошептала:

— И еще наши эпические шекспировские имена.

Он сжал мою руку и, наблюдая за моей реакцией, понимающе улыбнулся.

— Да, и это тоже.

— *Роум? Роум? Кто-ниб удь видел Роума? Куда он делся?*

Шелли.

Роум зарычал и обхватил голову руками. Я допила свое пиво и отодвинула кресло на место. Моя тревога резко возросла.

Мне нужно уходить.

Роум с огорченным видом быстро поднял голову.

— Куда-то собралась?

Я заглянула через перила балкона и увидела, как Лекси, Кэсс и Элли болтали и смеялись на траве. *Я должна быть с ними, а не с Роумом.* Шелли шаталась по газону, очевидно, в поисках Роума. Она была в стельку.

Я указала вниз.

— Ты не собираешься к ней подойти? Кажется, она сильно перебрала.

— Я что, долбанутый?! Она просто хочет трахнуть. Ничего, переспит с кем-нибудь другим.

— Усади свою задницу обратно, Шекспир, и выпей еще пивка со своим самым трагическим персонажем. Ты не уйдешь от меня сейчас, — толкнув кресло ко мне, приказал он.

Взгляд Роума требовал подчинения, и я, игриво закатив глаза в ответ, взяла еще пива и села на место.

— Если не перестану пить, то так же скоро буду мотаться по газону. Хочешь, чтобы и я выкрикивала твое имя?

Роум облизнул нижнюю губу, и я невольно повторила его действие.

— С каждой секундой это звучит все более заманчиво.

Я не знала, что на это ответить.

Заметив мое смущение, он явно был доволен, но сменил тему:

— Значит, ты вступила в сестринство?

— Ага, и Элли хочет, чтобы мы переехали сюда, с Лекси и Кэсс, конечно же. Вообще-то, это не совсем мое, но я очень стараюсь влиться в студенческую жизнь.

Он улыбнулся.

— Ты разговаривала с Элли?

— Да. После того, как ты... вышел... из комнаты... после того, как мы... эм...

— Поцеловались, — снова подсказал он, но на этот раз его глаза затуманились, сконцентрировавшись на моих губах, а голос прозвучал хрипло.

— Эмм, да. Ну, Шелли орала, чтобы я уходила, а Элли вступилась за меня и фактически послала Шелли.

Он прошелся рукой по пепельным волосам и тихонько рассмеялся.

— Она не самая большая поклонница Шелли. Эл классная. Она будет тебе хорошим другом здесь. Она моя кузина и лучший друг. Поэтому у меня есть запасной ключ от этой комнаты, на случай когда снаружи начинается дурдом.

Он указал за спину на толпу студентов.

— Похоже, она славная.

— Она лучшая. — Он откинулся назад и заложил руки за голову. — Ну, Шекспир, где же ты жила в Англии? Только не говори, что в Стратфорде-на-Эйвоне⁴, иначе я отправлюсь в психушку проверяться.

— Нет, и даже близко не там. Я из Дарема, — хихикая, ответила я.

Он задумчиво выпятил нижнюю губу.

— Никогда о нем не слышал.

— Ты смотрел «Билли Эллиота»? — спросила я, пытаюсь найти подсказку.

— Фильм про танцующего паренька?

Я улыбнулась.

— Ага. Вот я из того же округа, что и Билли.

— Правда? — Я прямо видела, как он представляет себе этот округ. Ряд за рядом выстроившиеся по улице маленькие дома, серая беднота в сравнении со здешним образом жизни.

Потемневший взгляд Роума опустился на стол. Я накрыла его руку своей, и он вздрогнул от неожиданного прикосновения.

— Все в порядке. Я знаю, что бедная. Нет ничего плохого в том, что ты так думаешь.

— Я не... — Он запнулся и, с интересом наблюдая за движением, робко перевернул руку, чтобы наши ладони встретились.

Я постаралась успокоить нервы.

— Ты именно так и подумал. Все в порядке. Знаю, место, откуда я родом, не самое роскошное, но я все равно им горжусь. Я там выросла и люблю его вне зависимости от репутации, хотя давно уже там не была.

— Твоя семья еще там?

Семья. От этого слова я ощутила знакомую острую боль в сердце и закашлялась, чтобы спрятать панику. Я молча умоляла высшие силы помочь мне снова похоронить эту боль глубоко внутри и не позволить потерять контроль перед Роумом. Его рука опустилась мне на спину, давая необходимую поддержку, и волнение начало отступать.

— Ты в порядке? Ты вся аж побелела, — спросил Роум, наклоняясь и чуть сильнее

поглаживая мою спину.

Я сцепила руки, чтобы унять дрожь, и подняла взгляд на его красивое лицо.

— Да, спасибо, — ответила я, недоумевающая, почему от этого его действий паника отступила.

Обеспокоенно глядя на меня, он приподнял подбородок в призыве ответить на его вопрос.

Я сделала глубокий вдох.

— Нет. У меня нет семьи.

Выражение его лица было бесценным. Не будь все это так трагично, я бы рассмеялась.

— Черт, ты сирота?

— Нет, но у меня не осталось родственников. Не думаю, что взрослого можно считать сиротой.

— Твоя мама?

— Умерла, когда рожала меня.

— Папа?

— Умер, когда мне было шесть.

— А дедушки, бабушки, дяди, тети?

— Только бабушка.

— И?

— Умерла, когда мне было четырнадцать.

— Но тогда где?..

— В приюте.

— И все? Ты совсем одна почти... Тебе двадцать, верно?

— Да.

— Почти шесть лет?

— Ну, я поступила в университет, и там у меня были друзья, а профессор Росс взяла меня в ассистенты на первом курсе, и когда поняла, что у меня никого нет, стала за мной приглядывать. Но, в общем-то, да. Я была совсем одна очень долго. Это было... сложно.

Он невольно приблизился ко мне, словно я была гравитацией и притягивала его к себе. Это было довольно мило. Мне была приятна его забота, и я испытала удивительное облегчение, доверившись кому-то после стольких лет молчания. Было приятно не просто довериться кому-то, а именно... *ему*. Плохому парню из университета. Я поздравила себя. Только я могла довериться парню, который разбивает сердца ради удовольствия.

Я провела ладонью по его руке.

— Не хочу показаться грубой, но этот разговор меня расстраивает, Роум. Смерть с «Будвайзером» плохо сочетаются.

Он кивнул, и напряженное молчание снова заполнило пространство между нами. Тем не менее, руку с моей спины он не убрал, и я слегка передвинулась, чтобы устроиться поудобней.

— Так ты с Шелли?

— Хорошо меняешь тему.

— Ну, должна же быть причина, что ее так взбесил наш поцелуй, который и был только для посвящения.

— У нас... все сложно, — неуверенно ответил он.

— Звучит как отговорка.

— Нет, это не отговорка. Она меня преследует с шестого класса. Наши семьи настаивают на помолвке. Знаешь, для защиты инвестиций, чтобы удержать деньги компании в семье. Наши отцы партнеры по бизнесу. Бля, она мне даже не нравится, она просто большая старая заноза в одном месте.

— Но? Ты это сделаешь? Помолвишься, в смысле. Удивительно, что ты женишься на нелюбимой женщине. Да что вообще женишься, если верить слухам о тебе.

Роум тяжело вздохнул.

— Гребаные слухи. Послушай, девушки сами на меня вешаются. А я не отказываюсь, когда предлагают. Почему бы и нет? У меня нет девушки, никогда не было. Секс помогает мне снять напряжение и показать родителям, что я не с Шелли. Я не стану за это извиняться. Мне просто нравится много трахаться и каждый раз с разными девчонками.

У меня буквально челюсть отвисла от его грубости. Но он, похоже, не заметил моего потрясения.

— У моих родителей уже готов план. После окончания университета я должен жениться на Шелли, возглавить семейный бизнес и жить американской мечтой, мать ее.

— Так ты не хочешь профессионально играть в футбол? Я вроде слышала, что тебе пророчат большое будущее.

Его лицо оживилось.

— Да, я хочу играть. Я обожаю футбол. Скорость, командный дух, шум толпы на трибунах, выполнение идеального броска для тачдауна — для меня все это так же естественно, как дышать. Мои родители этого не одобряют. Они просто... Черт, неважно. Я просто ненавижу, что вся моя хренова жизнь продиктована родителями, вот и все.

— Тогда делай то, что хочешь ты. Пошли всех куда подальше.

Роум тряхнул головой, и его губы скривились в удрученной улыбке.

— Легче сказать, чем сделать.

— Нельзя прожить свою жизнь для других, Роум. Ты должен делать то, что *ты* хочешь, осуществлять *свои* мечты, идти *своей* дорогой. Если ты будешь счастлив, будут счастливы и твои родители, а если нет, то со временем они это переживут. Не будь с той, кто тебе не нравится, как с Шелли. Будь с девушкой, перед которой не сможешь устоять, которую реально захочешь больше всех. С кем почувствуешь связь.

— Как с тобой, Мол?.. С такой, как ты?

— Ты меня даже не знаешь, — прошептала я, широко раскрыв глаза, когда он неосознанно придвинулся ко мне.

Он поднял руку и провел указательным пальцем по моей щеке, вызывая дрожь.

— Ромео понадобилось лишь раз взглянуть на Джульетту, и его судьба была предрешена. Может быть, я как мой тезка, а ты как твоя.

Его рука опустилась на мое колено, прошлась по открытому бедру, и он облизнул нижнюю губу. Если бы мы наклонились... еще... немного... ближе... то... могли бы...

Дверная ручка в комнату Элли затряслась, и пронзительный визг прервал наш момент:

— Роум? Роум? Открывай! Я знаю, ты там!

Шелли. Снова.

— Блядство! — рявкнул Ромео, вставая, чтобы выбросить пустую бутылку в мусорку.

Я резко подскочила, по моим венам разлилась злость из-за того, что нас прервали.

— Опять она! — воскликнула я и схватилась за перила, чтобы успокоиться.

Роум пристально наблюдал за моей реакцией с другого конца балкона. И пока мы

смотрели друг на друга с неприкрытым желанием, он сжал кулаки.

— Я пойду, Роум, — тихо сказала я, прикрывая глаза, чтобы вернуть себе самообладание.

Ромео стоял напротив и просто молча глядел на меня. Я не могла понять, о чем он думает, и отсутствие у него хоть какой-то реакции меня бесило.

— Оставлю тебя с ней. Наверное, так лучше, — сказала я в это раз увереннее.

Он вздохнул и сцепил руки за шеей.

— Мол...

Он не договорил, и я восприняла это как сигнал, чтобы уйти.

Да уж, не сильно Ромео возжелал Джульетту!

Когда я проходила мимо него, он взял меня за руку и притянул к своей груди. Я с силой налетела на его мускулистое тело, и от этого соприкосновения у меня сбилось дыхание.

Ромео заправил прядь волос мне за ухо.

— Мне понравилось болтать с тобой, Шекспир. Это было по-другому... — Роум выглядел таким же растерянным, какой я себя чувствовала. Между его бровями залегла морщинка, он схватил меня за тогу и вплотную притянул к своему крепкому телу.

— Мне с тобой тоже, Ромео, — выдохнула я. — Но, похоже, наша маленькая беседа подошла к концу. Думаю, это даже к лучшему.

Я освободилась из его хватки и неохотно открыла дверь. В комнату ввалилась пьяная Шелли — на меня она не обратила ни малейшего внимания — и неуклюже запрыгнула на Роума, обвивая его талию ногами.

— Я хочу тебя, Роум. Трахни меня. Прямо здесь, прямо сейчас.

Я аж запнулась. Шелли впиалась в его губы и заерзала бедрами у его промежности. Ромео крикнул от неожиданности и схватил ее за руки.

Полная раскаленной ярости, я замерла, похоже, на целую вечность, после чего оставила их одних. Я была так зла. Он заигрывал со мной, а спустя секунду едва не трахнул девчонку прямо у меня на глазах. Наконец-то я поняла, что его репутация бабника была полностью заслуженной. Наверное, я полная дура, раз подумала, что между мной и кем-то вроде него может возникнуть такая странная мгновенная связь. Кэсс и Лекси меня предупреждали, а я оказалась такой идиоткой, что доверилась ему... пусть даже с ним это казалось правильным.

Я вернулась к подругам и, плюхнувшись на деревянную лавку, заметила, что Кэсс уютно устроилась в объятиях огромного парня, которому строила глазки.

— И кто же эта прелестная маленькая леди? У вас что, здесь есть дерево, на котором растут красотки? — спросил он, театрально озираясь, отчего я рассмеялась, и плохое настроение развеялось.

— Я Молли. А ты? — Он мне сразу понравился: большой, приятный, с ярким румянцем на щеках.

— Я Джимми-Дон Смит, ласточка. Очень рад знакомству. — Он дотронулся до полях своей ковбойской шляпы и поцеловал хихикающую Кэсс в шею.

Элли развернула меня к себе.

— Где, черт возьми, тебя носило?

— Я была в твоей комнате с Роумом. Он воспользовался запасным ключом.

Она хлопнула меня по руке, ее глаза расширились, а лицо озарила сияющая белоснежная улыбка.

— И?

— Успокойся! Ничего не было. Мы просто поболтали и выпили немного пива, — шикнув на нее, быстро ответила я.

— Он снова тебя поцеловал? — Она буквально подпрыгивала на месте. Я скептически покачала головой.

— Нет. Он целовал меня только ради посвящения, Элли.

— Мне так не кажется...

Я подняла руку, прерывая ее.

— Шелли нашла его в твоей комнате. Они сейчас там. И судя по тому, что я видела перед уходом, тебе, наверное, лучше сменить простыни.

Она уронила голову на стол.

— Что?! Зачем он снова впутался в это после стольких лет? Я думала... — Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Что? Что ты думала?

Она изучала меня, закусив губу, а потом просто тряхнула головой.

— Ничего. Очевидно, я ошиблась.

Я отвернулась и увидела, как Лекси показывает какой-то девушке сальто назад.

— Хочешь еще выпить? — разочарованно вздохнув, спросила Элли.

— Конечно, — ответила я. Я прекрасно могу насладиться ночью и не думать о том, как Принц Алабамы чпокает мисс Всемогущую Чирлидершу в роскошной красной спальне моей новой подруги.

Глава 4

— Говори ясно и лаконично, используй диафрагму, а не гортань, ох, и дыши глубоко. Ты хорошо знаешь тему, так что все будет в порядке.

Я кивнула. Профессор Росс инструктировала меня по семинару, который мне предстояло вести. Она была занята исследованием вопроса мироздания⁵ для студенческого журнала, поэтому попросила меня провести сегодняшнюю дискуссию.

— Сейчас, если не ошибаюсь, футбольная команда в отъезде, поэтому у тебя на занятии будет всего лишь тринадцать-четырнадцать студентов.

— Хорошо. Думаю, я готова, — с хрустом размяв спину, ответила я. Сложила материалы в папку и стала украдкой поглядывать из профессорского кабинета на то, как студенты начали заполнять аудиторию.

Сьюзи стояла рядом и с улыбкой наблюдала за мной.

— Слышала, ты переехала?

— Ага, мы вступили в сестринство. И нам с Кэсс и Лекси выделили там комнаты. Она положила руку мне на плечо.

— Очень хорошо, Молли. Как тебе комната? Красивая?

Я хихикнула.

— Скорее потрясающая. Она огромная. Массивная кровать, яркие белые стены и балкон... личный *балкон!*

— Ха, правда? Заметно отличается от Оксфордского общежития!

— Э-э... есть немного. — Я повернулась к ней лицом. — Помните, несколько лет назад вы возили группу в Италию?

Сьюзи энергично кивнула.

— Угу.

— Так вот, балкон один в один с теми, что мы видели в Вероне. Странно, но он похож на балкон в доме Джульетты. Мне даже не верится, что люди на самом деле так живут в университете! Это просто безумие! Но теперь мне придется жестко экономить.

Сьюзи рассмеялась и положила свои морщинистые руки мне на плечи.

— Наслаждайся, девочка моя. Ты это заслужила.

Я подошла к кондиционеру и включила его, пока совсем не расплавилась. В маленьком кабинете парило, как в духовке. Погода по-прежнему была нестерпимо жаркой, поэтому я надела короткие джинсовые шорты и белую льняную рубашку с короткими рукавами. Я даже сменила любимые оранжевые кроксы на белые, чтобы подходили к общему виду, и может, еще для того, чтобы немного побесить Шелли своим необычным модным решением. Волосы, как обычно, были собраны в высокий свободный пучок, а очки надежно сидели на носу.

Я еще раз проверила аудиторию: оказалось она почти полностью заполнена. Шелли зашла в окружении свиты красоток, и, к моему удивлению, следом за ними, болтая с Элли, вошел Роум. Я мысленно чертыхнулась — должно быть, команда уже вернулась. Как будто проведение семинара не было достаточно пугающим, так еще и мои проблемы с Роумом будут действовать на нервы.

Через приоткрытую дверь кабинета я наблюдала, как он вошел в аудиторию и тут же отыскал глазами мой стол. Заметив, что тот пустует, Роум ссутулил плечи и опустил голову. Одно это меня взбесило. Зачем грустить из-за моего отсутствия, если девка, ради которой он меня унизил, сидит на заднем ряду, страстно желая его внимания? Я приказала себе сконцентрироваться на семинаре и игнорировать его присутствие.

Взяв свои заметки, я вышла из кабинета профессора в аудиторию, и Роум сразу же повернул голову в мою сторону. На нем были обычные джинсы и черная футболка без рукавов, а волосы, как всегда, пребывали в сексуальном беспорядке. Когда он понял, что это вошла я, на его лице появилась легкая улыбка.

Он прошел мимо и, кивнув, коротко поздоровался:

— Шекспир. — После чего занял свое обычное место. Шелли попыталась взять его за руку, но он освободился из хватки и наградил ее жестким взглядом. Она сложила руки на груди и надулась. От этого я слегка ухмыльнулась, но быстро взяла себя в руки, когда профессор Росс вошла в аудиторию и взмахом руки пригласила меня начать.

Я встала за кафедру и глубоко вдохнула.

— Всем привет. Профессор Росс попросила меня провести сегодняшний вводный семинар по утилитаризму, а на последующих занятиях я буду делать короткие заметки о главных его принципах перед тем, как мы подберем примеры для обсуждения.

Шагнув к краю стола, я разложила свои записи. Эту тему я знала как свои пять пальцев.

— Говоря простым языком, идея утилитаризма заключается в теории, что действия индивида основываются на том, что мы, люди, принимаем решения, стремясь получить удовольствие. Поэтому тема рассматривается как гедонистический подход в этике: мы совершаем действия, чтобы почувствовать себя хорошо, нами управляет желание получить удовольствие. Джереми Бентам предположил, что люди действуют по принципу «удовольствие — боль», что значит: мы ищем удовольствия и любыми способами избегаем боли.

Я посмотрела на студентов, дабы убедиться, что они слушают. Пока все шло хорошо.

— Бентам считал, что этот принцип применим и к обществу в целом. И оно станет

функционировать лучше, если будет работать на основе положения «большее благо для большего количества людей». Это заметно во многих аспектах общественной жизни, но хорошим примером являются демократические выборы. Побеждают те, за кого проголосовало большинство. Поэтому большинство людей в этом обществе счастливо, то есть в результате чувствуют удовлетворенность, создавая более утилитарное общество.

Я услышала кашель и как кто-то громко заерзал на своем месте. Подняв глаза на прервавшего меня, я увидела Роума, подпершего подбородок руками и наклонившегося вперед, его внимание было целиком сосредоточено на мне.

Раздражение внутри меня возросло, но я собралась с мыслями и продолжила, стараясь его игнорировать:

— Так, на чем я остановилась? Ах да. Сегодня мы будем обсуждать концепцию принципа «удовольствие — боль» и при каких условиях люди реально действуют таким образом. Лично я по большей части склонна согласиться с этой теорией...

— Правда?

Я подняла голову и увидела, что все глазают на Роума. По их реакции стало понятно: он не часто выступает на занятиях.

— Прости?

Он покрутил карандаш между пальцами и дерзко глянул на меня.

— Это я так выражал свое удивление тем, что ты согласна с Бентамом, *по большей части*.

Мои щеки загорелись от волнения.

— Да, ты все правильно понял.

— Ха! — пренебрежительно фыркнул он и, зажав карандаш между зубами, зыркнул на Элли, которая двинула ему локтем по ребрам, призывая прекратить.

Я разозлилась еще больше. Грубость всегда меня раздражала. Я пыталась вести себя профессионально, я всегда старалась быть профессионалом, но что-то во мне сорвалось. Ромео Принс действительно меня достал.

— Что «ха»? *Ромео*? — спросила я, зная, что он не любит, когда его называют полным именем.

Его взгляд стал суровым, и он снова взял карандаш в руку.

— Я просто думаю, что очень глупо быть такой идеалисткой, *Шекспир*, и для кого-то с предпологаемо высоким интеллектом вообще удивительно такое говорить.

Невольно стиснув зубы, я вернулась к дальнейшему объяснению своих доводов, и тут он опять вклинился:

— Возьмем, например, твою аналогию с выборами: «большее благо для большего количества людей». Ты заметила, что это хорошо для общества, так как большинство людей будут довольны результатом, но я здесь вижу только недостатки. Что если «большинство» голосовавших плохие люди или у них дурные намерения, тогда меньшинство — невинные и хорошие люди — будут поставлены под угрозу из-за того, что они уступают количеством? Что, если у кандидата, за которого голосовали, есть скрытые мотивы, и он будет делать не то, что обещал? Возьмем, к примеру, Гитлера. Его избрали демократически, и какое-то время он был правильным выбором для большинства людей, живших в бедности и безнадее. Но посмотри, чем все это закончилось... Я просто хочу сказать, что, хотя все это хорошо в теории, на практике не очень-то работает, не так ли?

В аудитории повисла такая тишина, что я даже не удивилась, если бы в любой момент

пронеслось перекасти-поле. Похоже, Роум был весьма доволен своей небольшой выходкой, а у меня буквально волосы встали дыбом. Я инстинктивно подошла к ступенькам, чтобы он меня лучше видел. Мне хотелось в клочья разнести его аргументы.

— Для начала окажи любезность и не перебивай, пока я не закончу, — сказала я, подняв указательный палец. — Я *согласилась* с теорией, что индивиды в большинстве случаев предпочитают удовольствие боли, лишь *по большей части*. И ты бы тоже согласился, мистер Крутой Квотербек. Разве ты не принимаешь большинство решений, руководствуясь своей славной футбольной карьерой и тем, что приносит тебе удовольствие?

Студенты крутили головами туда-сюда, словно наблюдая за каким-то странным теннисным матчем.

— Ты права. Но я это делаю еще и для зрителей, для товарищей по команде. Им нравится футбол, в отличие от некоторых.

— И что это значит?

— Это значит, что в Алабаме, *Шекспир*, футбол и есть самое большое удовольствие: играть, смотреть, тренироваться. Мои тренировки и, как следствие, мой успех приносят пользу как мне, так и другим. Ты, похоже, единственная, кому это не нравится.

— В таком случае ты только подтвердил мою правоту. В Алабаме «большее благо для большего количества людей» — это футбол, так как он приносит удовольствие большинству населения, — самодовольно ответила я.

Роум провел рукой по небритому подбородку.

— С этой точки зрения, может быть, ты и права, но не всегда все так просто.

Я сложила руки на груди, желая услышать ответ.

— Продолжай.

— Ты говоришь, что индивиды делают все ради удовольствия и чтобы избежать боли, чего-то, что им не нравится?

Я кивнула.

— Да.

— Но многие делают то, что причиняет им боль и неудовольствие, чтобы угодить потребностям и желаниям других.

Я предположила, что он подразумевает их странные отношения с Шелли, которая в данный момент хмуро наблюдала за нашим спором.

— О, не думаю, что это всегда так уж мучительно — делать *что-то*, чего желает другой.

Роум крепко сжал карандаш в руках и процедил сквозь зубы:

— Объясни *понятней*, Шекспир. К чему ты клонишь?

Начав, я уже не могла остановиться. Злость на него, копившаяся во мне несколько дней, теперь рвалась наружу.

— Что ж, давай используем для примера секс. Один из двух людей, принимающих участие в акте, желает этого больше, а другой может практически не испытывать влечения, но все равно сдается и делает это, чтобы осчастливить первого. Хотя — и в этом вся ирония — тот, кто несчастлив, все равно получает сексуальную разрядку, следовательно, вообще не испытывает неудовольствия. Не правда ли? — Эти слова я адресовала прямо ему.

Карандаш сломался в его руках.

— А как насчет того, когда человек решает из-за какого-то странного, необъяснимого притяжения, что неплохо было бы поцеловать другого, но потом, задним числом, понимает,

что это было гребаной ошибкой. Он впервые в жизни говорит о чем-то личном, ведь считает этого человека другим и думает: «Может, я могу довериться этому человеку, открыться ему по-настоящему?» А потом осознает, что сделанное было глупостью и вообще не должно было произойти. И окончательно убеждается, что люди — это просто большое разочарование.

Он бросил остатки карандаша на пол и провел рукой по волосам. По аудитории расползлись тихие шепотки.

Наши взгляды встретились. Мы оба тяжело дышали из-за эмоциональности нашего спора. Ни один из нас не знал, что делать дальше. Мы оба испытывали сильные, доселе незнакомые эмоции.

Профессор Росс прервала нас покашливанием. Взглянув на настенные часы, я поняла, что занятие почти подошло к концу.

— На следующем семинаре мы рассмотрим личные записи Бентама. Обязательные источники к прочтению приведены в плане курса. Все свободны.

Я поспешила обратно за стол, борясь с внезапным приступом тошноты. Я была смущена больше, чем при первом прочтении Фридриха Ницше в оригинале на немецком.

Обмахиваясь рукой, ко мне подошла профессор Росс.

— Да, Молли, это было нечто. Конечно, это не имело никакого отношения к изучаемой теме и было *крайне* неуместно, но наблюдать за вашим спором было интересно. Ты ничего не хочешь мне рассказать? Вы наэлектризовали атмосферу в аудитории не хуже летней бури.

— Нет, не хочу. — Я принялась собирать свои книги. — Извините, мне нужно собрать вещи и идти в библиотеку. Мне нужно заниматься. Нужно поработать с бумагами.

Она поджала губы.

— Хорошо, но ты знаешь, где меня найти, если понадобится.

Я избегала ее взгляда.

— Спасибо.

Испытав облегчение от того, что аудитория пуста, я направилась к выходу.

А когда подошла к двери, Роум перегородил мне путь, склонившись прямо лицом к лицу — так близко, что мы буквально дышали одним воздухом.

— Какого хрена тут произошло? — буркнул он.

— Ты был груб, — обвинила его, убедившись, что мы одни. Так и было... совершенно одни.

— Я принимал участие в дебатах. Этим и занимаются на философии. *Ты* перешла на личное.

— Как и *ты*!

Мы не сводили друг с друга глаз — битва характеров. Мурашки со скоростью пожара покрыли все мое тело.

Роум сдался первым.

— Зачем ты упомянула тот вечер? Я говорил с тобой по секрету. Доверил то, что не рассказывал ни одному человеку, а ты обратила все это против меня при всей группе? Я тебе открылся, а ты использовала это на лекции, чтобы показать, какая охренительно умная?

Я захохотала.

— Какой на хрен секрет! Весь универ знает, что ты используешь девушек ради секса. И честно говоря, меня от этого просто тошнит. Судя по всему, ей ты тоже воспользовался, и это после того, как признался, что она тебе даже не нравится. После того, как был близок со

мной. И где же здесь мораль? Не смог устоять перед раздвинутыми ножками, я так понимаю?

Он издал невеселый смешок и склонился ниже. Я не отступила, прикрываясь напускной уверенностью в себе.

Он загнал меня в темный, укромный угол.

— А тебе не все ли равно, кого я трахаю? Для тебя это имеет какое-то значение?

Я выдержала паузу, твердо глядя на него, и прошипела:

— Для меня это не имеет *никакого* значения.

Он зло усмехнулся и стукнул ладонью по стене над моей головой.

— Врешь.

Меня захлестнул огонь враждебности, и я крепче сжала книги.

— Я не вру! Мне плевать, кого ты «трахаешь», как ты красноречиво выразился.

Роум придвинулся ко мне еще ближе.

— Брехня! Я тебе, бля, не верю!

Я толкнула его в грудь одной рукой, но он даже не шелохнулся.

— Я сказал, что не верю тебе! Скажи, какого хера тебя это волнует, и не ври, бля! — бушевал он.

Роум перекрыл мне все пути к отступлению, и я зарычала от раздражения.

— *Хорошо!* Мне не все равно, потому что ты меня поцеловал! Ты поцеловал меня так, будто у тебя не было другого выбора, черт тебя дери! Я не хочу быть очередной игрушкой, я *доверилась* тебе. Я никогда этого не делала и теперь вспомнила *почему!*

Его грудь тесно прижималась к моей, а из раскрытых губ вырывалось жаркое дыхание.

— К твоему сведению, я ее не трахнул. По правде говоря, я ей доступно объяснил, что между нами все кончено. Сказанное тобой имело смысл... о том, чтобы жить собственной жизнью. Ты достучалась до меня. Ты... *повлияла* на меня. И давай проясним... ты не игрушка, Шекспир. Я могу быть засранцем с кем угодно, но только не с тобой.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он прижал палец к моим губам, и в его глазах вспыхнуло предупреждение.

— Ты смелая, Шекспир, раз так со мной разговариваешь. Я такого никому не... *позволяю*. Люди здесь знают, что нельзя меня выводить. Они знают, когда нужно остановиться.

Я отбросила его руку и сузила глаза.

— Ты мне угрожаешь?

Он мрачно усмехнулся, и передо мной встал нелегкий выбор, чего мне хочется больше: врезать ему по лицу или отдалиться под его контроль и посмотреть, что из этого выйдет.

— Не угрожаю, Шекспир, *рекомендую*. Меня заводишь ты и твой ротик. Но мне больше хочется научить тебя держать его закрытым.

Мое сердце екнуло, и между ног разлилось тепло. Я изо всех сил боролась с предательской реакцией своего тела.

— Прибереги такие разговорчики на случай, когда снова будешь трахать Шелли.

— Бля, я тебе сказал, что не трогал ее!

— А *она* говорит другое.

— Да мне плевать, что она говорит. Я думал ты другая, Мол! Я тебе рассказал, что со мной происходит, а ты прицепилась к Шелли и футболу.

Он выглядел откровенно разочарованным во мне.

Вина и сомнение зародились в моей груди, и я потеряла пульсирующие виски.

— Послушай, у меня просто паршивое настроение. Я не должна была так на тебя нападать и прошу прощения за то, что предала твое доверие. Это было свинством с моей стороны. Я была зла на тебя. Злилась все эти дни. Я не знаю, как вести себя с тобой. Ты... сбиваешь меня с толку.

Мы погрузились в молчание. Ромео все еще смотрел на меня так, словно собирался разорвать на части, и зажимал в углу своим массивным телом. Я попыталась обойти его, но он схватил меня за руку.

— И куда это ты собралась?

Я медленно выдохнула.

— Я уйду. С меня хватит... Хватит нас и всего того, что сейчас произошло.

Когда я снова попыталась протиснуться мимо него, он прорычал:

— Бля, ты сводишь меня с ума, Шекспир! — Свободной рукой он взял меня за затылок, притянул к себе, и его губы нашили мои.

Он не был нежным, осторожным и деликатным. Он брал, что хотел, не думая обо мне, и мне это нравилось. Нравилось, что он контролировал и управлял моим телом.

Я уронила книги на пол, а с ними и все свои давние запреты. Мне оставалось лишь ухватиться за его футболку и подчиниться.

Со стоном он стиснул меня в руках и с силой прижал к стене, позволив ощутить животом его возбуждение. Его язык боролся с моим, и с каждым движением он вызывал на поверхность все мои потаенные желания.

Роум раздраженно вздохнул и отстранился, от прикосновения его загорелой кожи поднималась температура.

— Черт, Мол, почему я не могу выбросить тебя из головы? Ты занимаешь все мои гребаные мысли, и я не знаю, что с этим делать.

— Правда? — прохрипела я.

Его дикие глаза нашили мои.

— Каждую минуту. Каждого. Дня.

Роум отступил, давая мне столь желанное расстояние от его удушающего присутствия. Мне срочно нужно было уходить, я не могла ясно мыслить. Я нагнулась поднять книги, а когда выпрямилась, Роум уже стоял с заведенными за голову руками, в его темных глазах сверкал неприкрытый голод.

Он очень медленно облизнул свою нижнюю губу, и я вмиг больше всего на свете возжелала стать этим пухлым кусочком плоти.

— Я не знаю, что с тобой делать. Это сводит меня с ума, и мне это не нравится. Со мной никогда такого не происходило из-за какой-то девчонки. — Он слегка наклонил голову набок, оценивая меня. — Но ты не просто какая-то девчонка. Я это понял в ту минуту, когда увидел тебя, всю такую взволнованную, в коридоре в первый день занятий. *Боже*, да я мог ощущать только твой вкус после того, как мы поцеловались на этом чертовом посвящении.

В его уже и без того затуманенных страстью глазах вспыхнуло темное пламя, и я чуть не заскулила от желания.

И тогда я сделала то, что умела делать лучше всего, когда не могла справиться с ситуацией.

Я сбежала.

— М-мне н-нужно в библиотеку, — выдала я, нервно заикаясь, и бросилась к выходу.

Меня трясло, я была смущена, зла, но при этом невероятно возбуждена. Меня взволновало то, что мне понравилась его напористость. Из всего произошедшего между нами, это будоражило меня больше всего.

Открыв дверь на свежий воздух, я рискнула обернуться.

Большая ошибка.

Ромео стоял в центре коридора и, скрестив на груди руки, наблюдал за мной.

Я взялась за дверную ручку, но его суровый голос заставил меня остановиться:

— Это далеко не конец, Шекспир... далеко не чертов конец!

Я снова запаниковала от мгновенного порыва желания, вспыхнувшего во мне, и ускорила шаг, решив пропустить сегодняшний поход в библиотеку и отправиться прямо домой. Я была на грани обморока и нуждалась в уединении своей комнаты.

Я могла думать только о том, что он не спал с Шелли, и впервые за долгие годы мое сердце kloкотало от счастья.

Глава 5

Я лежала без сна вот уже четыре часа и наблюдала за танцем теней от сосен на потолке. Так проходила пятая ночь подряд. Я была лишена сна, подавлена и, честно говоря, настолько сбита с толку, что не могла ни ясно мыслить, ни спать, ни вообще функционировать. А причина всему этому — Ромео Пуля Принс.

Он с «Тайд» всю неделю был в Арканзасе. Уехал сразу после нашего небольшого столкновения в коридоре, оставив меня гадать, кем мы были друг для друга. Совершенно не помогало и то, что я видела фото остальных членов команды, зажимающихся с девушками в злых ночных клубах и на послематчевых вечеринках братства, выложенные на всеобщее обозрение в Фейсбук, и когда представляла, что Роум делает то же самое, меня начинало мутить.

Отбросив попытки уснуть, я скинула с себя одеяло и пошла в ванную в надежде, что теплый душ поможет расслабиться.

Не помог.

Я вздохнула и прижалась головой к холодному кафелю, совсем не представляя, что буду делать, когда снова его увижу. Элли сказала, что команда должна вернуться сегодня, и я решила спрятаться в единственном месте, куда точно не сунется звездный игрок — в библиотеке.

Спустя тридцать минут — одевшись и собрав книги — я шла по газону, наслаждаясь мягким утренним солнцем. Семь утра — лучшее время для прогулки по главной аллее. Людей не было и можно было подумать, расслабиться и набраться сил.

На полпути меня привлекли звуки жаркого спора. Первым делом я заметила припаркованный серебристый «бентли» и высокого мужчину в возрасте рядом с ним.

И этот мужчина яростно кричал на Ромео.

Я зашла за большое дерево и из укрытия наблюдала за спором. Было видно, что Ромео в бешенстве: руки сжаты в кулаки, вся поза выражает ярость. Мужчина в темном костюме гневно размахивал руками прямо перед лицом Ромео, крича ужасные и оскорбительные вещи. Он подался вперед, занес кулак, и я стала свидетелем того, как Ромео получил сильный удар по лицу, от которого его голова откинулась назад. Он не ответил, просто мужественно выстоял, принимая мощный удар.

— Божечки, — прошептала я себе под нос.

Я лихорадочно огляделась вокруг в поисках помощи, но тут была только я... и они. Я уже было побежала за охраной, как человек в костюме запрыгнул в свой «бентли» и резко рванул с места, а взбешенный Ромео подошел к огромному дереву и с громким рычанием принялся снова и снова молотить его ствол, пока не рухнул на землю и не опустил голову на руки. Я оперлась о грубую кору, пытаюсь понять, свидетелем чего только что стала.

Я мучилась, не зная, что делать. На Ромео только что напали и ударили. Подглядывая из-за своего укрытия за большим дубом, я несколько минут наблюдала за его одинокой фигурой. Мое сердце екнуло, и прежде чем мозг успел среагировать, ноги сами понесли меня в сторону парня.

Он не услышал, как я подошла и опустилась на землю рядом с ним, запачкав засохшей грязью свой черный летний комбинезон без рукавов. Я тихонько достала из своей коричневой сумки бутылку воды и старый розовый носовой платок. Услышав, как я копошусь, Роум поднял голову. У него изо рта текла кровь, полностью замазав идеальные белые зубы.

— Ромео, боже... — прошептала я, борясь со слезами.

Он ничего не сказал, просто в недоумении смотрел на меня.

Я открутила крышку с бутылки «Эвиана» и притянула к себе его испачканную руку. Его пальцы были огрубевшими, но расслабленными. Я полила водой глубокие царапины, вымывая куски коры и грязи, и промокнула поврежденную кожу платком. Он даже не вздрогнул.

— Больно? — мягко спросила я.

Он покачал головой.

Когда его рука была чистой, я стала подвигаться вперед, пока не оказалась на коленях между его согнутых ног. Аккуратно притронувшись платком к его губам и вытерев кровь, я обнаружила большую открытую рану в уголке его прекрасной верхней губы. Я слегка надавила, и наши глаза встретились. Взгляд его карих глаз пронзил меня даже через преграду очков, в нем читались внутренний конфликт и отчаяние.

Когда губа перестала кровоточить, я передала ему бутылку воды.

— Прополощи рот, Роум. Кровь не так уж хороша на вкус.

Он на автомате взял воду и сделал все, как я сказала. Я села на корточки возле него и прислонилась к дереву. Я ничего не говорила. Опасалась сделать ему хуже. Мне просто не хотелось оставлять его одного.

В конце концов он расслабился и тупо уставился в никуда. Я больше не могла смотреть, как Роум грустит, и решив, что он нуждается в утешении, потянулась и взяла его за здоровую руку. Он посмотрел на наши переплетенные пальцы и слегка наклонился ко мне плечом. Я знала, что между нами есть еще нерешенные вопросы, особенно после нашего... черт, что бы там ни произошло в коридоре, но сейчас я могла думать только о том, что его нужно поддержать любыми способами.

Спустя, казалось, целую вечность Ромео наконец заговорил:

— Привет, Мол.

— И тебе привет.

— Как много ты видела?

Заметив, как у него перехватило дыхание, я положила голову ему на плечо.

— Достаточно.

Он резко откинул голову назад и зажмурил глаза.

— Кто тот мужчина на «бентли»?

— Мой папуля.

Я в шоке подняла голову.

— Твой отец?

Он снова опустил голову, пряча глаза. Я не понимала, стыдился он или был сильно расстроен.

Снова повисла тишина.

— Ты в порядке?

Он напрягся и повернул голову ко мне. В его глазах читалась боль.

— Нет.

— Хочешь об этом поговорить?

Он твердо покачал головой.

— Он часто тебя бьет?

— Теперь ему не часто перепадает такая возможность, — пожал плечами, ответил он. — Он разозлился из-за того, что я сделал. Позвонил мне, чтобы встретиться, и... ну, остальное ты видела.

Я подвинулась вперед и села лицом к нему.

— Стряслось что-то плохое, раз он так сильно тебя ударил?

— Деньги, разочарование, я — непослушный сын. Все как всегда. Хотя раньше он так далеко не заходил на публике. Я никогда не видел его таким разъяренным.

— Но ты же его сын! Как он может так с тобой обращаться? Что, черт возьми, ты мог натворить, чтобы заслужить побои?

Поджатые губы свидетельствовали о том, что Роум не станет отвечать. Я поняла, что он не намерен продолжать разговор, и снова взяла его за руку. Он сжал мою ладонь и больше не отпускал.

Он казался таким потерянным, его обычная маска сурового парня спала, раскрыв уязвимость. Нужно было сменить тему, чтобы не бередить старые раны.

— Как прошла игра в Арканзасе?

На его лице промелькнуло облегчение.

— Мы победили. Хотя и без моей помощи.

— У тебя была неудачная игра?

Он облизал губу, задев свежий порез, поднял упавшую хворостинку и сломал ее в сжатом кулаке.

— Блядский кошмар, а не игра.

— Ну, ты всего лишь человек.

— У меня в жизни не было такого плохого старта в сезоне. Мой выпускной год, в котором я должен попасть в профессиональную лигу, а все летит к черту.

— Почему все так плохо?

— Потому что я не могу завершить ни одного броска. Я подвожу команду и болельщиков. Родители никак не отцепятся от меня с Шелли — ты только что видела, как папочка настаивал на своем. Она достает меня сильнее обычного, и постоянно приходится ее отшивать. Я не могу спать, не могу сконцентрироваться, мысли об одной англичаночке не дают мне покоя каждую ночь. Каждую долбаную ночь. Она тревожит мои сны.

Он прижал наши руки к своей небритой щеке и потерялся об них щетиной.

— Да, я знаю, каково это, — прошептала я, наблюдая, как кончики моих пальцев касаются его рта, и не в силах дышать от его признания.

— Я постоянно думал о нашей последней встрече, пока был в отъезде. — Голос Роума был еле слышен, будто он признавался в страшнейшем грехе. Казалось, он нервничает, раньше я за ним такого не замечала. Видимо, симпатия к девушке была для «короля ничего не значащего секса» абсолютно новым миром.

— Да. Я тоже. Это было... необычно, моя голова забита мыслями об одном красавчике из Алабамы, а не о Данте, Декарте или Канте.

Он слегка подтолкнул меня коленом, и веселье осветило его потухшие с печалью глаза.

— Ты считаешь меня красавчиком?

Я покраснела и пихнула его в ответ.

— Ты ничего так.

Глядя на меня из-под своих длинных ресниц, он усмехнулся.

— И куда же ты направлялась в такую рань, когда увидела, как избивают красавчика?

— Роум...

— Ответь на чертов вопрос, Шекспир.

Я покачала головой. Прежний суровый Ромео начал выходить из спячки.

— В библиотеку. Мне нужно сделать заметки для профессора Росс. У нее есть кабинет, где я могу работать не отвлекаясь. Я увидела... что произошло между тобой и твоим папой и подумала, что сейчас я нужна тебе больше, нежели захватывающему миру науки.

Он хлопнул меня по ноге и поднял с земли, наши руки все еще были крепко сплетены.

— Идем.

— Куда?

— В библиотеку. Я тебе помогу. Мы же не можем подвести мир науки, не так ли?

— Ромео... ты уверен, что не хочешь пойти домой или заняться чем-нибудь другим? Мы можем еще поболтать, если хочешь. Только скажи.

— Нет. Мы пойдем в библиотеку, и я помогу тебе с работой, — утратив свой беззаботный тон, напряженно сказал он.

С ним шутить не стоило. Было заметно, что он на грани срыва, подавленная агрессия так и ждала шанса вырваться наружу. Ему нужно было как-то отвлечься, и я решила, что лучше взять его с собой и этим спасти какого-нибудь бедолагу-студента от встречи с кулаком Ромео, когда он наконец выйдет из себя.

— Ты собираешься помочь мне с философией?

Роум обижено надул губы.

— Эй, если я спортсмен, это еще не значит, что я тупой. — Он обнял меня за плечи. — К твоему сведению, у меня отличные оценки по этому предмету. Я тебя еще удивлю.

Он отступил и приложил палец к щеке, изображая глубокую задумчивость.

— Например, *Иммануил Кант — немецкий интриган,*

Любил схватиться за стакан⁶.

На моем лице расплылась широкая улыбка, и я, рассмеявшись, запела:

— *А Хайдеггер жалким пьяницей был,*

Под столом поспать любил.

Роум расхаживал передо мной, изображая преподавателя.

— *Аристотель, Аристотель, без бутылки был не очень,*

Да и Гоббс махнуть не против.

Он игриво мне поклонился, предлагая продолжить.

— *Рене Декарт* знавал немало винных карт.

Я пью, а значит, существую.

Рассмеявшись громче, я прикрыла рот рукой — я чувствовала себя легко и кокетливо, а Роум с лучезарной улыбкой предложил дать пять. И я с удовольствием хлопнула по руке.

— Так ты фанат «Монти Пайтон»? — взволнованно спросила я.

— Ну, нельзя же изучать философию и не знать «Философскую песню Брюсов».

— Согласна, но *ты* совершенно не похож на поклонника британского юмора.

Он фыркнул.

— Это же «Пайтон». — Вот так просто. — Ну что, идем. Я уже раз удивил тебя своими познаниями в философии, уверен, смогу еще.

Я снисходительно махнула рукой.

— Подумаешь, тебе двадцать один, а мне только двадцать, и я уже учусь в магистратуре. Сомневаюсь, что ты можешь чем-то меня удивить, суперзвезда. В этой области я спец.

Неожиданно Роум прижал меня к груди и прикусил мочку уха.

— Может, я и не спец в философии, но, черт побери, могу тебя кое-чем удивить, Мол, в *своей* области познаний.

— И чем же это? — спросила я с придыханием.

Он прижался жаркими губами к бешено бьющемуся пульсу на моей шее.

— Гораздо более... *приятными* вещами, чем работа.

Я замерла, но он пошел дальше, увлекая меня за собой.

— Давай, мегамозг, пошли займемся исследованиями и избавим тебя от грязных мыслишек.

* * *

Ромео провел со мной в библиотеке много часов, помогая печатать заметки и искать контраргументы к исследованию. Нужно отдать ему должное, он отлично разбирался в предмете. Когда мы прощались, он выглядел иначе, как-то веселей, да и я тоже. В его компании мне было спокойней, и хотя он мог быть грубым и временами немного устрашающим, я поняла, что мне это нравится. К сожалению, это означало, что я опять буду постоянно о нем думать.

На следующий день мне снова нужно было в библиотеку, и я направилась прямо в кабинет. Открыв замок на двери, я обнаружила ухмыляющегося Роума, который сидел, закинув ноги на стол и заложив руки за голову.

— Как раз вовремя, Шекспир. Я уже чертову диссертацию написал, пока дожидался тебя.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я с сияющей улыбкой, довольная тем, что его губа уже не такая опухшая, а костяшки пальцев перебинтованы.

Убрав ноги со стола, он встал передо мной.

— Я здесь, чтобы ассистировать ассистенту. Дай мне задание, буду рад помочь.

Я положила книги на стол и уперла руки в боки.

— Не хочешь рассказать, как попал сюда, в запертый кабинет?

Роум игриво пожал плечами.

— У меня есть тайная поклонница в библиотеке. Она открыла мне после милой беседы.

— Мисс Роуз? Ей же под девяносто!

— Она как пума на охоте, — заметил он, показушно содрогнувшись.

Я не смогла сдержать смех.

— М-м-м! И почему, Ромео, ты снова хочешь помочь мне писать заметки?

Игривая улыбка исчезла с его лица, и тот же проблеск уязвимости, который я видела вчера, изменил его прекрасные черты. Он тут же скрестил руки в защитной позе.

— Ты не хочешь, чтобы я здесь находился? Я уйду, если мешаю. Не хочу быть там, где я нежеланный гость.

Я шагнула к нему и обхватила его хмурое лицо руками.

— Эй, я этого не говорила. Просто удивлена, что *ты* хочешь быть здесь со *мной*. Мне... нравится быть с тобой, в любом случае.

Он слегка повернул голову и поцеловал мою ладонь.

— Мне тоже нравится быть с тобой, Мол. Мне хорошо с тобой. К тому же я в долгу перед тобой за вчерашнее.

— Ты ничего мне не должен.

Он погладил пальцем меня по щеке, и от этого я чуть не свалилась на пол.

— Я останусь с тобой.

— А как же твои занятия?

— Я останусь с тобой. Я вроде как становлюсь зависимым.

Я сглотнула.

— Зависимым?

— Верно. От тебя и того, как чувствую себя с тобой.

Я покраснела и начала теревить ремень сумки.

— Ясно, ну... эм... тогда давай работать.

Он отсалютовал и с огромной удовлетворенной ухмылкой сел напротив меня.

* * *

Позади меня раздался продолжительный, драматический вздох, и я подскочила.

— Нам нужен перерыв, — определил Ромео, войдя в дверь с двумя большими стаканчиками кофе в руках и с осуждающим выражением на лице.

Так как я даже не заметила его отсутствия, мне пришлось согласиться: перерыв нам необходим. Я откинулась на стуле и потеряла уставшие глаза.

— Сколько мы уже здесь?

Опустившись на стул, Роум передал мне кофе и булочку со сливочным сыром.

— Около шести часов.

Мои глаза расширились.

— Вот дерьмо.

— Да, *дерьмово*.

Я пригубила кофе, закрыла глаза и громко застонала от удовольствия, когда знакомый поток энергии кофеина побежал по моим венам, точно опиум. Стул закрипел по полу, и я услышала, как Ромео вскочил, ругаясь. Открыла глаза и увидела, как он вытирает кофе со своей влажной серой футболки.

— Ты в порядке?

Он коротко кивнул.

— Просто... не издавай таких звуков при мне, Мол.

Мне стало неловко от пылкого взгляда, которым он уставился на мою часто вздымающуюся от его слов грудь. Он сел обратно, и мы ели в напряженной, звенящей тишине.

Ромео потянулся.

— Ты, наверное, уже почти закончила. Никогда не видел, чтобы кто-то так усердно над чем-то трудился. Не сомневаюсь, ты будешь тем еще чокнутым профессором.

Я пожала плечами.

— Я люблю учиться. Это меня отвлекает.

— От чего? — вопросительно качнув головой, спросил он.

— От других размышлений.

— Каких, например?

Я начала щелкать ручкой.

— Плохих... которые меня расстраивают... о моем прошлом.

Он взял меня за руку.

— Значит, учеба делает для тебя то же, что ты делаешь для меня.

Я сглотнула, не зная, что на это ответить.

— Это правда. Ты что-то со мной делаешь, Мол.

— Я... Что? Ты?..

Я перевела внимание на стол и услышала, как он посмеивается над моим смятением. Тогда я оторвала кусочек булочки и бросила в него. Он поймал его и отправил себе в рот, поигрывая бровями. Я не смогла сдержать хихиканья.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — спросила я, когда рассеялось напряжение.

— Лучше. Одна красотка помогла мне вылезти из дерьма.

— Что за красотка? Как она выглядит? — дразнилась я.

Он прикинулся задумчивым.

— Брюнетка, с горячим акцентом, охрененно сексуальная библиотекарша в очечках.

Мой желудок сделал сальто.

— *Понятно*. Но, серьезно, ты *в порядке*?

— Становится лучше. С каждым днем, — отбросив улыбку, тихо сказал он.

Я оставила его со своими мыслями, отхлебнула кофе и снова принялась читать заметки. Но быстро отвлеклась, так как Роум неспешно поднялся со стула и подошел ко мне. Его веки были слегка опущены, а губы приоткрыты. Он положил одну руку на шкаф позади меня, другую — на стол, создавая ловушку, и медленно наклонился. Его рот остановился в сантиметре от моего, и я закрыла глаза.

— Ромео, что...

Его язык медленно обвел контур моих губ.

Я замерла.

— У тебя молочная пенка на губе. — Его голос был хриплым и напряженным.

— Ох, я... — выдохнула я.

Снова нагнувшись, он обхватил мою голову руками и впился в губы. Продолжая пленять своей лаской, он зарылся руками в мои волосы и отклонил меня назад, чтобы углубить поцелуй, и тогда я сдалась и застонала.

Через несколько секунд он отстранился.

— Ты что? — промямлила я, уставившись в его дикие глаза, и слизнула влагу с губ.

Прижавшись своим лбом к моему, он прошептал:

— Ну, мне просто захотелось тебя поцеловать.

Он встал на колени, и наши глаза оказались на одном уровне, его руки выводили круги на моих бедрах.

— Приходи ко мне на игру в выходные.

— Мне нужно заниматься, — автоматически ответила я.

Его разочарованный взгляд задел меня.

— Это всего лишь на несколько часов, Мол.

— Я знаю, но мне платят за ассистирование профессору, и я горжусь тем, что все делаю вовремя. Мне нужна зарплата, чтобы выжить, Роум. Проживание в доме сестринства дорогое удовольствие. В субботу во время игры я буду здесь.

Громко вздохнув, он опустил плечи.

— Ладно, мне это ни хрена не нравится, но я понимаю.

Я обхватила ладонями его колючие, загорелые щеки.

— Пожалуйста, не расстраивайся. Просто спорт — это не мое. Я ничего не понимаю в американском футболе и квотербеках, помнишь?

— Я понял тебя, Мол, — ответил он, наслаждаясь моим прикосновением. — Меня все равно никто никогда не поддерживал. Ничего нового.

— Ромео...

Он поднялся и почесал затылок.

— У меня тренировка, мне пора.

Я потянулась и провела рукой по его напряженным пальцам.

— Я пробуду здесь еще несколько часов. Встретимся позже, хорошо?

Я чувствовала себя ужасно из-за того, что подвела его. Со вчерашнего дня все было так хорошо, я делала его счастливее. А теперь мы снова вернулись туда, откуда начали.

Роум наклонился, заглянул мне в глаза, а потом резко развернулся и вышел, оставив меня в оцепенении.

Следующие несколько часов я пялилась на узоры на дубовом столе и снова и снова задавалась вопросом, что же, черт возьми, происходит между мной и Ромео Пулей Принсом?

Когда я перед уходом собирала свои вещи, мое внимание привлекла записка под дверью.

Пожалуйста, приходи на игру.

Ты нужна мне .

Твой Ромео x⁷

Мой Ромео?

Вот... черт.

Глава 6

— Ох, давай, Роум! Играй, блин! — Элли вскочила на ноги, размахивая руками вместе с Кэсс и всеми ста тысячами зрителями на стадионе, ну, всеми, кроме меня. Я понятия не имела, что, черт возьми, происходит.

Я все-таки решила пойти на игру. У Элли был лишний билет, и она с начала сезона убеждала меня им воспользоваться, но я всегда отказывалась. Однако в этот раз я не могла избавиться от образа расстроенного Ромео, когда сказала ему, что не пойду, поэтому сдалась и оказалась на своей первой игре «Тайд».

Все дело в записке.

Неожиданно для себя я стала безнадежным романтиком, и его милые слова этому поспособствовали.

— Роум! Какого черта? *Axxx!!!* — снова закричала Элли.

Мы сидели на нижнем ярусе студенческой зоны стадиона «Брайант-Денни» и смотрели игру «Тайд» против Обернского университета — это местное дерби, они были самыми яркими соперниками, — и похоже, у Роума была не лучшая игра, уже третья в сезоне, в которой он показывал себя не в форме. Я посмотрела на экран и увидела, как он, матерясь точно сапожник, расстегнул застежку шлема и, растолкав игроков от себя, шарахнул кулаком по земле, явно недовольный тем, что там произошло.

Его образ плохого парня на поле был невероятно сексуальным, а в сочетании с тем, как форма подчеркивала его впечатляющую фигуру... ну, это в принципе должно быть незаконно.

Элли закрыла лицо руками и следила за игрой сквозь пальцы, ее лицо выражало абсолютное отчаяние. Кэсс, которая только что приступила к своему третьему корн-догу, разочарованно покачала головой.

Чирлидеры начали свое выступление, и я увидела, как радостная Лекси высоко задирает ноги. Она попала в команду чирлидеров, покорив жюри переворотом назад и тройным колесом со шпагатом. Она была маленьким счастливым готом.

Я воспользовалась моментом, чтобы оглядеться. Домашний стадион «Кримсон Тайд» оказался просто огромным. Атмосфера была наэлектризована, и я быстро поняла, почему Роум так известен в кампусе и, раз уж на то пошло, во всей Алабаме.

Когда он выбежал из тоннеля, его лицо и данные появились на гигантском экране в зачетной зоне. Как только он с командой вышел на поле, стотысячная толпа во все легкие начала скандировать «Вперед, ‘Тайд’!» под аккомпанемент ревуших труб и гремящих барабанов. Такого я еще никогда не видела.

Каждый раз, когда Роум подавал мяч, все фанаты замирали чуть ли не в молитве, но, к сожалению, он пока не смог удачно завершить ни один из своих пасов. Кэсс не жалея эпитетов, объяснила мне, что это очень плохо.

Разгневанного Роума подозревали к скамье, где тренер принялся орать на него и лупить рукой по клипборду в подтверждение своих слов. У меня возникло резкое желание сорваться с места и отогнать от него этого мужика.

Я повернулась к Элли.

— Почему его ругают? Ну и что, что он промазал несколько раз? Неужели это так плохо?

— Да, это так плохо. Роум не может себе позволить пропустить все эти игры, Мол. Он выпускник и считается лучшим квотербеком страны — номер один в драфте⁸ НФЛ. Все внимание сейчас приковано к нему. Плюс, чтобы «Тайд» снова попали на Национальный чемпионат в этом году, он нам нужен на сто десять процентов. А сейчас он еле на двадцать тянет. Я никогда не видела его таким несобранным. Просто не понимаю. — Она выглядела растерянной.

Толпа вновь начала кричать, и когда я глянула на игровую площадку, Роум уже бежал обратно на поле, надевая шлем.

Таскалуское солнце, как всегда, нещадно палило, и на переполненном стадионе с открытой крышей становилось ужасно жарко. На мне было короткое белое льняное платье без рукавов и пара ковбойских сапог Элли, которые она великодушно вручила мне как «аллилуйя, ты идешь на игру» подарок. Она прямо сказала, что мне надо вливаться и перенимать дерзкие южные манеры. По такому случаю я даже нанесла легкий макияж и обнаружила, что мне даже нравится стиль кантри.

— Я пойду за диетической колой. Вам что-нибудь взять? — прокричала я сквозь рев толпы и аплодисменты, отогнав от себя комара и осознав, что нуждаюсь в передышке от изнуряющей жары стадиона.

Элли покачала головой, слишком увлеченная игрой, а Кэсс полезла в карман за двадцаткой.

— Большой пакет чипсов и рутбир, солнышко.

Я взяла деньги и пошла вдоль стадиона к торговым палаткам. Я сделала лишь с десятков шагов, когда тысячи голов, словно в замедленной съемке, стали поворачиваться в мою сторону. Прежде чем я успела понять, что к чему, мяч попал в толпу и двое мужчин начали драться за право его забрать. Толкаясь, они двинулись ко мне, и я получила удар локтем в нос, от чего больно шлепнулась на задницу. Реагируя на мое падение, толпа издала коллективное «ох», а охранники растащили мужчин.

Рука инстинктивно потянулась к носу, он немного болел, но, насколько я могла судить, был невредим, ведь крови не было. А вот очкам досталось гораздо больше, они просто развалились у меня в руках. Я вцепилась в их кусочки, пока подоспевшие люди спрашивали, в порядке ли я. Какой-то мужчина прокричал, что он медик, потом склонился надо мной и принялся ощупывать мое лицо.

— Мне кажется, удар пришелся по очкам, — заявила я, поднимаясь с помощью лысеющего медика, который присел, чтобы поддержать меня. Как только я поднялась на ноги, толпа зааплодировала. Я приложила сломанные очки к лицу, по половинке в каждой руке, и, оглядывая стадион, с досадой заметила, что моя маленькая неловкость транслировалась на большом экране.

— Принс! ПРИНС! Куда ты, черт возьми, собрался?! — заорал разгневанный мужской голос, и небольшая толпа вокруг меня начала расступаться.

Я посмотрела на открывающийся проход и увидела, как ко мне бежит Роум. На его лице застыло выражение абсолютного ужаса, а я просто стояла, прижав сломанные очки к глазам.

— Черт, Шекспир! Мне так жаль. Ты в порядке? — спросил он с паникой в голосе. Он бросил шлем на пол, обхватил мое лицо ладонями и поднял голову, выискивая повреждения своими огромными карими глазами.

— Роум, я в порядке. Спасена очками. Они пожертвовали собой, спасая мой нос. Тебе не нужно извиняться. Это все из-за тех двух пьяных идиотов, которые приземлились мне на лицо! — Я показала черную оправу очков, ставшую набором из двух частей, и на секунду перестала нормально видеть, пока не вернула их на место.

Когда ко мне вернулось зрение, я заметила, что Роум немного заулыбался и покачал головой.

— Это могла быть только ты. Из всех на этом гребаном стадионе именно ты должна была тут оказаться. Я уже не удивляюсь, ты всегда где-то рядом. Похоже, это какой-то знак

СВЫШЕ.

Я пожала плечами.

— Я шла за колой.

Он мягко засмеялся.

— Во время моей игры?

— Эмм, ну, честно говоря, я ни черта не понимала происходящее и хотела пить.

Какие-то женщины перегнулись через перила и закричали Роуму:

— *Мы любим тебя, Пуля!*

— *Забери меня домой, милый!*

— *Трахни меня, номер семь!*

Я отвлеклась, и он перестал улыбаться. Потом взял меня за подбородок так, чтобы я смотрела только на него.

— Ты пришла.

— Пришла, — с улыбкой ответила я.

— Почему ты передумала?

— Ты достучался до меня, — подразнила я, процитировав его слова из нашего жаркого спора в коридоре.

Ромео раздосадовано усмехнулся.

— Мисс? Боюсь, нам нужно проводить вас в медпункт для осмотра — таков порядок.

Пройдите, пожалуйста, со мной. — Медик взял меня за руку и попытался увести.

Роум поднял палец, прося секунду обождать. Наклонился и заглянул мне в глаза.

— Ты точно в порядке?

— Все хорошо. Тебе там матч не пора выигрывать? Уверена, все эти люди не на нашу болтовню пришли посмотреть.

— Да, я *был* вроде как немного занят, пока ты не решила поучаствовать в пьяной драке.

Я уже пошла было за медиком, когда Роум внезапно склонился ко мне и запечатлел томительный поцелуй на моих губах. Он был нежным и мягким, отличным от наших обычных неистовых и импульсивных обжиманий.

Роум напоследок заглянул мне в глаза и с решительным выражением на лице побежал обратно на поле. А толпа открыто пялилась, гадая, почему звездный квотербек так заинтересовался пострадавшей девушкой.

В безопасности медпункта я начала восстанавливать самообладание, когда внезапный восторженный рев фактически сотряс фундамент стадиона, заставив меня вскочить со своего места.

— Что случилось? — поинтересовалась я в панике.

Медик посмотрел на маленький телевизор в углу.

— Вот черт!

— Что?

— Пуля только что передал пас на сорок ярдов и сделал тачдаун.

— Тачдаун — это ведь хорошо, да?

Он переключил внимание на меня, явно задаваясь вопросом, не получила ли я все же травму головы.

— Да, это очень хорошо, особенно учитывая, что остался всего один период. Мы ограничены. У нас только пятнадцать минут, чтобы добиться Ви.

— Ви?

— Виктории, победы, — ответил он, разочарованно вздохнув.

— Ясно. Поняла, — пробормотала я, решив, что лучше заткнуться.

Медик выключил телевизор, чтобы не отвлекаться, и, закончив осмотр, помог мне склеить очки в районе переносицы белым спортивным тейпом, столь грубый ремонт был хорошо заметен. Не самое удачное модное решение, но выбора нет. Как сказала бы моя бабушка: «Чему быть, того не миновать».

Когда я вернулась на трибуны, тут же услышала финальный свисток, и толпа взорвалась восторженными криками. Кэсс с Элли прыгали на месте, а увидев меня, бросились навстречу и едва не завалили меня на пол. Но я устояла на ногах. Второй раз за день падать я не стану.

— Молли, ты в порядке? Мы все видели на большом экране, — сказала Элли, ее темные глаза расширились от одного взгляда на мое лицо. — Дорогая, твои очки! — Она слегка отклонилась назад и пристально осмотрела меня в поисках видимых повреждений.

— Да, Моллз, не могу поверить, что ты отхватила локтем по лицу. Молли Шекспир — новый член бойцовского клуба. Это было охренительно смешно, — расхохоталась Кэсс, держась за живот, будто от боли. А потом резко перестала улыбаться. — Где мои чипсы и рутбир?

— Вообще-то я не успела до них добраться, Кэсс! — Она надулась и разочарованно скрестила руки. — Мы победили?

Элли обвила мои плечи рукой.

— Победили? Дорогая, да мы их просто размазали. После того, как Роум поцеловал тебя, он вернулся на поле другим человеком, пасовал исключительно точно, отлично играл. Черт, он самый результативный игрок.

Мои глаза расширились от удивления.

— Это же хорошо, да? Самый результативный игрок?

— Хорошо? Дорогая, люди говорят, что это твой поцелуй принес ему столь необходимую удачу.

Я отступила и скептически глянула на нее.

— С чего вдруг?

— Это развернуло его игру на все сто восемьдесят градусов. — Она улыбнулась и восторженно захлопала.

Кэсс положила руки мне на талию и повернула меня к экрану.

— Видишь?

Твою ж мать .

Парни, управляющие экраном, хорошенько поработали в мое отсутствие. Постоянно повторяющаяся подборка начиналась с пропуска Роумом серии подач. Потом эпизод, когда на меня навалились два пьяных идиота, вмазали локтем по лицу и свалили на пол — это выглядело хуже, чем было на самом деле. Далее показано, как Роум убегает с поля, игнорируя тренера и оставляя товарищей по команде глазеть на его удаляющуюся фигуру. Следом момент, когда он обхватил мое лицо ладонями и склонился чтобы поцеловать. Завершающий отрывок показывал три удачных тачдауна Роума, которые я пропустила, проторчав в медпункте.

Это было уже слишком. Сердцебиение участилось, а грудь сдавило словно тисками. Я терпеть не могла находиться в центре внимания, и трансляция моего изображения тысячам людей была выше моих сил. Добавить ко всему поцелуй Ромео и мое состояние можно

назвать тревожно-подавленной неразберихой. Я твердо верила, что не всем следует быть в свете софитов, и причисляла себя к этим «не всем» в первую очередь.

Я медленно повернулась и посмотрела на поле, где Роум давал интервью, и — сюрприз, сюрприз — Шелли влезла в кадр вместе с ним, целуя звездного квотербека в щеку и прикидываясь его гордой девушкой.

Когда я увидела их вместе, мое сердце упало. Одно стало совершенно очевидно — я не из их лиги.

Я была такой чертовски глупой, когда пришла сюда, думая, будто между мной и таким парнем, как Роум, что-то возможно. Он был самым популярным парнем в кампусе. Его страстно желала куча агрессивных настроенных девушек, а я была книжным червем, крайне обособленным интровертом.

Ромео Принс должен быть с кем-то вроде Шелли. С кем-то, кто легко впишется в его насыщенную, гламурную жизнь.

Я повернулась к Кэсс и Элли, пытаюсь скрыть свои чувства.

— Я пошла домой. Мне пора возвращаться к учебе. Встретимся позже.

И пока они не начали протестовать, быстро покинула стадион, снова и снова силясь забыть ощущение прекрасных мягких губ Ромео.

И цитируя его же: «Легче сказать, чем сделать».

Глава 7

— Моллиз, тащи сюда свою сочную английскую задницу! Мы собираемся напиться, и нам нужен четвертый мушкетер!

— Серьезно, Кэсс, в последний раз говорю: я пас, но все равно, спасибо.

Из динамика раздался громкий треск, и мне пришлось убрать телефон от уха. Кэсс явно уже набралась своего чертова пойла.

— Молли? Молли! — Элли перехватила трубку.

— Я здесь, Элли.

— Ты точно не хочешь прийти, дорогая? Мне не нравится, что ты одна сидишь в своей комнате, а все здесь веселятся.

— Правда, Элли, все в порядке. Я просто устала.

Последовала длинная пауза, во время которой мне удалось услышать музыку «Зак Браун Бэнд» и громкую болтовню на заднем плане.

— Ладно, дорогая. Встретимся утром, но если передумаешь — звони.

— Хорошо, сладкая. Повеселитесь там!

Я нажала «отбой» и рухнула на кровать. Провела пальцем по экрану и уставилась на заставку с изображением розового лотоса в тихом пруду.

Добравшись домой, я приняла душ и надела старую линялую розовую ночнушку, после чего отклонила все приглашения на вечеринки в честь большой футбольной победы.

Кэсс, Лекси и Элли решили пойти на вечеринку в братство Роума, что через дорогу, и использовали весь свой арсенал, пытаюсь уговорить меня присоединиться к ним. Но мне нужно было держаться подальше от всего связанного с Ромео Принсом, поэтому я придумала кучу отговорок, чтобы не идти.

Мне хватало ума понять, что он мне нравится, очень нравится, а стая бабочек в животе, трепещущее сердце и бесконечные эротические сны однозначно это подтверждали.

Время, которое мы провели с Ромео наедине за прошедшую неделю, возвело мои чувства на новый уровень, и я просто не знала, как с этим справиться. Поэтому мой план был таков — хотя его навряд ли бы одобрило ЦРУ — избегать близких контактов со звездным квотербеком «Тайд».

И план вступал в силу незамедлительно.

Сев на кровати, я распустила длинные волосы и, почувствовав, как кончики щекочут поясницу, принялась массировать кожу головы, уставшую от необходимости поддерживать массу моих кудрей весь день, потом удобно устроилась под лиловым одеялом с хорошей книжкой. Я взяла свой потрепанный экземпляр «Джейн Эйр» и, отправившись в мир старой Англии и мистера Рочестера, растворилась в страницах книги.

Примерно через час полного забвения и релаксации я услышала какой-то стук. Оглядела пустую комнату: единственным источником света было мягкое красноватое сияние прикроватной лампы. Мне стало не по себе, я была совсем одна в доме.

Услышав стук снова, я вскочила с кровати и встала посреди комнаты — звук доносился с балкона.

Осторожно прокраившись к двери, я проверила, не ждет ли меня снаружи чужак, и повернула замок. Открыв дверь, я увидела, что по красной напольной плитке разбросаны камешки. Я шагнула на балкон, позволяя легкому вечернему ветерку меня окутать, нагнулась и подняла один из камешков. Как только я начала подниматься еще один угодил мне в плечо.

Глубоко вдохнув, я подошла к перилам и рискнула глянуть вниз. Сначала ничего, кроме темноты, видно не было. А потом от нее отделилась фигура.

— Шекспир?

Этот сексуальный южный говор невозможно было не узнать.

Ромео вышел из тени в тусклый свет лампы, освещающей крыльцо. Очертания его внушительной фигуры подчеркивались сумеречным светом и смотрелись просто великолепно. Теперь он выглядел, как обычно — на нем были низко сидящие линялые синие джинсы и красная футболка «Тайд», — и мне пришлось сдерживать чувство восторга, окатившее мое тело.

— Привет, Мол, — прошептал он с застенчивой улыбкой.

— И тебе привет, — тихо ответила я — Что ты здесь делаешь?

— Хотел тебя увидеть.

— Правда? Зачем? — Я была искренне удивлена. Думала, он будет где-нибудь праздновать победу.

Роум ссутулил широкие плечи и, засунув руки в карманы, бросил на меня застенчивый взгляд.

— Я заметил, что ты не пришла, — он подошел чуть ближе, и мне стало легче его видеть, — и хотел проверить, в порядке ли ты после сегодняшнего. Я думал о тебе весь вечер.

— Разве ты не должен быть с Шелли?

— С какого перепуга я должен быть с ней?

Я пожала плечами.

— Она была рядом с тобой после игры, вы славно смотрелись вместе. Я подумала, что ты, вероятно, захочешь отпраздновать сегодня с ней.

Он заметно напрягся.

— Давай прямо сейчас расставим все точки над «и». Она для меня ни хрена не значит.

И никогда не будет. — Глядя на меня, он склонил голову набок. — Ты поэтому не пошла на вечеринку? Думала, я буду с этой ненормальной сучкой?

Я поморщилась от его слов.

— Роум, мне просто не хотелось сегодня идти на вечеринку, вот и все. Иди развлекайся. Не нужно обо мне беспокоиться.

— Никуда я не пойду.

Мое сердце забилося чаще, он стоял под моим балконом и уверял, что между ним и Шелли ничего нет. Только расслабившись, я поняла, как сильно меня задела мысль о ком-то другом рядом с ним.

Я перегнулась через перила и не смогла сдержать смешок.

Шоколадные глаза угрожающе сузились.

— И что же тебя так рассмешило, Шекспир?

— То, что Ромео стоит под моим балконом и жаждет моего внимания.

Я прикрыла рот рукой, а потом сложила ладони вместе и, поднеся их к плечу, продекламировала:

— *Ограда высока и неприступна.*

Тебе здесь неминуемая смерть,

Когда б тебя нашли мои родные...

Они убили бы тебя.

Для пущего эффекта я похлопала глазками.

Ромео безуспешно боролся с ухмылкой, расползающейся на его лице.

— Ты что, блин, ее наизусть знаешь?

— Я читала ее сотни раз. Она прекрасна и трагична. — Я хмыкнула. — Почти как мы с тобой, тебе не кажется?

Ромео исчез из виду, и до меня донесся какой-то шорох. Я подбежала к дальнему углу балкона посмотреть, что происходит, и вот он — проверяет на прочность деревянную шпалеру, поднимающуюся вверх по стене.

— Ромео, осторожнее! Какого черта ты делаешь?

Дотягиваясь до следующей хрупкой перекладины, он посмотрел на меня с веселым блеском в глазах.

— Иду к своей Джульетте.

Я попятилась назад. Он поднимается ко мне... в мою комнату... где мы будем наедине.

Пинец.

Ухватившись обеими руками за каменные перила, Роум перелез через ограждение, приземлился на ноги и вытер ладони о джинсы. Когда он поднял глаза на меня, его дыхание резко остановилось, а руки застыли на бедрах. Он не сводил взгляда с моей ночнушки.

Осмотрев себя, я внутренне съежилась от того, как мало скрывала моя одежда. Только я собралась объяснить, что уже легла в кровать, когда он явился, как Роум оказался в миллиметре от меня. Большие темные глаза изучали каждый изгиб моего тела. Он облизал полные губы длинным розовым языком, а я следила за тем, как его взгляд путешествует от моих бедер к груди.

Роум поднял руку и запустил пальцы в мои длинные волнистые волосы.

— Мне нравится, когда они распущены, — хрипло произнес он, будто ему было больно говорить.

Я автоматически потянулась к локонам, но вместо этого моя ладонь коснулась его руки.

Не успела я одернуть руку, как его пальцы сжали мои, и он опустил наши руки вниз. Я потупила взгляд, он погладил большим пальцем мою ладонь, от чего у меня по рукам побежали мурашки. Роум нежно убрал мои волосы с плеч и принялся замороженно водить указательным пальцем вверх-вниз по оголенной коже.

Мои глаза закрылись, соски затвердели так сильно, что легкая хлопковая ткань ощущалась почти болезненно.

— Ромео? Ч-что ты делаешь?

Мягкое дыхание щекотало мне лицо.

— Не уверен. Но останавливаться не хочу.

— Роум, не думаю... — Я распахнула глаза от внезапных резких звуков — пьяные члены сестринства возвращались домой, прерывая наш момент. Если бы они приложили немного усилий, то увидели бы нас касающихся, ласкающих друг друга, становящихся с каждой секундой все ближе.

Роум уткнулся носом мне в шею, и я инстинктивно выгнула спину, полностью отдаваясь его власти.

— Нам... нам нужно остановиться.

Роум со стоном лизнул мою загорелую кожу.

— Нет, Мол. Я долго сдерживался. Старался не торопить события, но хватит, я больше не хочу быть для тебя никем. Я хочу тебя. Я так чертовски сильно тебя хочу...

— Роум. Это не очень хорошая идея. Я не могу.

— Конечно, можешь, — сказал он с игривой ноткой в голосе, пока его руки блуждали по моей талии.

Я уперлась ладонями в его твердую грудь.

— Пожалуйста... просто... подожди минутку.

Ромео отступил и удивленно моргнул.

— Что? — спросила я в ответ на его неожиданную реакцию.

— Мне еще никто не отказывал. — Он был совершенно растерян.

— Ты серьезно?

— Смертельно.

— Это... *печально*.

Ухмыляясь, он начал приближаться, кончики его пальцев легко прошли по моей руке и устроились на бедрах, сжимая тонкую ткань.

— Зато правда. — Он заметно сглотнул, подавляя вспышку робости. — Ты этого не хочешь? Не хочешь... *меня*?

— Ромео... я...

— Что? — нетерпеливо спросил он.

Я провела руками по лицу.

— Знаешь, ты слишком многого хочешь.

— Знаю, — выдохнул он с кривой дерзкой улыбкой.

— Я не знаю, чего ты от меня хочешь. Ты делаешь со мной все, что заблагорассудится, а я к такому не привыкла.

Подойдя еще ближе, он обнял меня за талию.

— Тогда позволь мне показать, чего я хочу. Перестань, бля, сопротивляться.

Я попыталась вырваться из его хватки.

— Нет, Роум, это просто... просто...

— Я хочу быть с тобой, — заявил он, его большие карие глаза смотрели почти с мольбой. — Ну же, Мол. Ты нужна мне. Скажи, что понимаешь меня. Скажи, бля, что чувствуешь то же, что и я.

Я закрыла глаза и почувствовала, как его руки опустились на поясницу, все мое естество затрепетало в ответ. Было так хорошо. Не было ни споров, ни длинных внутренних дебатов. Я собиралась сдаться.

— Заходи, — хрипло сказала я голосом, полным желанием.

Ромео прижался своим лбом к моему и выдохнул с облегчением.

— Черт, да.

Взяв Роума за руку, я увела его с балкона и тихо закрыла дверь. Повернув замок, я почувствовала спиной тепло — Роум снова обнял меня за талию. Массируя руками мой живот сквозь тонкую ткань, он нагнулся и легонько поцеловал меня прямо за ухом. Нежные пальцы опустились на бедра и прижали меня к паху, который затвердел, реагируя на соприкосновение со мной.

Повернувшись в его объятиях, я встала лицом к нему, и губы Роума сразу же нашли мои. Сначала его движения были мягкими, губы воздушно скользили по моим, нежно очерчивая их контур. Я зарылась руками в его волосы и притянула Роума еще ближе. Его язык исследовал мои губы, после чего продвинулся дальше, сливаясь с моим в сладком, ласковом танце.

Я полностью в нем растворилась.

В этот момент я поняла, что уже ничего не будет, как раньше, мне уже не вернуть время до Ромео. Мое тело жаждало его, а сердце не позволяло сопротивляться.

Роум развернул меня и, не прерывая поцелуя, принялся подталкивать назад, пока мои ноги не уперлись в кровать, и мы мягко опустились на нее. Я ощущала его разгоряченную плоть. Громкие одобрительные стоны побуждали меня действовать, и я полностью открылась навстречу его страсти.

Мои руки спустились от его волос к краю футболки и скользнули под нее. Пальцы начали выводить круги на его спине, он застонал прямо мне в рот, и этот стон отдался вибрацией на наших сражающихся языках. Его рука мягко опустилась с талии ниже. Он нежно провел по моему бедру своими длинными, опытными пальцами и прервал наш поцелуй.

Ромео опустил глаза, я почувствовала, как его ладонь скользнула к подолу моей ночнушки, и тут же ее перехватила. Он замер и устремил свой взор на меня.

— Я-я не могу. Все происходит слишком быстро, — прошептала я, стыдливо отводя взгляд.

Он со вздохом убрал руку от моей ночнушки и, взяв меня двумя пальцами за подбородок, твердо сказал:

— Не делай этого.

— Чего не делать?

— Не переживай из-за того, что остановилась. *Никогда* из-за этого не переживай. Я овладею тобой тогда, когда ты будешь сходить с ума от желания и умолять меня тебя трахнуть. Никогда не переживай, что остановилась. Когда ты отдашься мне, ты будешь такой влажной, что просто не сможешь терпеть.

— *Когда* я отдамся тебе? — спросила я, слегка раздосадованная его уверенностью в том, будто не смогу перед ним устоять, но и в то же время дико возбужденная от этого.

— Когда ты отдашься мне, — убежденно ответил он.

У меня буквально челюсть отвисла.

— А ты самоуверенный. Я ведь могу и отказать.

Он небрежно вздернул плечами и провел указательным пальцем по моей коленке.

— Все у нас будет. Мы оба это знаем, и я считаю дни до того, как войду в тебя и заставлю кончать... снова и снова. — Он облизнул губы, и те заблестели от влаги. — Считаю долбаные *минуты*...

Я изо всех сил пыталась думать, но желание победило логику, и я притянула его обратно к своему разгоряченному телу.

С печальным смешком он толкнул меня на матрас, его поза выражала упрек.

— Не нужно было на тебя давить. Ты еще не готова.

— Ты и не давил. Просто... просто... я... не очень опытна... и я...

Его глаза расширились, и он вскинулся.

— Черт, ты девственница?

Я опустила подол ночнушки и слегка подтянула колени вверх. Его удивленные глаза неотрывно следили за мной, пока я заправляла волосы за ухо.

— Нет, не девственница, но я не очень опытна во всем этом... соблазнении. Я спала только с одним парнем и только раз, в прошлом году, — выпалила я на одном дыхании.

На лице Роума промелькнула собственническая гримаса, и его мускулы напряглись.

— Когда это произошло?

— Когда я была в Оксфорде. Оливер и я...

— Оливер? — холодно бросил он.

— Да, Оливер Бартоломью.

Роум больше не злился, теперь он пытался побороть улыбку. Я сузила глаза.

— Что?

— Оливер Бартоломью. Очень... *по-английски*.

— Он и *есть* англичанин! Как и я! Хватит глумиться!

Я перевернулась и скрестила руки на груди, но он, безуспешно пытаясь скрыть улыбку, притянул меня обратно лицом к себе.

— Хорошо, хорошо, извини.

Я ослабила оборону, больше не в силах злиться, и взяла его за руку.

— Итак, Оливер, он был твоим парнем?

— Да, полагаю. Во всяком случае, я *пыталась* воспринимать его как парня.

— Пыталась?

— Да. Я... я не очень хорошо сближаюсь с людьми. С ним я попыталась, но в конце концов не смогла. Мы как бы встречались пару месяцев — ходили в кафе, были партнерами по учебе и все в таком духе, — и я решила сделать следующий шаг, просто чтобы покончить с этим. Он очень сильно этого хотел. Мне было все равно. И я подумала: почему бы нет? Олли был мил со мной и вполне мне нравился. А вот секс — не очень.

Роум с ужасом отпрянул, выпустив мою руку.

— Что? Тебе не понравился секс?

Я зарделась от стыда и начала теревить выбившиеся ниточки на хлопковой простыне.

— Было как-то неловко, неуклюже и совсем не так, как я ожидала.

Ромео провел пальцем по моей руке, наблюдая, как кожа покрывается мурашками от его прикосновения.

— *Олли* просто не умел делать это правильно.

Новая волна мурашек пробежала по моей обнаженной коже. Он заметил эту предательскую реакцию и понимающе ухмыльнулся.

— Думаю, с тобой, Шекспир, это будет по-особенному. Я никогда в своей чертовой жизни ничего не хотел так сильно, как попробовать тебя на вкус, почувствовать тебя... услышать, как ты выкрикиваешь мое имя.

— Ромео... — Я передвинулась, освобождая между нами пространство, пока все не зашло слишком далеко.

Он потянулся и взял меня за руку.

— Я остановлюсь, но не буду скрывать, что безумно этого хочу, Шекспир. Бля, просто *безумно*.

Я драматично застонала, накрывая голову подушкой, и услышала, как Ромео хрипло посмеивается рядом. Он стянул подушку и вопросительно вскинул бровь в ответ на мое странное поведение.

— Нам нужно срочно чем-то заняться, Роум. Мне сейчас *очень* нужно отвлечься.

Он широко улыбнулся, сверкая зубами.

— Ты украла *мою* реплику, Шекспир. Разве не я должен был тебе это сказать?

Я хихикнула.

— Наверное, но я почти готова запрыгнуть на тебя, хотя предпочла бы не делать этого сегодня. Не хотелось бы перейти из разряда почти-девственниц в шлюхи после одной ночи в твоей чертовой компании!

Ромео запрокинул голову и громко рассмеялся, и я присоединилась к нему, не в силах сопротивляться. Он сжал мою руку.

— И что же нам теперь делать, почти-девственница, чтобы ты не сдалась и не запрыгнула на меня? Хотя я не особо против того, чтобы ты это сделала.

Я игриво хлопнула его по груди.

— У меня есть идея, если ты не возражаешь?

Только я спрыгнула с кровати, как Ромео шлепнул меня по заднице. Я предостерегающе покачала головой и вставила диск в видеоплеер. Вернувшись в тепло одеял, я запечатлела невинный поцелуй на губах Роума и уселась, откинувшись на изголовье кровати. У меня в животе порхали бабочки.

Фильм начался, и Роум с веселым блеском в шоколадных глазах толкнул меня в плечо.

— «Жизнь Брайана по Монти Пайтон»?

— Она самая.

Ромео приобнял меня за плечи.

— Если сейчас мне не светит оказаться в тебе, то, думаю, «Пайтон» — неплохая замена.

Тяжело сглотнув, я заглянула в его глаза и увидела в них неприкрытое желание.

— Д-да... верно.

Он расхохотался над моим заиканием.

Я слезла с кровати, поправила ночнушку и, указав на Ромео, приказала:

— Сиди здесь. Я принесу перекусить!

Глава 8

— *Он не Мессия, он просто шаловливый мальчишка!* — Самая. Лучшая. Фраза.

Ромео рассмеялся над выражением моего лица, доедая остатки попкорна.

Я вырвала миску у него из рук и разинула рот.

— Ты же спортсмен! Не слишком ли тут много всякой крахмально-жирной гадости для тебя? Ты прямо вылизал миску, жадный гаденьш!

Он поиграл бровями и напряг мускулистые руки.

— Я просто чертова машина, Шекспир. Попкорн мне не помеха!

Я подняла руки ладонями вперед.

— Прости, забыла, что разговариваю с *Пулей*!

Ромео резко схватил меня за запястья и пригрозил суровым тоном:

— Не надо.

Решив, что он шутит, я подвинулась поближе к нему и продолжила:

— Аллааабббаааммммааа!!! Вставааай и встречай своего квотербека Ромео... Пулю... Принса! — Я изобразила рев толпы и начала петь его личную приветственную песню: — *Пистолет заряжен пулей. Сердце пылает огнем. Ты свернешь любые горы, что стоят на пути твоём...*

Он дернул меня вперед, и я, с ударом налетев на его грудь, оказалась к нему нос к носу.

— *Твою мать!* Прекрати, Шекспир.

Я нахмурилась и, вывернув запястья из его хватки, села обратно.

— Я просто шучу. Не нужно так на меня сердиться.

Роум устремил обеспокоенный взгляд на окно.

— Я знаю, прости, но я, бля, ненавижу все это дерьмо. Ты даже не представляешь, насколько. Я не хочу быть *Пулей* для тебя. Ты первая, на кого никак не повлияла моя футбольная слава. — Он снова посмотрел на меня и взял мое лицо в ладони. — Для тебя... я хочу быть просто Роумом.

Мой желудок сделал сальто, я наклонилась и мягко поцеловала парня в щеку.

— На меня не повлияла никакая футбольная слава, нисколечко, но не могу отрицать, что смотреть на тебя на поле — это нечто незабываемое. Ты разве не нервничаешь перед всеми этими людьми?

— Не-а. Уже привык. Это мой четвертый год в «Тайд». Хотя пока это самый худший сезон. Ну, был, до сегодняшнего дня.

Звон бьющихся бутылок на улице эхом прокатился по комнате, и я прижалась к Роуму, положила голову ему на грудь, умиляясь тем, как это все между нами... правильно... и легко. Довольный Роум взял прядь моих волос и намотал их на палец, только чтобы распустить и сделать это снова.

— Значит, ты самый результативный игрок? — спустя несколько минут тихо спросила, наслаждаясь небольшим островком спокойствия, который мы создали в моей лилово-белой комнате.

— Да. Безумие, учитывая, что в первой половине игры я и в грузовик попасть не смог бы. — Его взгляд встретился с моим, Роум выглядел взволнованным. — Фаны и команда абсолютно уверены, что это из-за тебя. Ты мой талисман на удачу, и все из-за того сладкого поцелуя.

Я замерла, даже дышать перестала, меня захлестнула волна эмоций. Я почувствовала, как мое сердце остановилось, а руки словно пронзили сотни иголок. Прижав ладонь к груди, я взялась ее тереть, мне хотелось лишь одного: чтобы это чувство ушло, просто исчезло. Сконцентрировавшись на дыхании, я вспомнила бабушкин совет: «Пять секунд вдыхай через

нос, пять секунд медленно выдыхай через рот».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всполошившись, Роум поднял голову, на его лице отразилось беспокойство.

— Что? Что случилось? Что я сказал?

Он взял меня за руку. Я сильно зажмурила глаза, и снова угроза панической атаки прошла после его прикосновения.

Роум убрал волосы с моего вспотевшего лба.

— В чем дело, Мол? Расскажи мне.

— Извини. Просто так мне когда-то говорила бабушка. Это напомнило мне о прошлом. Я запаниковала. Я-я просто... я просто удивилась, когда ты это сказал. Из всевозможных вариантов ты процитировал ее слово в слово.

Одна его рука по-прежнему оставалась в моих волосах, массируя мне затылок.

— Что она тебе говорила? Что я сказал?

— Что мои поцелуи сладкие. — Я слабо улыбнулась от горьких воспоминаний. — Бабушка говорила, что один мой сладкий поцелуй может сделать любую проблему чуть проще.

На лице Ромео появилась добрая улыбка.

— Думаю, она была права. Очевидно, она была мудрой женщиной, потому что именно это ты сделала для меня сегодня на игре.

Слезы заполнили глаза, когда я подумала о женщине, которая меня вырастила, о недостающем кусочке моего сердца.

— Так и есть. Она была для меня всем. Мы называли себя идеальной парой. Когда она умерла, то забрала с собой часть моей души. Я не слишком люблю думать о прошлом... мне больно вспоминать, чего я лишилась.

Я боролась со слезами, Ромео сохранял молчание, позволяя моей скорби утихнуть. Немного погодя, я откинулась на подушки и прислушалась к смеху и веселью снаружи. Роум оставался рядом, наблюдая за игрой наших переплетенных пальцев.

— Так ты ушел с собственной вечеринки? — постаралась продолжить разговор я.

— Там не было тебя, — не задумываясь, ответил он.

Я приподнялась на локте, любуясь тремя маленькими веснушками на его переносице.

— Я для тебя так много значу?

— Ты на самом деле не знаешь?

Я помотала головой, и он тут же вжал меня в кровать своим телом, удерживая мои руки по бокам.

— Мне нравится, какая ты со мной. Нравится, каким я становлюсь с тобой. Такое ощущение, будто я могу рассказать тебе что угодно, могу совладать со своей гребаной черной душой. С тобой я... ну... ты понимаешь... ты цепляешь меня. — Он робко опустил голову.

Я улыбнулась его застенчивому ответу.

— Я цепляю тебя, Ромео?

Его губы скривились в ухмылке.

— Я только надеюсь, что ты не станешь использовать сказанное против меня на лекции.

Морщась, я освободила свою руку и запустила пальцы в его светлые волосы, и он потянулся навстречу прикосновению.

— Я очень сожалею о том поступке. Я была ужасно неправа. Но тем вечером на балконе

мне показалось, что между нами возникла связь, и когда Шелли запрыгнула к тебе на руки, я так разозлилась... мне казалось, меня... предали. Это глупо.

Роум провел пальцами по моей щеке.

— Это не глупо. Я тоже почувствовал между нами связь. Просто я был в шоке от Шел. В одну минуту мы с тобой смеемся и болтаем, а в следующую — она врывается в комнату и запрыгивает на меня. Мне хватило одного взгляда на твое лицо, когда ты уходила, чтобы наконец понять: пора окончательно порвать с Шелли, порвать со всеми. Я сказал ей, что между нами все кончено и никакие мольбы и сговоры с моими родителями этого не изменят.

— Порвать со всеми? Всеми девушками?

Он поцеловал меня в кончик носа.

— Я не был ни с кем со встречи с тобой. Впервые в жизни я *хочу* быть только с одним человеком. Хочу быть с тобой. Это все для меня немного ново. Ад официально замерз, я перехожу на темную сторону моногамии.

— Правда? — хихикнула я.

— Правда.

— Что насчет плана твоих родителей о вашей с Шелли помолвке? Им не понравится, что ты теперь со мной.

Его лицо потемнело, а губы скривились в отвращении.

— К черту их. Мне плевать.

— Но...

— Я сказал, к черту их, Мол, не хочу об этом говорить.

Я убрала прядь волос с его лица, размышляя, почему он так агрессивно настроен.

— Скажи, что за бизнес у ваших с Шелли родителей? Из-за чего весь переполох с женитьбой?

Он поджал губы и в поражении закатил глаза.

— Нефть. Мой отец занимается нефтью. Он владеет большой компанией.

— Значит... ты...

— Богатый? — предложил он с невеселой улыбкой.

— Ну... да.

— Мой отец богат. Его компания — крупный работодатель здесь, в Алабаме. — Роум положил мою руку к себе на грудь. — Мне плевать на деньги, Мол. Меня уже достало, что они диктуют, как мне жить.

Я поцеловала его в щеку и откинулась назад.

— Шелли, должно быть, вне себя, раз ты окончательно с ней порвал.

Он провел ладонью по лицу.

— Она будто живет в собственном маленьком мирке. Я говорю, что между нами ничего нет, а она кивает и говорит мне не спеша все обдумать, прийти в себя. Я уверяю ее, что между нами все кончено, а она берет меня за руку и заявляет, что понимает, под каким давлением я нахожусь и поэтому не могу мыслить здраво. Как, бля, достучаться до кого-то настолько сумасшедшего?

У меня вырвался смешок.

— Я не знаю.

Роум сжал губы, сдерживая смех.

— Что? — спросила я, увидев, как он изучает мое лицо.

Коснувшись тейпа на моих очках, он ответил:

— Классный стиль, Шекспир. Вводишь новый тренд?

— Ага, это была моя единственная пара. Или так, или ходить слепой, как летучая мышь.

Пытаюсь прокачать стиль шебби-шик до полочки.

— О, у тебя получается. *Реально* получается.

Вечеринка снаружи внезапно стала громче, глубокий голос Люка Брайана оглушал децибелами из ревущей стереосистемы. Мы с Роумом поднялись поглядеть на гулянку с балкона и увидели кучу пьяных танцующих и обжимающихся студентов.

Теплое дыхание обдало мое ухо, и дрожь возбуждения побежала вниз по спине. Роум положил подбородок мне на плечо и, продолжая наблюдать за сценой внизу, заключил в ловушку своих сильных загорелых рук.

— Будет весьма неловко спускаться с твоего балкона в эту веселенькую толпу.

Мои глаза расширились, а пульс участился.

— Люди начнут сплетничать, Роум.

Он покрыв поцелуями мое оголенное плечо. Я заметила, что с момента своего прихода, он постоянно ко мне прикасался.

— Ну и пусть сплетничают. Мне все равно.

— Но *мне* не все равно. Я не хочу, чтобы они думали, будто я твоя очередная шлюшка. Я не такая.

Его руки напряглись от злости.

— Бля, они не посмеют так думать. Я об этом позабочусь.

— Правда?

Он обвил мою талию мускулистой рукой, привлекая меня к груди, и прошептал прямо на ухо:

— Не сравнивай себя с другими, Мол. Ты значишь для меня гораздо больше. И я с радостью буду убеждать в этом тех, кто думает иначе.

— Почему я значу больше? Я не понимаю.

— Просто это так. Каким-то образом ты озаряешь мою совершенно поганую жизнь. Ты понимаешь меня, как никто никогда не мог. Вот так все просто.

Поток чистого счастья наполнил мое сердце, я повернулась к Ромео и провела носом по его щеке.

— Ты... ты можешь остаться, если хочешь. Но... только поспать, чтобы не объясняться потом перед другими.

Нежно покусывая мою шею, Роум застонал.

— Бля, мне бы этого хотелось, Мол, чертовски сильно.

Взяв за руку, Роум повел меня обратно в комнату. Я задернула лиловые шторы и, немного нервничая, направилась к кровати. Роум стянул футболку через голову, открывая большую черную букву «А», вытатуированную на груди слева. Очевидно, это футбольный символ Алабамы. У меня между ног растекся жар, и я поерзала на матрасе, восхищаясь его бронзовой кожей и рельефными мускулами. Его вторым тату была красивая каллиграфическая надпись, бегущая по ребрам под правой рукой. На расстоянии ее было слишком сложно прочесть.

Когда он расстегнул верхнюю пуговицу низко сидящих джинсов, выделяя свой твердый живот и V-образную линию мышц, мое дыхание стало прерывистым. Тяжелая ткань упала на пол, и Роум в одних только черных боксерах, которые подчеркивали его мощные

мускулистые бедра и то, что он был очень рад нашей новообретенной близости, подошел ко мне. Третья татуировка располагалась на его бедре, примерно там же, где и моя. «Однажды» — гласили большие буквы. И это пробудило мое любопытство.

Ромео подошел к кровати и откинул лиловое одеяло, от чего мои бедра сжались в порыве чистого желания. Он забрался в кровать, и его аромат обрушился на меня, точно тонна кирпичей: чувственный, свежий и чертовски сексуальный. Я лежала на спине, уставившись в потолок и не представляя, что делать дальше. Он положил руку мне на талию и притянул к себе. Его кожа казалась раскаленной, а медленные движения его бедер заставили меня громко застонать.

Губы Роума оказались на точке у меня за ухом.

— Нам нужно попытаться заснуть, иначе все выйдет из-под контроля. А у меня его почти не осталось.

— Х-хорошо, — ответила я с придыханием и положила очки на тумбочку возле себя.

— Спокойной ночи, Шекспир, — прошептал он, пробегаясь рукой вверх-вниз по моему животу.

— Спокойной ночи, Ромео.

Он хмыкнул в мои густые волосы, и они рассыпались по груди.

— Мне нравится, как звучит мое имя в твоих устах. Не думал, что такое вообще возможно. Наверное, это из-за британского акцента. Оно звучит правильно, как того хотел Шекспир. Никто не зовет меня Ромео, меня *никогда* не называли Ромео. Я этого не позволяю. Но, как ни странно, мне нравится, когда так меня зовешь ты.

Я попыталась повернуться, но его руки держали меня как в тисках. Тогда я поцеловала наши сплетенные руки и пропела:

— *Что в имени твоём? Ведь то, что розою зовем,*

И под другим названием хранило б аромат.

Так и Ромео, названный иначе,

Свои все совершенства б сохранил.

Ромео резко выдохнул и потерся своими бедрами о мои.

— Не надо... пожалуйста...

— Почему ты не позволяешь так себя называть? — спросила я, сопротивляясь его движениям.

— Длинная история.

— У нас есть время.

— Не сейчас, — категорично отрезал он, сжимая руки, и, лаская языком мою кожу, жарче потерся бедрами.

Борясь со своим желанием и игнорируя его протесты, я остановила руками движения его бедер и быстро сменила тему на более безопасную:

— Что у тебя написано на боку?

— *Величайшее достижение не в том, чтобы никогда не падать, а в том, чтобы снова встать после того как упал.* Это Винс Ломбарди.

Слова были сказаны будто о моей жизни. Я закрыла глаза и представила, как эти вдохновляющие слова повторяются в голове, словно мантра.

— Они прекрасны. Этот Винс Ломбарди, наверное, хороший философ. Почему я никогда о нем не слышала?

Он усмехнулся и игриво дернул меня за кончики волос.

— Что теперь? — раздраженно спросила я.

— Он был футбольным тренером. Очень *известным* футбольным тренером.

— Оу. Мне действительно нужно больше узнать о футболе.

Его хватка на моей талии усилилась.

— Мне бы этого не хотелось. На тебя не влияет вся эта шумиха вокруг того, что я играю в футбол, и я хочу, чтобы все так и оставалось. Лучше, чтобы ты не знала, как много это значит для здешнего народа.

— Ты правда не хочешь, чтобы я называла тебя Пулей? — подразнила я.

— Черт, нет.

— Что угодно, лишь бы ты был счастлив.

— Спи, Мол, — процедил он сквозь зубы, — или мы закончим тем, что предадимся занятию, которое сделает меня охрененно счастливым.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы сдержать умоляющий стон, грозящий вырваться на волю.

— Еще один вопрос, и я буду спать.

Он вздохнул.

— Еще один. Но ты испытываешь удачу.

— Почему «Однажды»?

Роум напрягся. Я пробежалась пальцами по его руке, и он расслабился, поцеловав меня в шею.

— Потому что *однажды* я отсюда уеду. *Однажды* буду самим собой. Буду делать то, что хочу... *однажды*, — произнес он так тихо, что мне пришлось напрячь слух.

Мои глаза наполнились слезами из-за его душераздирающего ответа.

— Для тебя это всегда было так тяжело?

— Это уже два вопроса, Шекспир. Я согласился на один. Теперь спи.

Я сдалась, устраиваясь поудобнее в его сильных объятиях.

После пары минут раздумий, я сказала:

— Ромео? Я пока не хочу, чтобы кто-нибудь знал о нас. Хочу сохранить наши отношения между нами.

Он убрал руки с моей талии, медленно перевернулся и, сев на краю кровати, опустил голову на ладони.

— Понимаю. Тебе стыдно со мной встречаться. Пуля, чертов агрессивный квотербек, не подходит на роль парня, да? Но хорош для пары-тройки тайных переписок...

Я накрыла его руку своей и уткнулась носом ему в спину.

— Что? Нет! Я... я просто нервничаю!

— Из-за чего? — Он взволнованно повернулся ко мне.

— Ну, я не из тех, на кого ты обычно западаешь. Я не похожа на других — отполированных, идеальных, с хорошим зрением. — Я уловила отблеск веселья в его глазах. — Пожалуйста, давай немного подождем, прежде чем весь кампус узнает. Ради *меня*? Мне нужно немного настроиться на отношения с тобой. Мне просто нужно немного времени.

Плотно сомкнув губы, он прижался своим лбом к моему.

— Я хочу показать всем, что *теперь* я с тобой. Бля, я не буду нас скрывать, и мне насрать, что подумают люди. Что до моего прошлого, я не этого хочу с тобой. Я хочу большего. Ты этого еще не поняла? *Боже!*

Это все равно ничего не меняло.

— Пожалуйста. Совсем недолго. Ты Ромео Принс. Твоя...*репутация* меня немного пугает. Давай пока сохраним это между нами, посмотрим, как все пойдет без вмешательства других.

Он издал громкий раздраженный вздох и мотнул головой.

— Бля, Мол!

— Пожалуйста.

— Ладно! Не будем пока разглашать... мне это ни хрена не нравится, но для тебя я это сделаю, даже если одна мысль о том, чтобы держать наши отношения в тайне, вызывает у меня желание вмазать кому-нибудь кулаком по роже.

Я цокнула и неодобрительно покачала головой.

— Что еще? — недовольно спросил он.

— Ты слишком много ругаешься. Тебе обязательно нужно говорить слово на букву «б» в каждом предложении?

— Да, бля, — ответил он с самодовольной ухмылкой и, толкнув меня на кровать, расцеловал лицо. Вскрикнув, я взяла его за руку, останавливая нападение, и обвила его свою талию так, чтобы он обнимал меня сзади.

— И кстати, ты больше никого не будешь бить. Я тебя умиротворяю, помнишь?

— Спи! Для нашего общего блага, хоть раз сделай, что тебе говорят, — строго сказал он, и я закрыла глаза, чувствуя себя защищенной в его крепких объятиях.

Глава 9

Я шла к кафетерию, немного уставшая после лекции по этики — брехня, — я была уставшая от недосыпа в последние пару дней, благодаря частым ночным визитам Ромео. Я не могла сдержать улыбку, думая о том, каким нежным и милым он был со мной, никогда не подталкивал меня дать больше, чем я была готова предложить, и казалось, обожал меня, говоря, что я не такая, как все девушки, которых ему доводилось встречать.

С ума сойти.

Я была почти у дверей, вся в своих мыслях, когда заметила снаружи Ромео, разговаривающего по телефону. Я улыбнулась и уже было пошла поздороваться, но увидела, как он, положив руку на лоб и сжав губы в гневе, со злым выражением на лице короткими, резкими фразами отвечает звонившему.

Не замечая меня, он закончил разговор и отправился обратно внутрь, но перед этим с громким рыком пинком опрокинул мусорный бак и прошел через двери. Студенты улепетывали с его пути, чувствуя опасность.

Я вошла в кафетерий и присоединилась к своим друзьям, осторожно наблюдая за тем, как Роум тяжело прошел по помещению, выдвинул стул и, сев с футбольной командой, с разгневанным лицом сжал переносицу.

— М-м-м... мясной рулет. Хоочууу мясной рулет! — Кэсс привлекла мое внимание, с завидной энергией принимаясь за свой ланч, в то время как Элли с Лекси разговаривали о клубе, в который мы, по-видимому, пойдём в эту субботу.

— Ты ведь с нами, Моллз? — спросила Элли, пока я доставала сэндвич из сумки.

— Конечно, — ответила я. Я раньше в клубы не ходила, поэтому не сомневалась, что это будет интересный опыт.

Кэсс официально «встречалась» с милахой Джимми-Доном, он пригласил ее на танцы после игры, а мы втроем навязались с ними, решив оттянуться.

Беседа перешла на подходящие наряды и прически, и я воспользовалась возможностью бросить еще один взгляд на Роума, который, очевидно, уже какое-то время смотрел на меня. Он поприветствовал меня едва заметным кивком, и я сжала стул, удерживая себя от того, чтобы подойти к нему и спросить, в порядке ли он.

Слухи об их с Шелли разрыве распространились по всему кампусу, еще больше девушек, чем обычно, пытались заарканить звездного квотербека, и я внутренне напрягалась от каждого взмаха ресниц или излишне ухоженного хвостика. Элли, похоже, заметила мое состояние и нахмурилась, поглядывая то на меня, то на Роума, пока грызла свою морковку. Я решила просто избегать ее заинтересованного взгляда.

Роум отделялся от толпы девчонок, качая головой или незаинтересованно отмахиваясь. Это делало меня невероятно счастливой, но вопросительные взгляды членов команды в ответ на его равнодушие к стайке красивых девчонок, жаждущих его внимания, заставили меня понять, что мы не сможем долго скрывать наши отношения. Не думаю, что у него хватит терпения, а у меня — выдержки.

Примерно через пятнадцать минут в кафетерий вошла Шелли со своим фирменным громким противным смехом. Заметив меня, она подлетела к столику и с искаженным чистой ненавистью пластиковым личиком уставилась прямо на меня.

В кафетерии повисла тишина.

— Боже, Молли! Если мне придется смотреть на тебя в этих долбаных заклеенных тейпом очках еще хоть день, я сойду с ума! У тебя что, других нет? — Я и понять ничего не успела, как она стянула с меня очки и бросила их на пол себе за спину, громкий стук прогремел в тихом помещении.

Я начала подниматься, чтобы ответить ей, но она надавила мне на плечо, вынуждая сесть обратно.

— Усади свою задницу, когда я с тобой разговариваю! — Она вплотную наклонилась к моему лицу. — Что такое? У мамочки с папочкой нет денег, сладенькая? Ты бедная, Молли?

Несмотря на все мои усилия, ее ядовитые слова парализовали меня, ударяя точно в цель. Я хотела дать отпор, хотела постоять за себя, но ее слова ранили меня, оголяя каждый мой страх.

— Хватит! — Гневный рев разнесся по всему кафетерию. — Отвали от нее. Тебе двадцать один или двенадцать? — Послышались тяжелые шаги, и мне на плечо легла рука, а мои очки вновь оказались на своем месте. Я повернула голову и увидела позади себя Роума, грозно взирающего на Шелли, которая стала мертвенно-бледной, когда заметила, что он ко мне прикасается.

— Убери от нее свои руки! — зашипела она.

Роум усмехнулся.

— Вбей себе в голову. Мы не вместе и никогда не будем. Самое время расставить все по местам. — Он посмотрел на всех присутствующих и широко развел руки. — Несмотря на тот бред, что она несет, я *не* с ней, никогда не был, и все, что она говорит, — полная чушь!

Лекси и Кэсс с разинутыми от шока ртами переводили глаза с меня на Роума, потом на Шелли и обратно. Элли скрестила руки, буквально каждой порой излучая веселье и удовлетворение.

Ромео наклонился и сдавленным голосом прошептал:

— Ты в порядке?

Я кивнула, но от смущения держала голову опущенной. Он взял меня за руку, поднимая со стула, и вокруг тут же посыпались ропотки и пересуды по поводу его странного отношения к тихой англичанке.

— Бери свою сумку, Шекспир. Мы уходим.

Я сделала, как он велел, и устремилась поспеть за его шагом. Роум буквально пронесся через двери, хлопнув ими о стену и оставив шокированную, разъяренную Шелли в одиночестве.

Мы шлепали по тротуару университетского дворика, мне приходилось почти бежать, чтобы не отставать.

— Ромео, давай помедленнее. Куда мы идем? — спросила я, пытаюсь не сбить дыхание.

Мы остановились у огромного нового черного пикапа «додж», и Роум открыл пассажирскую дверь.

— Залезай, — агрессивно приказал он.

Я запрыгнула на сиденье, и он захлопнул дверь. Сел на место водителя, завел двигатель и, едва в колонках заиграла тяжелая металлика, рванул со стоянки. Я не знала, что сказать — я никогда никого не видела в такой ярости.

После двух песен с кучей ударных и хриплых криков Роум начал ослаблять свою хватку на руле.

— Ты точно в порядке? — спросил он сдавленным голосом.

— Да. Немного смущена, но в порядке.

— Как она смеет так с тобой разговаривать? Она такая сука! Какого хера я потратил на нее столько своего гребаного времени? — выплюнул он, ударяя кулаком по приборной панели.

— Прямо с языка снял.

Его губы сложились в относительно веселую ухмылку.

Пока мы проезжали одну улицу за другой, город мелькал размытым пятном, и я прислонилась головой к окну, пытаюсь забыть о злобных и точных словах Шелли.

Мы остановились у торгового центра. Я оторвала голову от окна и, повернувшись к Ромео, увидела, что он, опершись на руку, глядит на меня.

— Мол, мне жаль, что она так сказала о твоих родителях. Даже представить не могу, каково тебе было. — В его карих глазах отражалась боль.

Я потянулась и положила ладонь ему на колено.

— Тебе не за что извиняться.

Он накрыл мою руку своей.

— Неправда. Она цепляется к тебе потому, что видит мой интерес. Видела его с нашего первого поцелуя. Ты теперь враг, Мол, и ты не представляешь, как мне жаль. Я поставил тебя в такое положение, и она постарается превратить твою жизнь в ад.

Я не смогла не улыбнуться в ответ на его заботливые слова. Придвинулась поближе к нему и положила голову ему на плечо. Он вздохнул и обвил рукой мою шею. Я оценивающе прошла взглядом по его на сей раз синей футболке, линялым джинсам и потертым коричневым ковбойским сапогам. Ему этот вид шел как никому другому — настоящий деревенский парень.

Спустя минуту спокойного, уютного утешения в его руках, я подняла голову.

— Роум, с кем ты разговаривал по телефону перед ланчем, на улице?

Он пожал плечами и медленно, ровно выдохнул.

— Ты видела?

— Ага.

— Я не хочу об этом говорить.

Я разочарованно вздохнула.

— Хорошо. Скажи только одно. Это были твои родители?

Его рука напряглась на моих плечах, и наступила такая тишина, что было слышно тиканье часов на приборной доске.

— Да, — спустя какое-то время прошептал он.

Я решила отложить вопросы об этом на тот момент, когда он не будет так зол. Я видела, чего ему стоило открыть и этот кусочек информации.

Я выпрямилась, удивленная тем, где мы оказались.

— Что мы здесь делаем?

Ромео открыл дверь, взял меня за руку и вытянул на раскаленный асфальт.

— Покупаем тебе новые очки. Вперед.

Я остановилась и потянула его назад.

— Ромео, я пока не могу себе этого позволить.

Его глаза сузились, а ноздри раздулись.

— Я их покупаю. Сейчас. *Пошли!* — Он снова попытался потянуть меня за собой.

Но я упорно стояла на своем.

— Ромео, я не нуждаюсь в благотворительности. Я куплю себе эти чертовы очки, когда накоплю достаточно денег. Ты не будешь мне их покупать. Я тебе не позволю. Мне не стыдно быть бедной, а вот получать деньги из жалости — стыдно!

Он притянул меня к своей груди и обвинил сильными руками.

— Молли, бля, прекрати настаивать. Хотя и косвенно, но это я разбил твои чертовы очки своим дерьмовым пасом. Я раздраконил Шелли, показывая всем, что ты мне нравишься, я позволил ей зайти слишком далеко со всем этим дерьмом «я королева Алабамы» за последние три года. Я куплю тебе новые очки, и ты мне позволишь — у тебя нет гребаного выбора. Я не стыжусь тебя, а защищаю то, что мне принадлежит. — Его жесткий тон не допускал отказа.

Обычно я бы разозлилась, если бы кто-то командовал мною так, как он сейчас, но его «я альфа, я главный, и мне насрать» отношение заставило меня истекать от желания прямо на месте.

Роум грубыми руками прошелся по моей спине и, схватив меня за волосы, запрокинул голову навстречу своему решительному взгляду.

— Ты меня поняла?

Я смягчилась и, сдаваясь, выдохнула:

— Я тебя поняла.

Нежно поцеловав в макушку, Ромео крепко взял меня за руку и повел в огромный комплекс.

* * *

— Просто запрокиньте голову назад и широко откройте... да, вот так... и... получилось? — спросила офтальмолог, пока я пыталась проморгаться от избытка капель.

Казалось, мир вокруг прояснился.

— Да, думаю, получилось. Как они выглядят?

Я подошла к зеркалу и впервые за многие годы увидела себя четко без огромной оправы на лице.

— Ты выглядишь прекрасно, дорогая, — ласково ответила она.

— Мои глаза... — прошептала я, когда заметила настоящий цвет своих радужек: насыщенно-карий с золотистыми крапинками, именно такой, как всегда говорил мой папа. Я их никогда не видела так — ярко, без преград. Я потянулась к своему отражению и провела рукой по зеркалу.

Роум сказал офтальмологу, чтобы она подобрала для меня только самое лучшее, и положил свою золотую карту на стойку, не обращая внимания на мой немой протест. Мы остановились на контактных линзах, и они до неверия изменили мою внешность.

— Итак, у тебя есть месячный запас линз и пара черепаховых очков от «Шанель», если ты не захочешь пихать эту гадость в свои глаза. За все заплачено, мисс Шекспир, так что вы можете идти.

Покраснев, я взяла из ее рук пакет и с улыбкой на лице вышла в фойе. Роум сидел на мягком диванчике и, нагнувшись вперед, смотрел какое-то дневное шоу по телевизору. Когда он заметил движение, то на секунду поднял голову и сразу вернулся к просмотру шоу, но потом резко обратил свой взор на меня, чтобы удостовериться. Выражение восхищения на его лице говорило само за себя.

Он медленно поднялся со своего места и, пока шел ко мне, пару раз тяжело сглотнул. Теребя ручки белого пакета, я опустила голову. Его потертые коричневые ковбойские сапоги остановились прямо передо мной, и Роум пальцем приподнял мой подбородок. Я посмотрела на него, его полные губы приоткрылись со вздохом, и он улыбнулся.

— Ты очень красивая, Мол.

Я покраснела и опустила глаза.

Его палец снова приподнял мой подбородок.

— Нет. Не прячься от меня. У тебя самые сногсшибательные глаза. Ты просто сводишь меня с ума.

— Спасибо, — прошептала я, ощущая краску на щеках.

Он взял меня за руку.

— Пошли.

— Куда теперь? — спросила я, смеясь из-за того, как спешно он потянул меня за собой из магазина.

— Я хочу показать тебе одно место... и нам нужно добраться туда побыстрее.

Глава 10

Мы ехали минут тридцать, и я понятия не имела куда. Никогда не была сильна в топографии, так что просто устроилась поудобнее и наслаждалась видом. Поля ярких зеленых и желтых оттенков мелькали за стеклом, большинство из них были заняты кукурузой и пшеницей. Голубое небо простиралось на мили вперед, а белые пушистые облачка лениво плавали в свете вечернего солнца. Зрелище было захватывающее.

Рука Роума лежала у меня на коленке, он положил ее туда, как только мы сели в пикап. Время от времени я чувствовала на себе его взгляд и гадала, о чем он думает. Надеюсь,

только о хорошем.

Он включил поворотник, и мы свернули на длинную дорогу.

— Почти приехали, — сказал он.

— Куда?

— Туда, куда я приезжаю, чтобы побыть одному.

На полпути по дороге Роум резко свернул налево на ухабистую гравийку. Мы проехали примерно еще две мили, и перед нами предстала широкая речка с кристально чистой водой в окружении высоких деревьев и ярких цветов. Это место было просто волшебным.

— Боже, Роум, это потрясающе, — сказала я, восхищаясь открывшимся видом.

Погладив меня по ноге, он остановился за большим дубом, открыл водительскую дверь и, обойдя машину, помог мне выйти. Спрыгнув, я приняла его протянутую руку, и мы пошли на звук плещущейся воды. Он усадил меня рядом с собой на мягкой траве у самой кромки речки.

Высоко в кронах деревьев пели птицы, вокруг стрекотали сверчки, а воздух был теплым и спокойным. Не думаю, что когда-нибудь чувствовала себя более умиротворенно. Роум с довольным видом наблюдал за моим восхищением.

— Ладно, теперь ты точно должен сказать мне, где мы. Это, возможно, самое красивое место на Земле.

Он замялся.

— Это речка находится за домом моих родителей.

— Домом твоих родителей?

Сжав челюсти, он коротко кивнул.

Я покрутила головой, рассматривая акры и акры буйной растительности, и, повернувшись обратно к Роуму, спросила:

— Им принадлежит все это?

Он лег на траву и, проведя руками по лицу, пробормотал:

— Это плантация, Мол.

Я замерла.

— Плантация? У твоих родителей целая плантация? — Я поискала глазами дом, но его даже отдаленно не было видно.

Роум приподнялся на локте и покрутил в пальцах сухую травинку.

— Расслабься, они даже не узнают, что мы здесь. Я все время сюда приезжаю, Мол. Здесь я прячусь от всего.

Я немного расслабилась и, вздохнув, покачала головой.

— Что? — нахмурившись, спросил Роум.

— Это. Ты. Плантация. Мы из совершенно разных миров. — Я указала на раскинувшиеся бело-розовые хлопковые поля, в уме сравнивая их с узкими, мощными улочками из своего детства.

Роум взял мою руку и поднес ее к своим теплым губам.

— Это не мое, поверь. Если бы ты только знала... Все это принадлежит не мне, а моим родителям. Я — всего лишь я, а ты — просто ты, Ромео и Молли Джульетта. — Он склонил голову набок. — Иди ко мне. — И потянул меня за руку.

Я легла на живот, опершись на руки, и Роум принялся меня разглядывать.

— Поверить не могу, как прекрасно ты выглядишь с этими линзами. Твои глаза невероятного золотистого цвета... мне адски тяжело не касаться тебя так, как мне хочется.

Я покраснела и поднесла большой палец к губам. Он следил за каждым движением.

— Можешь касаться, если хочешь, — нервно сказала я.

В его темных глазах сверкнуло вождделение, и он опустил веки.

— Не играй с огнем, Шекспир. Миленькой маленькой англичанке будет слишком тяжело с этим справиться.

— Что я могу сказать?.. Я рисковая.

— Мол... — угрожающе буркнул он.

Я медленно подползла к нему, хрустя руками и коленями по сухой траве.

Чем ближе я подбиралась, тем более дикими становились его глаза.

— Мол... — Угроза в голосе на сей раз была сильнее. Но это меня не остановило. Я чувствовала себя дерзкой.

Я вплотную придвинулась к нему и заглянула в глубину его темных глаз, оковы моего самоконтроля пали, и я отдалась темной и опасной воле Ромео.

Умелые руки скользнули по моим оголенным бедрам, дойдя до подола зеленого платья всего в нескольких сантиметрах от моих трусиков. Его мозолистые ладони ходили вверх-вниз по моим ногам, с каждым разом поднимаясь все выше, а я, наклонившись, нежно ласкала его губы своими. Ромео позволил мне установить ритм — покусывать и ласкать языком его нижнюю губу.

Я знала, что испытываю его выдержку, наблюдая, как далеко он позволит мне зайти. Он зарычал и надавил на мои бедра, немного раздвигая их, все ближе подбираясь к цели. Я сильнее впиалась в его губы, но все еще не так, как бы ему того хотелось, и мучала медленными ласками. Он позволял мне играть, дразнить и соблазнять.

Осмелев, я прижала ладонь к груди Роума — он вздрогнул — и стала выводить небольшие круги, потом позволила своим пальцам забраться под его тонкую футболку к напряженному прессу. Скользнув к поясу джинсов, я лишь слегка задела нежную кожу под ними.

Через секунду Ромео крепко обхватил мои бедра руками и с пылким рыком широко раздвинул ноги, его возбужденная плоть оказалась прямо у моего трепещущего естества.

Я оторвалась от его губ и попыталась восстановить дыхание. Глаза Ромео были дикими, его черные зрачки расширились, практически полностью затмив шоколадно-карюю радужку, и я инстинктивно поняла, что высвободила его сокровенное желание, лишила его самообладания.

Теплые руки обвили мою шею, и губы Роума впились в мои. Его язык преодолел преграду моих губ и наполнил рот вкусом мяты, и я позволила ему. Полностью капитулировала. Я была абсолютно пленена и в тот момент не желала ничего другого.

Его руки скользнули с моих волос вниз по шее и к груди, пальцы нашли чувствительный сосок и принялись поглаживать затвердевшую плоть, от чего мои бедра подались вперед. Его язык ласкал мой, а стоны желания становились все отчаяннее.

Поласкав мою грудь, Роум оставил ее и, перейдя к подолу короткого платья, пробрался к краю черных хлопковых трусиков. Я едва не обезумела от желания, он отстранился и, изучив мои полные страсти золотистые глаза, усмехнулся.

— Ромео... — застонала я и от досады закрыла глаза. Я так сильно в нем нуждалась.

— Мол... я... я...

Я резко открыла глаза и впиалась в него взглядом.

— Пожалуйста, — взмолилась я, отчаянно желая ощутить его прикосновения,

настоящие прикосновения.

— Мол... боже... ты сводишь меня с ума...

Я видела, что он пытается совладать с собой.

— Роум... *давай!* — практически прокричала я.

Он отодвинул трусики в сторону, коснулся моей плоти и, как только его губы вновь накрыли мои, ввел в меня свой длинный средний палец. Пара нежных поглаживаний, и вот мое дыхание уже прерывается с каждым его движением.

— Никогда не указывай мне, что делать. — Ромео согнул пальцы, продвигаясь дальше и заставляя меня извиваться. — Слышишь?

— Да, да, — быстро ответила я. Мне нравилось, как он меня контролировал, и мое тело дрожало от удовольствия после каждого приказа.

Ромео подвинулся, чтобы устроиться поудобнее, и я запрокинула голову от неопишуемого удовольствия, разбивающего всю мою защиту. Я обняла его левой рукой за шею, пока он клеймил меня страстными, пульсирующими движениями руки. Мне тоже нужно было его удовлетворить. Мне этого *хотелось*, поэтому я расстегнула пуговицу на его джинсах и, соблазнительно прикусив губу, потянула язычок молнии вниз.

Ромео замер.

— Мол, нет, ты не...

— Позволь позаботиться о тебе. Позволь дать тебе то, что нужно. Пожалуйста...

Шоколадные глаза Роума закрылись, как только я обхватила его большую горячую плоть и начала медленно двигать рукой. Он тяжело вдыхал в ответ на каждое поглаживание. Наши движения ускорились, так как мы оба жаждали разрядки, и я поерзала у него на коленях, едва во мне стало зарождаться это сладкое напряжение. Не в силах сконцентрироваться, я прижалась своим лбом к его и застонала, когда он ввел еще один палец.

— Ох, Ромео... я... — У меня не было слов.

Крепкие бедра Ромео яростно двигались в моих руках.

— Давай, Мол... бля, давай, — прорычал он, и с последним толчком меня затопил оргазм, мои стоны были пойманы его губами. Его рука не останавливалась и освобождала каждую каплю наслаждения из моего распаленного тела.

Я продолжала ласкать его, и он с утробным стоном повернулся и кончил, длинными сильными толчками изливаясь на траву.

Мы оба постепенно замедлили свои движения, я обняла его за шею обеими руками, и наше дыхание смешалось, рука Роума все еще была во мне.

Ромео лениво ласкал мое лоно и покусывал кожу на изгибе моей шеи, я в ответ постанывала у его щеки. Подняв голову, я слегка отстранилась и заглянула в его глубокие карие глаза.

— Привет, Мол, — прохрипел он, его грудь все еще тяжело вздымалась от сбившегося дыхания.

Я покраснела.

— И тебе привет.

— Ты в порядке? — спросил он, что-то выискивая в моих глазах. Только я не могла понять, что именно.

Я опустила взгляд и кивнула.

— Более чем.

— Посмотри на меня, — строго приказал он.

И я охотно подчинилась.

— Тебе понравилось? Понравилось, как я с тобой разговаривал, как приказывал? — Он казался нервным и обеспокоенным, как будто ожидал, что я буду злиться.

Но мне понравилось. У меня было мало опыта в сексе, но то, как он мной командовал, что-то во мне пробуждало. Я чувствовала себя свободной на каком-то новом уровне.

— Мол, тебе ведь понравилось... не так ли? — Нотки уязвимости появились в его обычно грозном тоне.

— Мне понравилось, Ромео. Я-я не думала, что мне понравится... такое... но... полагаю, мы оба знаем, что мне понравилось.

Легкая улыбка преобразила его обычно жесткие черты лица. Он взял мою руку и провел ею по своим ребрам.

— Все на месте?

Я нахмурилась.

— Что?

— Мои ребра? Может, одного не хватает?

Я нежно провела ладонью по его ребрам.

— Ладно, кажется, я немного запуталась. Ты думаешь, у тебя не хватает ребра?

Он тихонько хохотнул.

— Просто подумал, что Господь взял одно, когда создавал тебя.

Несмотря на то, что он шутил, его слова растопили мою душу.

— Ромео. Иногда ты бываешь просто душкой, знаешь это?

Он подмигнул.

— Только для тебя.

Я поцеловала его ладонь в благодарность за то, что произошло между нами. Мне стало не по себе от того, насколько правильным это казалось — его приказы, требования, указания, — но погружаться глубже в эту тему я не хотела. Я могла отдать контроль Ромео, но не переходя за грань.

— О чем ты думаешь? — Роум обхватил мое лицо ладонями.

Я потянула большой палец в рот.

— Когда ты говоришь, что любишь приказывать, как далеко заходит это желание доминировать?

Он усмехнулся.

— Я не садист, так что убери это выражение со своего милого личика. Мне просто нравится контролировать... не знаю... я просто такой. В моей жизни достаточно паршивых вещей, над которыми я не властен, поэтому мне нужно контролировать то, в чем я силен. Мне нужно знать, что я главный. Я хороший квотербек, потому что мне нравится лидировать, управлять процессом. Так же и в сексе.

Это имело смысл, ему нужен был контроль. Не в плохом смысле, а как необходимость, чтобы не сойти с ума.

— Мне понравилось, как ты взял контроль в свои руки. Мне постоянно приходится полагаться только на себя, все делать самостоятельно, всегда принимать решения, я это ненавижу. И это было... освобождением — отдаться тебе, передать бразды правления.

Странное выражение появилось у него на лице, его неистовость практически лишила меня равновесия. Но он крепко держал меня в своих объятиях.

— Ты теперь моя, Мол. Ты же это знаешь, верно? Мне никогда ни с кем не было так

хорошо — каждое движение, поцелуй, ласка, — ты полностью и безоговорочно отдаешься мне. — Его пальцы, до сих пор прижатые к моей разгоряченной плоти, задвигались все быстрее.

Я всхлипнула и прикусила ноготь на большом пальце, чтобы сдержать крик.

— Да, я твоя.

Роум отнял мой палец ото рта.

— Ты с ума меня сведешь этой привычкой, Мол. Я бы положил туда кое-что поинтереснее, если тебе не с чем поиграть.

Я рвано вдохнула.

— Я... я...

— Все мое время. Не сейчас, — уверил он меня, слегка развеселившись.

Мои глаза невольно закрылись.

— Ромео... твоя рука...

— Я снова удовлетворю тебя. И буду смотреть, как ты сходишь с ума. Буду смотреть, как ты растекаешься в моих руках и наслаждаться этим, Мол. Понимаешь? Я буду контролировать каждое твоё желание, — прошипел он сквозь зубы, пока его пальцы погружались в меня все глубже.

— Да... да...

И он это сделал. Превосходно справился, как по нотам.

Задрожав, я пронзительно вскрикнула и упала ему на грудь. Мы пролежали так достаточно долго, и в конце концов он вынул из меня пальцы, застегнул джинсы и притянул меня к себе на колени. Я закрыла глаза и задремала на его теплой груди, наслаждаясь его легкими поглаживаниями моей щеки и будучи полностью изнуренной.

Я медленно проснулась от того, что Ромео аккуратно перевернул меня и уложил спиной к себе на грудь.

— Солнце садится. Я подумал, ты захочешь посмотреть закат со мной.

Волна счастья затопила мое сердце.

— Да, захочу.

Небо было кроваво-красным, солнечное тепло от заходящего полукруга разливалось оттенками розового и желтого, придавая широкой речке сияние раскаленного золота.

Дыхание Ромео ласкало мне ухо.

— Расскажи о своей семье, Мол.

Я содрогнулась от укола паники в груди и немного подвинулась, пытаюсь расслабиться. Почувствовав мою реакцию, Ромео, взял меня за руку и сжал в своих объятиях. В теплых, безопасных объятиях.

— Расскажи мне, Мол. Расскажи о своей семье. Почему тебе так больно?

Наблюдая, как последние проблески оранжевого солнца пропадают за горизонтом, я сделала глубокий вдох, чтобы набраться смелости.

— Если честно, даже не знаю, с чего начать.

— С начала. Я хочу узнать о тебе все, все подробности. — Благоговение в его голосе отдалось дрожью в моем теле.

— Хорошо.

Я устроилась поудобнее, положив голову ему на грудь и слушая утешительное биение его сердца.

— Моя мама умерла, когда рожала меня. Я была единственным ребенком. Она умерла из-за осложнений. — Я крепко зажмурила глаза, концентрируюсь на объятиях Роума, потом снова открыла их и посмотрела на спокойную речку, позволяя умиротворяющей глади воды себя успокоить. — У меня есть ее фотография. Я так на нее похожа.

— Значит, она тоже была красавицей? — спросил он и поцеловал мое оголенное плечо. Я расцвела от таких слов и еще крепче прижалась к его груди.

— У моего отца не было родственников, кроме моей бабушки. Она тоже жила с нами. Когда мне было шесть, папа умер. — Я подобрала длинную травинку и покрутила ее в пальцах. — Я помню все, как будто это было вчера. Я вернулась домой из школы, а бабушка сидела расстроенная в гостиной. Она сказала мне, что папу забрали на Небеса. — Я покачала головой, невесело рассмеявшись. — Тогда мне казалось, что меня наказывают за то, что я плохо себя вела. Вскоре выяснилось, что умер он не от какой-то болезни и не потому, что Бог наказывал меня, он просто проснулся, как обычно, проводил меня, свою маленькую девочку, до двери, а потом залез в ванную и перерезал себе вены бритвой.

Ромео тихо выдохнул, и его теплое дыхание защекотало волосы у меня на затылке.

— Черт, детка. Я не думал... мне так жаль.

Именно его сострадание дало мне силы впервые заговорить с кем-то об этом дне.

— Я никогда не могла понять, почему папа так поступил. Знаю, он не мог жить без мамы, но у него была я. *Он был мне* нужен. Почему он не мог быть сильным ради меня? Ради бабушки? В своей предсмертной записке он сказал, что однажды я пойму, но я не знаю, как отец может оставить свою дочь совершенно одну.

Я чувствовала, как во мне растет раздражение, горечь от каждого воспоминания. Роум все так же крепко и беззвучно меня поддерживал.

— Единственным положительным моментом во всей этой гребаной ситуации было то, что я всегда была умной. Когда мне было семь, моя учительница предложила пройти тестирование в Менса⁹. Я прошла и узнала, что у меня необычайно высокий уровень интеллекта, вот так я и справлялась со всем — расширяла и преумножала знания. Я стала одержима религией и философией, пытаюсь найти причину смерти папы и выяснить, почему плохие вещи происходят с хорошими людьми. Но ответа так и не нашла. Потом, когда я только начала нормально жить, у бабушки диагностировали рак, и три долгих месяца я ухаживала за ней, пока она слабела день ото дня, только чтобы в конце концов умереть у меня на руках, мы жили вдвоем в нашем маленьком домике и не к кому было обратиться за помощью.

Я глубоко вдохнула, наблюдая, как птицы возвращаются в свои гнезда у речки на ночевку.

— И что потом? — поднажал Ромео.

— После того, как ее не стало, меня отдали под опеку. К счастью, это была хорошая семья, недалеко от моего дома. Они не пылали любовью и явно делали это ради денег, но там было безопасно, большего я и просить не смела. Я поняла, что жить сложно и пыталась дистанцироваться от всех, чтобы мне больше не причинили боль. Мне было одиноко, но я просто... продолжала жить. Опять же, я продолжала учиться и знала, что это мой билет из приемной семьи и от всех воспоминаний, которые преследовали меня в родном городке. Мне просто нужно было уехать.

Ромео нежно поцеловал мое оголенное плечо.

— В семнадцать лет я досрочно сдала экзамены в университет, и мне предложили место

в Оксфорде. Я получила степень и попала сюда. Для докторской поеду куда-нибудь еще.

Ромео резко выдохнул.

— Значит, ты бежишь.

Я напряглась и попыталась отодвинуться подальше от озвученной стратегии моей жизни, но Ромео сжал меня крепче.

— Не сопротивляйся. Отвечай на вопрос.

— Ты не представляешь, какой была моя жизнь! Не тебе судить!

Его командный голос стал ниже:

— Я тебя не сужу. Но ты ведь бежишь от своих проблем, не так ли?

— И что? У меня нет дома, нет семьи. Почему бы и нет?

— Так было раньше, но теперь есть люди, которым ты небезразлична, действительно небезразлична. Я не позволю тебе сбежать от меня.

Мои глаза наполнились слезами. Слова Ромео были такими успокаивающими, мне так сильно хотелось ему верить.

— Я *не позволю* тебе меня оставить, — твердо повторил он.

Что-то во мне сломалось, и я, уронив голову на руки, заплакала, заплакала впервые за много лет. Ромео гладил мои волосы, не выпуская меня из комфорта своих объятий, потому что таким он и был — моей безопасностью... моим миром.

Когда все слезы иссякли, он спросил:

— Почему ты сбежала из Оксфорда сюда?

Сокрушенно вздохнув, я решила быть честной.

— Оливер хотел от меня большего. Он остался там дописывать свою докторскую и хотел продолжать отношения. А я не хотела — он ничего обо мне не знал. Я ему не рассказывала. После того, как мы переспали, я поняла, что больше не могу этого делать. Я думала, что интим с ним поможет нам стать ближе, что мои стены падут. Но я ощутила лишь душливое разочарование. Мне казалось, я никогда больше не смогу испытать близость с другим человеком. В итоге я испугалась. И сбежала. Вот так просто. Он проснулся, а меня не было. После этого я с ним не разговаривала.

С наступлением темноты сверчки застрекотали громче, а в кристально-чистом небе начинали мерцать звезды.

— Это было до тебя. Ты мне близок. Я тебе доверилась. Возможно, я не такая сломанная, как думала.

Я услышала, как он громко сглотнул.

— Ты не единственная, кто хочет бросить все, когда становится тяжело, детка, но отныне я не позволю тебе убегать, только если вместе со мной.

Я повернула голову к нему, и его губы нежно накрыли мои. Когда мы прервали поцелуй, я обхватила его лицо руками и сказала:

— Расскажи о себе.

Глаза Ромео вмиг похолодели, он вздернул плечами и отвел взгляд — его одеревеневшее тело явно служило молчаливым отказом.

Неожиданно в ночной воздух ворвался холодный ветерок, и мои оголенные руки и ноги покрылись мурашками. Ромео это заметил.

— Нам пора возвращаться.

Я сильнее прижалась к нему.

— Я пока не хочу уходить. Хочу узнать о тебе.

Он в недоумении наклонил голову.

— Мне тоже не хочется уходить. Но уже поздно и холодает. Давай, детка. Пора закругляться.

Роум помог мне встать и, держа за руку, повел меня к пикапу. О своем прошлом он так ничего и не рассказал.

Когда мы ехали по шоссе, я заметила, что Ромео находится в глубокой задумчивости. Я потянулась и взяла его за руку.

— Ты в порядке? Кажется, ты где-то не здесь.

Он нервно сглотнул. Я еще не видела его таким неуверенным.

— Все в порядке.

Я не поверила.

— Ты уверен? Я бы так не сказала.

Его пальцы сжали мои, и он с робостью во взгляде посмотрел на меня.

— Роум, в чем дело? — не отступала я.

И кашлянув, он сознался:

— До сегодняшнего вечера я не знал, каково это, когда меня хотят... только потому, что я — это я.

Его слова ударили сильнее, чем если бы мне в грудь угодил огромный бульжник, я едва не заплакала.

— За что я тебе нравлюсь, Мол? Я пытаюсь понять.

Я подвинулась к нему и, переплетя наши пальцы, поцеловала его руку.

— Ты мне просто нравишься.

— Вот этого я и не понимаю. Почему тебе нравлюсь я, *просто* я? Больше никому не нравлюсь. Я зол двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Я слишком властный и не очень хорош в отношениях, чем же я тебя привлекаю?

— Значит, я буду первой, ты мне нравишься, и мне ничего не нужно взамен. Почему людям нравятся другие люди? Мое тело признает, что ты мне нужен. Ум понимает, что ты мне подходишь, а душа чувствует, что ты мне предназначен.

Призрачная улыбка тронула его губы, и его напряженные плечи расслабились.

— Мы чертовски глубоко увязли, не так ли, Шекспир? — тихо спросил он, его тело излучало мирное счастье.

Чувство удовлетворенности окутало нас обоих.

— Думаю, это преуменьшение.

— Иди сюда. — Он обнял меня за плечи и нежно поцеловал, пока огни города проносились мимо.

* * *

Роум высадил меня у главного входа дома сестринства, и я ринулась вверх по лестнице, довольная тем, что было тихо, а дверь в общую комнату закрыта.

Я приняла долгий горячий душ. Запрокинула голову назад, позволяя теплой воде стекать по волосам и коже. Я чувствовала себя иначе. Не могу описать, как именно. Я просто... *изменилась* на молекулярном уровне. Моя рука скользнула к животу, и когда я вспомнила ощущение его пальцев во мне, мне пришлось подавить стон. Он был таким уверенным и серьезным, дирижируя нашими движениями, создавая симфонию из наших криков и стонов.

Я никогда раньше не чувствовал ничего подобного.

Я вышла из душевой кабинки, пока еще могла стоять на ногах, вытерлась, надела лиловую ночнушку и устроилась на кровати.

Через пару минут раздался стук.

Отбросив одеяло, я выбежала на балкон и глянула вниз, где Ромео встретил меня широкой улыбкой. Он взобрался по шпалере и, едва ли прыгнув в мои объятия, одобрительно ухмыльнулся моему выбору ночнушки.

— Я вернулся в дом братства и сразу же подумал: а чем сейчас занимаешься ты. Решил перестать гадать и просто прийти узнать.

— Ты просто хочешь снова здесь остаться, верно? Ты планируешь делать это постоянно?

— О, можешь на это рассчитывать, крошка. После сегодняшнего я получил право на определенные привилегии.

— Правда? И какие же?

— Скоро узнаешь, Шекспир. А теперь тащи свою прекрасную попку в кровать, давай уложим тебя в мои объятия.

Я зашла в комнату и игриво оглянулась через плечо.

— Не помню, чтобы Ромео так давил на Джульетту!

Он многозначно вскинул брови.

— И посмотри, к чему это их привело. Мой способ лучше — меньше смертей, больше оргазмов.

Я попыталась изобразить шок, но в итоге лишь рассмеялась.

— Ты. В кровать. Живо, — приказал он, избавляясь от одежды и оставляя на подтянутом теле только низко сидящие черные боксеры.

Я все еще хихикала, следуя его приказу, когда он запрыгнул в кровать. Но мои смешки быстро сменились стонами, поскольку его пальцы немедля нырнули под ночнушку и погладили меня между ног.

— А теперь о привилегиях...

Глава 11

Я проснулась и потянулась руками вверх, разминая затекшую спину. Скользнула ладонью на другую сторону кровати к Ромео, но там было пусто. Он ушел. По привычке метнулась к очкам на тумбочке, позабыв, что они мне больше не нужны.

Я села и нахмурилась из-за отсутствия Ромео — он никогда не уходил, не попрощавшись. На его стороне простыни были смяты и уже успели остыть, но на подушке лежала записка. Я взяла ее и прочла:

Ранняя утренняя тренировка.

Не хотел тебя будить, ты была так красива.

Твой Ромео x

Улыбнувшись, я уткнулась лицом в подушку, как вдруг раздался стук в дверь. Я открыла ее — за ней, скрестив руки на груди, стояла Элли с выражением «не связывайтесь со мной» на лице и многозначительно приподнятой бровью.

Она прошла мимо меня и, захлопнув за собой дверь, села на край незаправленной кровати.

— Итак... не хочешь мне рассказать, почему я видела Роума, спускающегося с твоего балкона этим утром? — Ее голос был обманчиво спокоен.

Я подошла к ней, заламывая руки, и, сев рядом, невидящим взглядом уставилась на белые стены.

— Он провел ночь со мной.

— Я так и поняла. И как давно это продолжается?

— Что именно? Совместные ночи или наши встречи?

Она удивленно тряхнула головой.

— Да уж, дела зашли дальше, чем я полагала. Я догадывалась, что что-то происходит по тому, как он постоянно на тебя смотрит, а ты в ответ краснеешь, еще, конечно же, поцелуи. Это у вас серьезно?

Я кивнула, нервно покусывая ноготь на большом пальце.

— Так вы официально вместе?

— Да.

Она широко улыбнулась и толкнула меня в плечо, в ее карих глазах заплясали искорки.

— У моего кузена настоящие отношения! Не думала, что застану этот день, но я *так* рада! — Элли похлопала меня по коленке и, склонив голову набок, внимательно рассмотрела мое лицо. — А где твои очки, дорогая?

Я заправила волосы за ухо.

— У меня теперь линзы.

Ее лицо просияло.

— Работа Роума? Чтобы Шелли к тебе больше не цеплялась?

— Ага.

— Да чтоб меня! Роум проявляет привязанность и сострадание к девушке! — Она в неверии рассмеялась.

И я, смутившись, опустила голову.

— Он очень мил со мной.

После моих слов ее глаза чуть не выпали из орбит.

— Мой кузен и слово «милый» не могут стоять в одном предложении, хотя с тобой он вел себя совершенно иначе с самого первого дня. Сначала это меня настораживало, но теперь нравится! Ты ему подходишь, подруга.

Элли встала и пошла к двери, но, перед тем как выйти, повернулась и серьезно посмотрела на меня.

— Моллз, ты должна понимать, что Роум может быть довольно непростым парнем. Ему крепко досталось от родителей за эти годы, и это сильно на него повлияло. Ты должна дать ему время и простить, если он будет слишком настойчив. Я вижу, как он к тебе относится, и могу сказать, что для него ты особенная. Думаю, если ваши отношения продолжат развиваться, ты можешь оказаться именно той, кто окончательно его сломает, если что-то пойдет не так. Будь с ним терпелива, заботься о нем, цени его... он этого заслуживает.

И с этими словами она ушла.

* * *

День вдаль жарким, поэтому Кэсс, Лекси, Элли, Джимми-Дон и я решили съесть ланч на обширной лужайке кампуса. Похоже, все остальные тоже так решили, людей было море.

— Итак, Джимми-Дон, расскажи о себе, — попросила я, когда мы сели в кружок на свежестриженном газоне. Я обожала запах скошенной травы. Он напоминал мне о тех летних днях из моего детства, когда я просыпалась рано утром и слышала, как папа стрижет газон в нашем крошечном дворике. Я улыбнулась. Это было одним из немногих счастливых детских воспоминаний.

— Ну, я техасец из Хьюстона и играю в защите «Тайд». Мне двадцать один, после окончания университета со степенью специалиста по окружающей среде я вернусь в Хьюстон и буду работать на скотоферме своего отца.

— Ты тоже не хочешь профессионально играть в футбол?

— Хотел бы, но не попаду в отбор НФЛ, ну и ладно. Я вернусь домой, разведу скот и буду надеяться, что эта малышка последует за мной, — сказал он, обнимая Кэсс и целуя ее в щеку.

Элли хлопала меня по руке, я подняла голову и увидела, что к нам идет Роум в джинсах, коричневых сапогах, красной футболке и зеркальных очках-авиаторах от «Рэй-Бэн». Слева от него шел брюнет с кучей татуировок, одетый в черную мешковатую одежду и со свисающими полукругом цепями, прикрепленными к шипованному ремню — симпатичный, но немного пугающий. Справа — его полная противоположность, классический американский парень: платиновый блондин с голубыми глазами и загорелой кожей — просто образец студента. Я осмотрелась вокруг и заметила, что девушки в открытую оценивали Роума, когда он проходил мимо. Он определенно умел привлечь женское внимание.

— Здорово, Пуля, Остин, Рис. Че здесь делаете? — спросил Джимми-Дон у Роума, дав пять каждому по очереди.

Ромео посмотрел на меня и улыбнулся.

— Просто пришел к своей девушке.

Все замерли.

Роум подсел рядом и, притянув меня к себе на колени, наградил поцелуем — не легким, а таким, который показывал всему миру, что я его. Этим поцелуем он делал меня своей, а я с радостью подчинялась.

Зацеловав меня до потери сознания, он отстранился и провел пальцем по моей нижней губе.

— Как ты, детка?

Я старательно пыталась перевести дыхание.

— Хорошо. Даже отлично, вообще-то.

— Ну, думаю, теперь понятно, нравишься ли ты ему, — сказала Кэсс, отвлекая меня от любования Ромео. — Вчера в кафетерии, я подумала, что что-то не сходится. Мы все знаем, что Пуля не заводит отношений, так что я подумала, он просто до странного добр. Но контактные линзы... Моллз, пропадающая часами... теперь все понятно!

Ромео мимолетно поцеловал меня в лоб и ответил:

— Это другое. Мы вместе, пара, верно, Шекспир? — Он слегка мне улыбнулся. По поведению своего парня я поняла, что держать отношения в тайне — больше не вариант, и он не выглядел раскаявшимся из-за такой импровизированной презентации наших отношений.

— Да. Мы вместе, — тихо сообщила я и, немного переместившись, устроилась у него между ног, и он обнял меня за талию.

Я посмотрела на компанию друзей, которые в неверии таращились на нас.

Роум по очереди указал на своих друзей.

— Знакомьтесь все. Это Остин и Рис.

— Остин Каррильо, основной ресивер команды, и Рис Тодд, квотербек второй линии. Нет необходимости представляться, ребята. Репутация игроков «Тайд» говорит сама за себя, — просияла Кэсс, радуясь пополнению в нашей компании.

Лекси, которая не сводила глаз с Остина, подняла свою миниатюрную руку вверх.

— Эм. Не то чтобы я была не рада, но когда это, черт возьми, произошло, и почему никто об этом не сказал и слова? — Она сердито посмотрела на меня.

Я скривилась от ее раздраженного выражения лица.

— В последние несколько недель. Я просто хотела немного подержать это в тайне.

— Не могу поверить, что вы вместе! В этом нет ничего плохого, но я просто не могу поверить. Молли, застенчивая интеллектуалка, и основной квотербек «Тайд» — очевидно, странные вещи случаются!

— Ну так поверь. Она вся моя, включая ее большой мозг, — с гордостью заявил Ромео, комично выгнув бровь и потрепав меня по голове, и своим необычным поведением заставил друзей по команде шокировано трясти головами.

— Да, черт возьми! Думаю, это офигительно круто, солнышко! — пробасила Кэсс.

— Спасибо, Кэсс.

Мы еще с полчаса поболтали в нашем тесном кружке, друзья привыкали к тому, что Роум и я теперь *настоящая пара*.

Мы с Роумом старались не обращать внимания на все взгляды и смешки студентов, которые видели, как мы сидим, тесно прижавшись друг к другу — грозные взоры Роума и его репутация способствовали тому, что большинство ехидных комментариев до нас не доходило.

Мы успешно игнорировали несмолкаемое бормотание проходящих мимо, по крайней мере, нам удавалось это делать до того момента, пока один игрок баскетбольной команды, проходя мимо со своими приятелями, не посмеялся над нашей парой. Роум моментально напрягся, готовясь к стычке.

Высокий, долговязый брюнет-баскетболист остановился перед нами, прижав кулак ко рту в попытке заглушить смех.

— Бля, Пуля, я не верю своим гребаным глазам! Ты отказался от всех кисок кампуса ради этого? Скажи, она хотя бы хорошо отсасывает?

Я даже не успела почувствовать себя оскорбленной, как Ромео вскочил на ноги и пригвоздил парня к земле. Наши друзья сразу же поспешили за ним. Ромео с баскетболистом стали кататься по земле, и студенты кинулись к ним, образовывая круг, чтобы поближе посмотреть на драку.

Джимми-Дон увидел, что я встала, и крепко взял меня за руку, не давая подбежать к Роуму.

— Оставь их, дорогая. Дай ему выплеснуть злость.

Я вырвала руку из его хватки.

— Нет! Я не хочу, чтобы он дрался. Останови его. — Я повернулась к Остину и Рису. — Остановите его!

— Если хочешь быть с Роумом, дорогая, привыкай к этому. — Джимми-Дон указал на двоих, сцепившихся на земле. — Это происходит постоянно.

Я в изумлении уставилась на Джимми-Дона и Риса. Остин присоединился к растущей толпе.

— Он твой друг. *ОСТАНОВИ ЕГО*, пока он не пострадал!

Рис положил руку мне на плечо.

— Пуля не пострадает, Молли. Он не в первый раз дерется. И не обижайся, но я и близко не подойду к Пуле, когда он в таком состоянии. Мне нравится носить голову на плечах, спасибо!

— Уф-ф! Отлично! Я сама это сделаю. — Я протолкнулась в круг и стала впереди. Ромео — явно не тронутый — сидел верхом на баскетболисте, удерживая его за ворот футболки и не давая подняться.

— Бля, больше никогда не смей так говорить о Мол. Понял, мудака?

Парень под ним улыбнулся, из его губ сочилась кровь, а на щеке расцветал огромный синяк. Он наслаждался, подраживая Роума.

— Заучка, конечно, выглядит неплохо, но она должна быть охрененно хороша в постели, раз приручила твою задницу. Это так? Она трахается как бывалая шлюха?

Ромео сильно покраснел, грозно зарычал и, поддаваясь ярости, занес кулак для удара. Друг баскетболиста попытался подскочить и столкнуть Роума, но Остин подался вперед и потянул его назад, крепко сводя руки за спиной.

Пока кулак Роума завис в воздухе, я схватила его запястье, и он резко повернул голову ко мне — его темные глаза были совершенно одичавшими. Толпа с опаской отступила назад.

— Ромео, не надо, — попросила я.

Он попытался меня оттолкнуть.

— Отвали, Мол.

— Молли! Какого черта?! — Кэсс подошла сзади и постаралась оттянуть меня от греха подальше, Лекси и Элли стояли рядом с умаляющими выражениями на лицах.

Стряхнув с себя руку Кэсс, я снова встретилась взглядом с Ромео.

— Ромео, остановись. *Сейчас же*. Ты выше этого!

— Да, *Ромео*, остановись. Послушай свою девчонку.

Я буквально застонала от тупости парня на земле, он, очевидно, желал умереть.

Стиснув зубы, Ромео наклонился и прошипел ему на ухо:

— Тебе повезло, что я не размозжил твой блядский череп, не хочу делать это перед своей девушкой.

Ромео резко встал и обнял меня, его сердце словно отбивало барабанную дробь. Ухватившись одной рукой за его футболку, второй я принялась поглаживать его напряженную спину.

Я почувствовала, как Роум развернулся и прокричал через мое плечо:

— Катись на хер, Майклз, убирайся с глаз моих, пока я, бля, не передумал и не прикончил тебя!

Приятели Майклза подняли его с земли и потащили прочь. Зрители начали расходиться, разочарованные отсутствием кульминации.

Вздыхнув, Роум поцеловал меня в макушку.

— Надо было хорошенько его отдубасить за то, что он сказал.

Я обняла его покрепче, сжимая подрагивающие бицепсы.

— Нет, не надо. Какой смысл? Мы оба знали, что наши официальные отношения вызовут сплетни.

— Да, но он уже давно напрашивался, детка. Он заслуживает охрененно хорошей трепки.

— А почему он вообще так к тебе цепляется?

Ромео замер, и я задрала голову навстречу его тревожному взгляду. Его озабоченное выражение лица заставило меня нахмуриться.

— Что?

— Я... я...

— Ты «что»? — подтолкнула я Ромео, который с тревогой смотрел на меня, явно решая, стоит ли говорить правду. — Давай же, Роум. Просто скажи.

— Пару месяцев назад я трахнул его девушку.

Мой живот свело, и я освободилась от его объятий.

— Теперь ты на меня злишься. Ну все, я ему точно надеру задницу!

Он повернулся, чтобы догнать Майклза, но я крепко схватила его за руку.

— Оставь его.

Он настороженно посмотрел на меня.

— Ты злишься на меня, не так ли?

Я встала в позу, уперев руки в боки.

— Ну, я точно не стану делать сальто от счастья, узнав, что ты переспал с его девушкой.

Роум наклонил голову, показывая, что мой тон ему не нравится.

— Я прощу тебе это, учитывая, что ты явно раздражена и, наверное, имеешь на это право.

Видя его подавленное настроение, я ухмыльнулась и раздраженно покачала головой. Раньше я считала его поведение устрашающим, теперь же находила такую смену настроения забавной... и даже весьма милой.

— Ты слышала, что он о тебе сказал? — продолжил Роум, игнорируя мое веселье.

— Да, но мне плевать. Меня *никогда* не волновало, что обо мне думают окружающие.

Он опустил голову, искренне пытаюсь усмирить свой гнев.

— Давай, посиди со мной еще немножко, — сказала я, дергая его за руку.

Ромео провел ладонью по лицу.

— Мол. Позволь мне приструнить этого ублюдка раз и навсегда. Это даст всем понять, что нас нужно оставить в покое. Тут куча мудаков, которых я разозлил и которые будут наслаждаться издевками над нами.

Я быстро покачала головой, показывая, что мне на это плевать.

Улыбнувшись, он обвил мою шею рукой и легонько поцеловал в макушку.

— Черт, Мол, у меня теперь будет новая репутация — Роум Принс, новый член клуба «Под каблуком у киски»!

Наши друзья вернулись на свое прежнее место на траве, а мы с Роумом уселись под деревом немного левее, укрывшись от внимания остальных студентов. Мы болтали на разные темы, и в конце концов Роум немного остыл, крепко держа меня в своих объятиях.

Мы уже собирались уходить на занятие по философии, когда тень нашла на наше тихое место под деревом, как шторм в яркий солнечный день. Королева всех сук, Шелли, собственной персоной оказала честь своим присутствием, возвышаясь над нами с выражением ярости на лице.

— Это еще что за фигня?

Роум застонал и крепче сжал меня в своих защитных объятиях.

— А-а, иди на хер, Шел. Я исчерпал дневной лимит общения с мудаками!

— Ты что, серьезно с *ней*? — Она посмотрела на меня так, будто проглотила какую-то гадость.

— Да, я серьезно с ней. — И он, наклонившись, подарил мне жаркий поцелуй в подтверждение своих слов. Я одобрительно обвила его шею руками.

— Ты же знаешь, что он не останется с тобой, милочка? — бросила она мне, заставляя нас с Роумом оторваться друг от друга.

— И почему же?

— Потому что мамочка и папочка Принс не одобряют союз сына с жадной до денег шлюхой, а они могут быть *очень* убедительными. Они хотят видеть меня рядом с ним — значит так и будет, не сомневайся. — Она улыбнулась, будто Ромео уже был у нее на поводке.

— Забавно, «жадная до денег шлюха» — именно так Роум отзывался о тебе, — ответила я.

— Ты — ничто! Просто кусок...

— Закрой свою злобную пасть и вали, пока я не сделал то, о чем потом пожалею, — предупредил Ромео серьезным тоном.

Она высокомерно рассмеялась.

— Даю вам месяц, а потом посмотрим, что сделают твои родители. Да ты по первому же щелчку своей мамочки прибежишь ко мне!

— Да я к тебе больше не притронусь, даже если ты будешь последним человеком на Земле. Ты жестокая, мстительная сука. Что до родителей, то я быстро учусь плевать на их мнение. Я хочу Мол, и она хочет меня. Конец дискуссии. Ни ты, ни мои родители никоим образом этого не изменят. Теперь, бля, оставь нас в покое. — Он повернулся и обратился уже ко всем: — Это касается всех: или отвалите от нас, или будете иметь дело со мной! Со следующим, кто полезет или хотя бы дыхнет в нашу сторону, я не буду таким снисходительным!

Я вздохнула и закрыла глаза. Я не выносила жестокость.

Шелли поправила прическу и, заметив сотни глаз, с опаской косящихся на нас, умчалась прочь. Я увидела, как она достала свой розовый айфон — не нужно быть гением, чтобы догадаться, кому она звонит.

Ромео наклонил голову к моему уху.

— Не слушай ее, хорошо? То, что она сказала, — всего лишь слова, не принимай их за чистую монету.

Я передвинулась на другую сторону дерева и понуро рухнула на землю. Я не могла не реагировать на слова и ненависть Шелли. Мы всего пару часов назад объявили себя парой, а неприятностей уже хватало. Я не могла избавиться от мысли, что родители Ромео *действительно* могут подумать, будто я с ним из-за денег. Станут ли они заставляя его бросить меня ради Шелли?

Ромео тихонько подсел ко мне и прижался своим лбом к моему, руки его невесомо лежали на моих плечах.

— Ты стала такой тихой, Шекспир. Мне это не нравится.

Я заставила себя улыбнуться.

— Я в порядке, малыш. Не волнуйся.

Мои друзья направились к нам, с тревогой поглядывая на наши лица — явно проверяя, в порядке ли мы. Я улыбнулась, чтобы уверить их, будто все хорошо.

Ромео бросил на меня скептический взгляд и заявил:

— Мы ходим с тобой куда-нибудь в субботу после игры. На настоящее свидание. Без прятков. Пришло время показать всей Таскалусе, что ты моя.

Друзья улыбнулись его явной симпатии ко мне, но я покачала головой.

— Что? — напрягшись, спросил Роум. Он подумал, что я ему отказываю.

Я накрыла его руку своей и легонько сжала.

— Я уже согласилась пойти на танцы с ними, малыш. — Я указала на компанию, и его плечи заметно расслабились.

— Тогда я поведу тебя на танцы с твоими друзьями. Мы пойдем все вместе, — постановил он, закончив беседу.

— Хорошо, будет весело, — несколько спокойнее сказала я, но быстро перестала улыбаться. — Ох, мне еще только двадцать. Они же меня не пропустят, да?

Джимми-Дон приподнял шляпу.

— Дай мне свое фото до вечера, и я достану тебе фальшивое удостоверение, хорошо, ласточка? Я знаю нужных людей.

— Хорошо, конечно.

Роум взял меня за руку, помогая подняться, и переплел наши пальцы.

— Все будет зашибись. Кстати, ты умеешь танцевать тустеп?

— Эгм... *нет*, — ответила я, не имея ни малейшего представления, что такое тустеп.

Все вокруг засмеялись, и Кэсс пропела:

— В субботу будет офигенно весело!

Глава 12

— Как тебе это?

— Ради бога, здесь же кисточки на сосках!

Пожав плечами, Кэсс положила на место уродливую грацию из черного кружева и перешла к следующему стенду с нижним бельем.

— А это?

Я оглянулась на свою милую техасскую подружку и широко разинула рот, Элли с Лекси прыснули со смеху у меня за спиной.

— Трусики без промежности? Господи, Кэсс! Я хочу выглядеть привлекательно, а *не* как шлюшка!

Она бросила трусики обратно на полку и пробормотала:

— У меня есть такие ярко-розовые и неоновозеленые, и я не гребаная шлюшка! Джимми-Дон их обожает — доступ открыт всегда и везде! Они просто практичные!

Я плюхнулась на красное плюшевое сиденье в пышно декорированном магазине нижнего белья и обхватила голову руками. Лекси села рядом и толкнула меня плечом.

— Ты в порядке, Моллз?

Проведя руками по лицу, я повернулась к ней.

— Что не так с моим обычным нижним бельем? Уверена, когда я наконец пересплю с Ромео, ему будет все равно, что на мне надето.

— Возможно. Но ты и о себе подумай, подруга. Просто купи что-то, в чем тебе комфортно. Может, неглиже или что-нибудь на потом? — Она улыбнулась, сверкнув глазами. — Ты же хочешь чувствовать себя сексуальной, не так ли?

Я вздохнула.

— Да, конечно.

— А как тебе это, дорогая? — Элли протянула мне черное шелковое неглиже средней длины. — К нему еще прилагается халатик. Оно сексуальное, но не... ну... — Она посмотрела на Кэсс, которая, одобрительно кивая, прикладывала баску без лифчика к своей груди. — Не откровенно порнографическая!

Я встала, и Элли протянула мне его оценить. Оно было красивым — мягким, тонким, и если я хотела выглядеть немного сексуальнее, этот вариант идеально подходил.

Я кивнула и улыбнулась.

— Оно мне нравится. Я возьму.

— И это тоже, — сказала Лекси, подавая мне три пары подходящих трусиков: одни кружевные, одни шелковые и одни атласные. Я взяла все и направилась к кассе.

Кэсс шла рядом со мной, подпрыгивая и размахивая в воздухе розовыми пушистыми наручниками, большой бутылкой лубриканта и упаковкой съедобной шоколадной краски.

— А я возьму это. В отличие от нашей Сандры, мать ее, Ди¹⁰, мне нравится дикий и необузданный секс.

Спустя десять минут все мы, нагруженные покупками, хихикая и наслаждаясь моментом, прогуливались по улице, как вдруг Кэсс остановилась посередине тротуара, и я врезалась в нее.

Она резко повернулась ко мне с выражением паники на лице.

— Эй, м-мне нужно вернуться, я кое-что забыла.

— Что? Что ты забыла? — простонала Лекси. — Мы же хотели поесть.

Глаза Кэсс встревоженно расширились.

— Мне нужны... мне нужны... — она победно щелкнула пальцами, — презервативы. Мне нужно в аптеку купить презервативы. С этим мне их много потребуется. — Она подняла наручники с краской и слегка потерла лоб. — У нас с Джимми-Доном закончились прошлой ночью. Это была офигенная ночка!

Я посмотрела на Лекси с Элли, которые тоже растеряно таращились на Кэсс. Когда я повернулась к Кэсс, та выразительно глядела на Элли и кивала назад, призывая ее обратить внимание на что-то у себя за спиной. Я обернулась к Элли — она замерла, покусывая губу.

Кэсс с наигранной широкой улыбкой на лице взяла меня за руку.

— Пошли. Вы все знаете, как я люблю свои ежедневные трахи. Безопасность прежде всего!

Я выдернула руку из ее хватки и поставила пакеты на землю.

— Да что с вами такое?

Элли с Кэсс прикинулись, будто не поняли, о чем я. Лекси встревожено поглядывала мне за плечо. Элли слегка ее подтолкнула, и Лекси, растягивая губы в широкой улыбке, посмотрела на меня.

Что-то было не так.

Я начала поворачиваться, но Кэсс приобняла меня за плечи.

— *Молли!*

— *ЧТО?* — раздраженно вскрикнула я.

Округлое лицо Кэсс смягчилось из-за моей вспышки.

— Пойдем домой. Пожалуйста, просто пойдем.

Мой желудок свело от плохого предчувствия. Подруги скрывали что-то такое, что мне нужно было увидеть.

Я медленно повернулась, и сердце мое упало, увидев причину, по которой они растерялись.

Ромео сидел на роскошной открытой террасе дорогого ресторана с Шелли и двумя другими женщинами.

Весь воздух в один быстрый свист покинул мои легкие.

Элли крепко обняла меня за плечи в знак поддержки.

— Молли, блондинка — это мать Ромео, а рыжая — мать Шелли, миссис Блэр. Они настоящая парочка старых, стервозных ворон.

Я медленно кивнула, наблюдая за происходящим. Шелли сидела рядом с Роумом, *прямо* рядом с Роумом, прижимаясь к нему плечом и положив руку ему на грудь. Обе женщины довольно смотрели на них, попивая свое вино, пока я боролась с тошнотой.

— Он мне врал, — сказала я, и меня затопило чувство опустошения.

— Давай просто уйдем. Потом с ним поговоришь, — снова заторопилась Кэсс.

— Нет! Я хочу посмотреть. Хочу убедиться, что все правильно поняла.

— Зачем, Молли? Не делай этого с собой. — Лекси стала передо мной, закрывая линию обзора. Я аккуратно отодвинула ее.

— Потому что я хочу запомнить это чувство, на случай если по глупости снова кого-нибудь подпущу к себе.

Элли сузила глаза.

— Думаю, все не так, как выглядит! Он бы не изменил тебе, Молли. Тем более с *ней*. Ему нужна только ты!

— Очевидно, нет.

Мы все замерли на месте, наблюдая за событиями, как будто пришли на премьеру блокбастера. Шелли наклонилась и поцеловала Ромео в щеку в ответ на что-то, сказанное им. Очевидно, это было весьма смешно, если судить по ее игривому поведению.

Кэсс сложила большие руки на столь же большой груди.

— Шелли вокруг него так и вьется, но он не обращает на нее внимания. Вообще-то, он выглядит охренительно несчастным. Может, Элли права?

Он действительно выглядел сконфуженным, даже раздраженным, но сейчас я видела лишь красную пульсирующую пелену перед глазами и мишень для выстрела у Шелли на лбу.

Глаза защипало от слез, и я развернулась, чтобы уйти.

— Я домой. Не могу на это смотреть.

Две вещи произошли одновременно. Кэсс и Лекси встали передо мной, преграждая путь, как телохранители, а Элли быстренько перебежала дорогу, направляясь прямо к ресторану.

— Что она творит? — пронзительно воскликнула я. Чем ближе она подходила к ресторану, тем быстрее билось мое сердце.

Миссис Принс первой заметила Элли, со скрещенными на груди руками вставшую на тротуаре возле их столика и постукивающую ногой. Миссис Принс буквально излучала отвращение, она тоже скрестила руки, явно недовольная своей племянницей.

Я не слышала их разговор, но взгляды, одновременно устремившиеся в мою сторону,

показали, что Элли рассказала о моем присутствии. Выражения их лиц были различными. Миссис Принс с ожесточением сузила глаза, присматриваясь ко мне. Миссис Блэр выглядела просто ошеломленной. Шелли с самодовольной ухмылкой на ярко-алых губах прильнула к руке Ромео, который, побледнев, тут же с силой скинул с себя ее ладонь и вскочил со стула.

Наши взгляды встретились. Я не могла оторвать глаз, а Ромео быстро задавал вопросы Элли. Его лицо исказилось, и он обхватил голову руками. Он выглядел разбитым, но я не собиралась к нему подходить. Он мог катиться к дьяволу, мне было все равно.

— Кэсс, я возьму такси.

Девчонки кивнули, и Кэсс, пнув черным сапогом по ближайшей кирпичной стене, положила руки мне на плечи.

— Хорошо, дорогая. Делай, что нужно. Увидимся дома. Нам лучше дождаться Элли, а тебе, полагаю, хочется побыть одной.

Я кивнула и, взяв свои пакеты, отправилась ловить такси.

— *Молли!* — Напряженный голос Ромео пригвоздил мои ковбойские сапоги к земле. Я бросила на него робкий взгляд. Он в своей обтягивающей черной футболке и джинсах, прижавшись вплотную к белой оградке ресторана, в панике смотрел на меня.

Миссис Принс зловеще рассмеялась, что-то прошептав Ромео на ухо.

Он побледнел, и его плечи опустились в поражении. Я своими глазами увидела, какую власть имела над ним мать, так же как и его отец, напавший на него несколько недель назад — они управляли Ромео, как марионеткой, дергая за ниточки.

Роум стиснул зубы, и его мама насмешливо помахала мне ручкой у него за спиной. Не хватало только хихиканья.

Элли разочарованно всплеснула руками, и я восприняла это как сигнал к тому, что пора брать такси.

Я ринулась вдоль дороги, протягивая руку навстречу приближающемуся такси, и возблагодарила Всевышнего, когда оно начало притормаживать.

— Роум, не смей! — командным голосом закричала миссис Принс. Я услышала визг шин и рев клаксонов за спиной. Такси еще не успело остановиться, а я уже запрыгнула на заднее сиденье.

Встревоженный водитель нахмурился, глядя на меня в зеркало.

— Куда?

— В кампус Алабамского университета.

Он начал отъезжать. Я откинулась на сиденье, закрыв глаза, как вдруг по окну затарабанили кулаками.

— Молли, детка, послушай... — Роум был у двери, бежал возле такси, неистово дергая за ручку и стуча по крыше. Я отвернулась от его взволнованного лица и закрыла глаза.

— Детка, я могу все объяснить. Бля, Мол, *остановись!*

Я обхватила руками талию, от злости меня начало трясти.

Водитель в растерянности повернулся ко мне.

— Мне остановиться?

Я вздохнула, когда Ромео наконец исчез из виду, и крепко вцепилась в ремень безопасности.

— Нет, мне нужно домой. Подальше от этого парня... и как можно быстрее.

Как только я вошла в комнату, в ярости бросила пакеты — в результате чего новая одежда разлетелась по полу — и рухнула на кровать.

Так вот как себя чувствуешь, когда твое сердце разбито. Вот что значит... чувствовать. Я так давно не испытывала таких сильных эмоций, что даже не могла припомнить, когда это было.

Мой телефон снова зазвонил. Он звонил не переставая. Я знала, что это Роум. Должно быть, он мчался сюда, чтобы все объяснить. *Объяснить*, как он солгал, что днем пойдет в тренажерку, а вместо этого повел свою «невесту» на обед, чтобы та игриво поглаживала его на радость его мамаше-диктаторше и ее закадычной подруге. Я не могла понять, как он вообще позволил Шелли к себе прикасаться. После всего, что говорил о ней.

Я перевела взгляд на белые занавески, которые раздувал ветерок, и резко села. Он попытается забраться через балкон.

Спрыгнула с кровати и заперла двери. Они всегда были открыты для него, но не сегодня. Пусть проваливает. Я вернулась в кровать и закрыла глаза.

Минут через двадцать я услышала скрип шпалеры. Через десять секунд — тяжелые шаги по плитке, еще через пять секунд задребезжали двери балкона, преграждая Ромео путь.

— Мол! Открой эти блядские двери! Я знаю, что ты там!

Я накрыла голову подушкой. Атака на балконные двери еще какое-то время продолжалась, а потом все резко стихло.

Я медленно села, подползла к краю кровати и взглянула на дверь — никакого движения... ничего.

Я снова зарыла голову в подушки.

— *Какого черта???* Ты не можешь просто сюда зайти... подожди!

— *С ДОРОГИ!*

— *Молли! Молли! Берегись...*

Двери моей спальни с грохотом распахнулись, и Роум вломился внутрь. Кейт, подруга по сестринству, тяжело дыша, вбежала за ним, ее волосы мышиного оттенка застлали ей лицо.

— Я пыталась его остановить, но он не уходит. Может, мне вызвать охрану?

Я посмотрела на Роума, свирепое выражение исказило его лицо.

— Даже. Не думай. Об этом, — угрожающе произнес он, выделяя каждое слово.

Я повернулась к Кейт и отрицательно покачала головой.

Кейт подошла ближе, поглядывая на Ромео.

— Ты уверена?

Я кивнула.

— Да, спасибо, Кейт.

Она скривила губы, с отвращением поглядывая на Ромео, она не была поклонницей противоположного пола.

— Крикни, если понадобится, — бросила она и захлопнула двери. Ромео повернул замок, закрывая нас изнутри.

— Просто уходи, Ромео. Мне нечего тебе сказать.

Он кинулся к кровати и упер руки в матрас по бокам от меня.

— Ну а мне есть, что тебе сказать!

— Что? Что ты врал и изменял мне все это время и что, когда ты идешь в тренажерку,

это значит, ты встречаешься со своей дражайшей мамочкой и этой шлюхой?

Он отпрянул и сжал кулаки.

— Бля, все было совсем не так!

— Плевать. Мне все равно. *Уходи*. — Я снова легла, уставившись невидящим взглядом на белую стену.

Ромео взял меня за плечи и притянул к своей груди, мы практически соприкасались носами.

— Мама попросила меня встретиться с ней сегодня. Какая-то благотворительная организация, где она главенствует, попросила подписать футболку «Тайд» для аукциона. Я пошел отдать ее ей, а Шелли и миссис Блэр уже ждали меня в ресторане.

Я сглотнула, когда он отпустил меня, и села на кровати, Роум опустился на пол и крепко обхватил руками мои бедра.

— Они, блядь, набросились на меня. Шелли рассказала им о тебе, и они стали заливать о том, какой я безответственный и всякое подобное дерьмо. Мама сказала, что если я не прекращу это, то это сделает *она*. Я не могу позволить этому произойти с тобой.

Он бросил на меня быстрый взгляд и уставился в пол.

— Мои родители... они... понимаешь, детка. Они ко мне очень плохо относятся, подробности опущу, но это так, а я их гребаный сын! Я не могу позволить ей сделать тебе больно, поэтому я придумал какую-то хрень о том, что ты просто увлечение, друг. Шелли слишком тупа, чтобы понять, когда я вру. Я остался на обед, чтобы успокоить маму. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь произошло. Им сначала придется иметь дело со мной.

Его мать спланировала всю эту хрень? Спланировала заманить его в ловушку и заставить отказаться от отношений? Полчища вопросов напрашивались сами собой: «Почему они так плохо к нему относятся? Что они с ним сделали за эти годы?» Но я молчала. Он был адски зол, и я не хотела распалять его еще больше.

— Почему ты солгал о том, что идешь в тренажерку? Почему не был со мной честен?

— Я *был* честен, клянусь. Она позвонила, когда я заканчивал. Я планировал просто забросить футболку и уйти, — проговорил он сквозь сжатые зубы.

— Но Шелли к тебе прикасалась. Она поцеловала тебя, и ты позволил! Как ты мог?

Роум запрокинул голову и простонал.

— Потому что я не хочу, чтобы мои родители взяли за тебя! Мне пришлось подыграть... чтобы защитить тебя. Ты не знаешь, на что они способны! Здесь они словно долбаные короли, Мол. Они тут всем заправляют.

Подвинувшись ближе, Ромео нежно обхватил мое лицо ладонями.

— Боже, детка. Я бы никогда не сделал ничего такого, из-за чего мог бы тебя потерять. Поверь, я сидел там и переживал весь этот ад, чтобы защитить тебя. Чертова Шелли, терпеть не могу эту суку! — Он встал и начал расхаживать передо мной. — Хотя теперь это не имеет значения.

Я нахмурилась.

— Почему?

Он остановился и невесело засмеялся.

— Потому что я сказал матери засунуть всю эту херню с браком Принс-Блэр в одно место, когда побежал за тобой.

Огонек надежды забрезжил у меня в груди.

— Правда?

Он подошел еще ближе и взобрался на кровать, подталкивая меня лечь на спину.

— Мм-хмм. Я сказал ей, что никогда не женюсь на Шелли, потому что я с тобой. Сказал, что покончил с их дерьмом, потому что я с тобой. К тому же я побежал за тобой, я бежал по улице за такси, орал и стучал по крыше. Уверен, это подтвердило мои слова.

Приподнявшись, я запустила руки в его волосы и притянула парня к своим губам. И контакт прервала, только чтобы сказать:

— Ты должен говорить, если у тебя что-то происходит с родителями. Рассказывай, чтобы я в тебе не сомневалась. Мне тяжело доверять, но я учусь доверять тебе. Пожалуйста... доверься мне.

Роум провел небритым подбородком по моей шее, вдыхая аромат.

— Детка... со мной ты в безопасности, и я бы все тебе рассказал по возвращении домой. Я не ожидал тебя встретить. Боже, я чуть с ума не сошел, увидев твою реакцию... а потом ты убежала, после того как пообещала никогда от меня не сбежать.

Он прижался бедрами ко мне между ног, я почувствовала его возбуждение и прикусила язык, чтобы не застонать в голос.

— Я доверяю тебе. Просто это выглядело ужасно. Она тебя поцеловала. Я... мне это не понравилось. Захотелось убраться оттуда.

Роум начал раскачивать бедрами, и я закатила глаза от удовольствия.

— Я никогда не изменю тебе, Шекспир. Черт, ты слишком важна для меня. Я же сказал, что отношусь к тебе серьезно, и мне не нравится, когда ты в этом сомневаешься.

Нервное возбуждение зародилось во мне ответ на его привычно грубый тон.

— Хорошо.

Он стал толкаться сильнее, и я, почувствовав то сладкое чувство, зарождающееся внизу живота, сжала простыни в руках.

Заглянула в глаза Роума, и они вспыхнули.

— Ромео, — пролепетала я, когда он неспешно пополз вниз. — Что...

— *Ш-ш-ш...*

Руки Ромео проскользили по моим голым ногам под платье. Два пальца нашли край трусиков и медленно потянули их вниз, от чего у меня перехватило дыхание.

Отбросив мое белье на пол, Ромео начал задирать платье. Моя голова вжалась в подушку, но я все же нашла в себе силы убедиться, что мое тату хорошо прикрыто.

— Я попробую тебя на вкус, крошка. Ты кончишь мне в рот.

— Ох... боже, — прошептала я и, выгнув спину, застонала, когда губы Ромео прикоснулись к моей плоти.

— Я хочу только тебя, Мол, Понимаешь? — сказал он, ускоряя движения языком.

— *Да! Понимаю!* — закричала я не в силах сконцентрироваться.

— Бля, какая же ты красивая.

Он не сбавлял темпа, пока я не взорвалась, задыхаясь от жара. Я крепко цеплялась за его светлые волосы и отпустила только тогда, когда для меня это стало слишком.

Ромео сел на колени и поправил мое платье, упиваясь видом меня, распростертой на кровати, затем устроился рядом и крепко обнял. Судя по выражению его раскрасневшегося лица, вернув себе контроль, он расслабился.

Переведя дыхание, я повернулась и провела тыльной стороной ладони по его щеке.

— Боже, Роум. Я совершенно сбита с толку. С тобой никогда не знаешь, как начнешь и как кончишь.

— Главное — хорошо кончить, — улыбнувшись, дерзко ответил он. Я игриво стукнула его по груди и заметила, как растаяла его улыбка. — Не уверен, понимаешь ли ты значение того, что я сегодня сделал, побежав за тобой, оставив так свою мать.

Я не понимала, но по его состоянию догадалась, что это весьма значимо.

Ромео сжал подол моего платья, боль отразилась в его глазах. Я убрала волосы с его лица.

— Что такое, малыш?

Сглотнув, он мельком глянул на балконную дверь и, обратив все свое внимание на меня, трогательно прошептал:

— Никогда не бросай меня.

Мое сердце пропустило удар в ответ на эту отчаянную мольбу.

— Эй, ты чего?

Ромео прижался лбом к моему животу и крепко обнял меня за талию.

— Я просто не могу поверить, что у меня есть ты. Ты все делаешь лучше, и я не хочу тебя потерять.

Я пробежалась пальцами по его волосам, обеспокоенная столь странным поведением.

— Я тебя не оставлю.

— Ты почти сделала это сегодня. Ты сказала *мне* уйти от *тебя*.

— Это было недоразумение. — Я нервно сглотнула. — А если серьезно, Роум, какие неприятности могут устроить нам твои родители?

Я содрогнулась, вспомнив выражение отвращения на лице его матери и насмешливый взмах руки в мою сторону. Было понятно, что она не собирается принимать на наши отношения, а переменчивое настроение Ромео нагнало тревогу по этому поводу.

— Не знаю и знать не хочу. Я тебя и близко к ним не подпущу. Я буду защищать то, что у нас есть, несмотря ни на что. Я объяснил твоим друзьям, что произошло. Они поняли, но Кэсс ударила меня в живот и назвала тупым засранцем за то, что я тебя обидел. Да уж, Джимми-Дону с ней повезло. Она та еще штучка!

Хихикнув, я притянула Ромео к своим губам, и мы оба устроились на мягкой подушке.

Он сразу же набросился на мой рот и произнес прямо мне в губы:

— Заткнись, Шекспир. Хватит разговоров, пора снова показать, как мне жаль, что я тебя обидел.

И Роум снова взял все в свои руки.

Глава 13

Открыв глаза субботним утром, вместо Ромео на подушке я увидела красную футболку «Кримсон Тайд» с номером семь на спине и фамилией «ПРИНС» сверху, написанной огромными буквами. Я провела пальцами по надписи и перевернула футболку передом. Там тоже красовался его номер, а вверху слева был вышит четырехлистный клевер. К воротнику была приколата записка:

Моя футболка для МОЕЙ девочки, чтобы надеть на игру.

Садись с Элли, и я приду за своим сладким поцелуем на удачу.

Твой Ромео x

Стадион был набит битком. Это было похоже на огромное море красно-белых футболок. Группы студентов разукрасили кожу, написав у себя на груди красными и белыми буквами «В-П-Е-Р-Е-Д Т-А-Й-Д». На трибунах другой команды доминировали голубые и белые футболки.

Кэсс, Элли и я захватили колу и закуски в торговых палатках и направлялись к своим местам. Как только мы прошли заполненные трибуны, люди начали аплодировать. Мы втроем обескураженно повернулись к экрану — на нем красовалась я, окольцованная нарисованными четырехлистниками. Я запнулась, а Кэсс и Элли закричали.

— О боже, Молли, ты знаменита! — восторженно воскликнула Кэсс, посылая в камеру воздушный поцелуй и упиваясь вниманием. На ней был типичный стетсон, джинсы и футболка Джимми-Дона.

Мне стало так неловко, и я поспешила к своему месту, прикрывая лицо большим стаканом и бубня себе под нос:

— Божечки, божечки, божечки!

Я пыталась игнорировать свист и окрики в мою сторону. Элли и Кэсс сели по обе стороны от меня, смеясь и хлопая вместе со всеми. Я порадовалась, что сегодня решила нанести больше косметики, чем обычно, и позаботилась, чтобы моя копна каштановых волос выглядела как стильный беспорядок.

Через несколько минут мучений в фанатском аду, включавшем в себя то, что группа поддержки повернулась ко мне и махала помпонами — кроме Шелли, которая отвернулась и отказалась приветствовать меня, — на большом экране началось представление первой команды. Кэсс громко закричала и потянула меня за собой танцевать под музыку, раздающуюся из акустической системы. Когда начали показывать ролик для приветствия Ромео под аккомпанемент «Пули в пистолете» группы «Плэнет Перфекто», я не смогла удержаться, стала хихикать и прыгать со своей сумасшедшей техасской подружкой, захваченная напряженной атмосферой перед началом игры.

Музыка изменилась, и на экране стали появляться фотографии игроков, фото Ромео было последним и сопровождалось оглушительным ревом толпы.

Ведущий взял микрофон, и группа поддержки поспешила выстроиться возле тоннеля, из которого выбегают игроки.

— *Алабама, поднимайся и встречай «Кримммсссоооонннн Таааайййд»...*

Команда выбежала на поле, и стадион практически взорвался от переполнявшей энергии. Остин и Джимми-Дон возглавляли команду, маша руками и подбадривая толпу.

Я отчаянно искала глазами Ромео и увидела, как он, немного отстав от всех, выбежал последним, размахивая своим шлемом, камера следовала за каждым его движением.

Когда он выбежал на поле, создалось впечатление, будто каждый фанат начал скандировать: «Поцелуй, поцелуй, поцелуй, поцелуй». Снова и снова, пока это не услышали, наверное, даже в соседнем штате. Элли схватила меня за руку, радостное лицо Ромео занимало весь огромный экран. Отсалютовав рукой, он повернулся и побежал к нашим местам.

Когда Роум подбежал к краю поля, наши взгляды встретились, и он поманил меня пальцем к себе. Кажется, рев толпы стал еще громче от его игриво-дерзкого действия.

Мои ноги приросли к полу, страх сковал движения. И уверена, глаза стали размером с

блюдце, когда я осмотрела ревущую толпу.

Я почувствовала на спине руку, и Кэсс подтолкнула меня вперед.

— Давай, подруга. Не заставляй его ждать перед всеми этими людьми!

Я бросила на нее недовольный взгляд через плечо, и она помахала мне рукой, призывая идти. Я снова посмотрела на поле, Ромео стоял всего в нескольких метрах с предвкушающим выражением на лице, упершись руками в бедра и ожидая моих дальнейших действий.

— Ты можешь это сделать, ты можешь это сделать, — повторяла я себе, пока ноги несли меня вперед.

Когда я достигла края поля, Ромео, взяв меня за руку, притянул к груди и положил ладонь мне на затылок.

Толпа взревела.

Роум прижался своим лбом к моему, не оставляя мне выбора, кроме как сконцентрироваться исключительно на нем, и шум стадиона отошел на второй план.

— Привет, Мол.

— И тебе привет.

— Подаришь мне сладкий поцелуй на удачу?

— Если ты этого хочешь.

Его ноздри раздулись.

— Еще как хочу. — Он приподнял мою голову и прильнул к губам в поцелуе — страстном и всепоглощающем, — чтобы потом оставить меня ошарашенно стоять, опьяневшую от любви, а самому отправиться на поле.

На какой-то момент мне показалось, что не смогу идти, но я все же повернулась и, не поднимая голову на крики, практически побежала на свое место. Элли и Кэсс посмеялись над моим смущением, и мы остались стоять, когда начался матч.

Роум вел невероятную игру. По крайней мере, так это выглядело, и искренняя радость Кэсс и Элли это подтверждала. После первого тайма они вели с преимуществом в двенадцать очков, и все были уверены, что это будет разгромная победа.

Я села на место, наслаждаясь наэлектризованной атмосферой, и вдруг уловила на себе взгляд Элли.

— Что?

Она оценивающе склонила голову набок, и это заставило меня поерзать.

— Знаешь, за все это время я ни разу не видела тебя с распущенными волосами. Они длинные?

— Да, наверное, почти до поясницы. А что?

Ее глаза загорелись хитрецей.

— После игры мы сразу идем домой.

— *Хорошо...*

— Вы, мисс Молли, сегодня будете выглядеть горячо, — заявила она.

— Не думаю, что когда-нибудь смогу так выглядеть, Элли. — Я была уверена, что она перегрелась на солнце.

— Все потому, что тебе никогда не показывали, как этого добиться. Сегодня я это исправлю. У нас примерно одинаковый размер, так что ты сможешь надеть одно из моих платьев. То, которое сведет Роума с ума.

— Соглашайся, Моллз. Почему бы не заставить Пулю изойти слюной по твоей прекрасной попке! — воодушевляюще добавила Кэсс в присущей ей манере.

Слегка запрокинув голову, я громко застонала.

— Этого не будет. Вы что, думаете, мы в каком-то сопливом подростковом фильме?

В карих глазах Элли появилось раздражение.

— Меня еще никто не превзошел в искусстве преображения. Соглашайся.

Я взглянула на Элли и опустила голову.

— Ох, ладно. Вообще-то, мне даже интересно посмотреть, что ты со всем этим сделаешь, — сказала я, указывая на копну своих волос.

Она перестала хмуриться и запрыгала на месте.

— Можешь мне не верить, но Роум с ума сойдет, когда тебя увидит. Мы скажем, чтобы он пришел к девяти и ни минутой раньше.

— Как скажешь, только не заставляй меня об этом пожалеть!

Начался второй тайм, и в итоге они победили. Роум, как обычно, давал интервью после игры, Остин стал самым результативным игроком матча, от чего Лекси радостно подпрыгивала.

Я оставалась на месте, ожидая пока толпа успокоится, чтобы сказать Роуму, что мы идем домой. Похлопав товарищей по команде по спинам, он подбежал ко мне, подхватил на руки и закружил, вызывая смешки у мужчин и вздохи умиления у женщин.

Я обвила руками его шею и прошептала:

— Молодец, малыш. Я так тобой горжусь.

— Спасибо, — ответил он осипшим от эмоций голосом и легонько поцеловал меня в губы. Когда он опустил меня на землю, подошла Элли и обняла его, поздравляя.

Роум взял меня за руку.

— Жди здесь, хорошо? Я скоро вернусь и свожу тебя на ужин перед походом в клуб.

— Она не может. Я забираю ее домой готовиться, — со слащавой улыбкой сообщила Элли.

От взгляда, которым наградил ее Ромео, та должна была испугаться не на шутку, но она просто хлопнула его по руке и сказала:

— И нечего на меня так смотреть, Роум. Ты сможешь прожить без нее пару часов.

Его глаза угрожающе сузились.

— А я не хочу. Я веду ее на ужин, конец разговора.

Я обхватила его лицо руками.

— Иди поешь с парнями и приходи к нам в девять. Пожалуйста... ради меня.

— Ладно. Ради тебя. Но я приду ровно в девять, и тебе лучше быть готовой, — прорычал он и запечатлел жаркий поцелуй на моих губах, затем шлепнул меня по заднице — чуть сильнее, чем считалось игривым — и в угрюмом, мрачном настроении пошел обратно на поле.

Я вздохнула.

— Отлично, теперь он на меня злится.

Элли пожала плечами.

— Переживет.

— Надеюсь, ты права.

* * *

— Ну как тебе? — спросила Элли, открывая мне глаза перед зеркалом в полный рост.

— Ни хрена себе! — прошептала я, уставившись на свое отражение, и заметила, что позади меня хихикают девчонки.

— В таком прикиде даже я бы тебя захотела! — пошутила Кэсс и с намеком щелкнула языком.

— Я же говорила, что знаю свое дело, — самодовольно заявила Элли.

— Это точно, — ответила я, все еще не веря своим глазам.

Элли определенно знала свое дело. Я не узнавала девушку в отражении. У нее были длинные, гладкие волосы, слегка закрученные на концах. Пряди цвета карамели придавали эффект солнечных бликов, а кожа отливала бронзой. Макияж смоки айс сделал золотисто-карие глаза более выразительными, а фигура казалась стройней в коротком, облегающем, черном платье без бретелек и с декольте в форме сердечка. Завершали образ высокие черные ковбойские сапоги.

Мое любование собственным отражением было прервано напористым стуком в дверь, и в комнату вошла Кейт.

— Эй, Элли, Роум с парнями ждут внизу. — Кейт удивленно моргнула. — Молли... я едва тебя узнала. Выглядишь просто убийственно, дорогая.

— Спасибо, Кейт, — ответила я, густо покраснев.

Мы начали спускаться по лестнице, и я увидела внизу Ромео, одетого в красную клетчатую рубашку с закатанными рукавами и низкие темные джинсы — выглядел он просто офигительно.

Остин, как обычно, одетый во все черное, заметил нас первым. Я увидела, как его глаза расширились, когда он понял, что девушка, идущая позади, — это я. Роум, непринужденно прислонившись к двери, смеялся над чем-то с Джимми-Доном, и Рис принялся постукивать его по руке. Раздраженно нахмурившись, Ромео повернулся к нему, но Рис проигнорировал его грозный взгляд и молча указал на меня.

Когда Роум посмотрел вверх, я едва рассмеялась над его реакцией. Он оттолкнулся от стены и поспешил к лестнице. С каждым шагом моя уверенность в себе крепла, и если принимать за индикатор выражение восхищения на лице Ромео, план Элли сработал.

Когда я дошла до последней ступеньки, мы оказались примерно одного роста. Я прикусила ноготь на большом пальце, робея от всеобщего внимания.

Незаметно Ромео протянул руки вперед и, схватив меня за попу, прижал к себе. Его карие глаза метали искры вожделения. Я сразу же поняла, что сегодняшняя ночь станет настоящей проверкой нашего самоконтроля. Все мое нутро практически до боли сжалось от сексуального желания, упоительный жар охватил мое тело. И судя по движениям напористых рук Ромео, блуждающих по моему телу, и ощущению выпуклости на его джинсах, прижатых к моим бедрам, он также пытался сохранить самообладание.

Ромео наклонился и прижался своими мягкими губами к моим. Я поиграла с прядкой волос у него на затылке, и он прошептал:

— Бля, Мол. Ты испытываешь мою выдержку своей красотой. Как теперь прикажешь продержаться ночь? Мне придется парней палкой отгонять. У них будут серьезные неприятности, если они хоть на секунду на тебя посмотрят.

— Я хочу только тебя, малыш. И ты это знаешь, — заверила я и увидела волну облегчения на его лице. Я потянулась и взяла его за руку. — Пошли. Мне не терпится научиться танцевать тустеп.

Он расхохотался, обнимая меня за шею.

— На хрен тустеп. Я хочу, чтобы ты всю ночь прижималась ко мне в медленном танце.

Глава 14

Клуб «Флакс» был битком набит пьяными болельщиками «Тайд», которые пришли после игры, и как только мы вошли, Ромео засыпали похвальными и поздравительными рукопожатиями. Он крепко прижимал меня к себе, обвив рукой плечи, а моя голова покоилась в изгибе его шеи.

Нашей компании предоставили столик в углу клуба — привилегия для тех, кто с *Ромео Принсом*.

Мы направлялись к своему столику, когда пьяный студент в футболке «Тайд» схватил меня за руку и притянул к своей потной груди.

— Талисман Пули! Ты спасаешь сезон, милочка! Ты заслуживаешь хороший поцелуй в благодарность!

Парня немедленно оттолкнули от меня, и Ромео схватил его за воротник футболки.

— Какого хера ты тут творишь?

Фанат «Тайд» мгновенно побледнел и поднял руки, сдаваясь.

— Пуля... я-я п-просто выражаю благодарность.

— Тогда благодари ее издалека. Еще раз ее тронешь, будешь смотреть на нас с гребаного пола. Понял?

— Да-да, понял, мужик. Я отваливаю. И-извините...

Ромео отшвырнул его, и напуганный фанат немедленно скрылся в толпе. Когда Ромео повернулся ко мне, я со скрещенными на груди руками рассерженно смотрела на него.

— Детка... — попытался успокоить он меня, медленно двигаясь вперед.

Я взмахнула рукой, призывая его остановиться и замолчать.

— Не нужно было, Ромео! Черт, совершенно не нужно было этого делать. Не стоило вести себя так ужасно агрессивно с беднягой!

Ромео надул свои полные губы.

— Но он тебя трогал.

— Ты поэтому ему угрожал?

— Ты моя, а он тебя трогал. Мне это не нравится.

— Господи, Роум, это был явный перебор.

Он медленно выдохнул.

— Я снова налажал, да? — Он выглядел таким потерянным.

Я подошла к нему и обвила руками его шею.

— Да.

Его губы изогнулись в ухмылке, и он провел руками по моей спине.

— Я прощен?

У меня перехватило дыхание, и я прижалась своим лбом к его.

— Я твоя. Не беспокойся.

Волна облегчения прокатилась по его лицу, он кивнул и обрушился на мои губы в жарком поцелуе.

Мы направились к уединенному столику и присоединились к друзьям. Через минуту миниатюрная белокурая официантка подошла принять у нас заказ. И с этого момента она ни разу не отвела своих зеленых глаз от Роума. Мне следовало этого ожидать. Он всегда

притягивал людей — то ли своей прекрасной внешностью, то ли тем, что играл за «Тайд». Но эта девушка вела себя иначе, она смотрела на него так, будто знала его... интимно.

Роум явно игнорировал постоянное внимание официантки, и после того как мы заказали несколько бутылок пива, я расслабилась и наконец-то смогла рассмотреть клуб. Здесь была масса трущихся друг о друга движущихся тел. Мужчины с энтузиазмом раскручивали своих партнерш на танцполе — я предположила, что это и есть тустеп. Весьма занимательно.

Принеся наши напитки, официантка задержалась возле Роума, и на сей раз я поняла, что мои опасения оправданы. Он игнорировал ее, но она влезла прямо перед ним, выпятив свою большую искусственную грудь, и пропела:

— Привет, Пуля, как поживаешь?

Я тут же нахмурилась и повернулась к Роуму, который резко застыл.

— Нам больше ничего не нужно, — холодно ответил он.

Грудастая блондинка в непристойно коротком черном платье проигнорировала его слова и облокотилась на стол, подперев руками свое внушительное декольте.

— Ты мне так и не позвонил после той ночи.

Я напряглась, и Ромео крепче прижал меня к своей груди, абсолютно правильно предполагая, что я уже собиралась сбежать от этой неудобной сцены. Мне одновременно хотелось и сбежать, и поддаться гневу, разливающемуся по моему телу.

— Я и не собирался. Скажу еще раз... Нам больше ничего не нужно. — Он немног наклонился вперед. — Если тебе нужен ответ попроще... *отвали*.

Лицо девушки тут же искажилось, и она прошипела:

— Я слышала сплетни, что ты теперь под каблуком — пустая трата хорошего члена. — Она посмотрела на меня и рассмеялась. — А что до *этой*. Должно быть, она трахается лучше, чем выглядит в этом платье. — Она резко выпрямилась и, виляя бедрами, смешалась с толпой. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Элли глянула на Роума и недовольно покачала головой. Я не могла ни на кого смотреть. Я выкрутилась из его объятий. Ромео попытался удержать меня, но мне удалось отодвинуться на край дивана.

— Мне нужно в туалет, — выпалила я.

Ромео подался вперед — выражение его лица было жестким — и пригрозил:

— *Не смей сбежать, только не после всего сказанного тобой.*

Я шикнула на него, на что он плотно сжал губы. Не привык, чтобы его прерывали, и я точно знала, это его раздражает.

— *Я иду в туалет!* — отрезала я и увидела, как выражение его лица становится жестче. Глаза сузились от моего резкого тона, но я, наплевав на это, отбросила волосы назад и ушла.

— Молли, подожди! — Услышала я окрик Элли, но не остановилась.

Я уже почти дошла до туалета, когда меня схватили за руку и потянули назад. Я не поддалась и выдернула руку, Ромео обошел меня и гневно посмотрел мне в глаза.

Он зло рыкнул, снова взял меня за руку и потащил в пустой коридор, по пути проверяя закрыты ли двери. Когда одна открылась — в кладовую, — он затянул меня внутрь, включил свет, запер замок и, уперев руки в боки, повернулся ко мне.

— Я трахнул ее один раз. В прошлом году. И на этом все. Не нужно из-за этого расстраиваться и уж точно, бля, не следует сбежать.

Я сердито посмотрела на него.

— Ну уж прости, если я не в восторге от того, что твои шлюшки-трофеи тычут мне свои прелести в лицо!

Ноздри Ромео раздулись, и он подошел ближе.

— Ты хочешь знать все о моем сексуальном прошлом? Все грязные подробности? *Отлично!* Я отрахал кучу девок, по-разному, в разных местах. Они сами на меня вешались, а я давал им то, чего они хотели, и они были в охренительном восторге.

Не успев понять, что происходит, я ударила его по лицу, громкий шлепок отозвался эхом в маленькой комнатушке.

Кровь бешено неслась по моим венам, грудь часто вздымалась. Лицо Роума приобрело темно-фиолетовый оттенок.

— Довольна? Успокоилась наконец? — резко спросил он, потирая рукой щеку.

К глазам подступили слезы. Я не хотела его бить, раньше никто не пробуждал во мне таких эмоций. Меня буквально трясло от внезапного прилива адреналина.

Ромео прислонился к противоположной стене и опустил голову.

— Они трахали Пулю. Они *всегда* трахали Пулю!

У меня от боли перехватило дыхание.

— Отлично, Роум. Просто отлично. Со мной ты так же поступишь? Позволишь трахнуть великого *Ромео Принса*, дашь то, чего я хочу, и пойдешь дальше?!

Он бросился вперед, прижимая меня спиной к холодным стальным полкам и заключая в ловушку своих рук.

— Нет, Шекспир, слушай меня внимательно. Я трахну тебя, но я также буду заниматься с тобой любовью. Каждый чертов кусочек твоей души будет принадлежать мне, и я тебя никогда не отпущу. Ты будешь выкрикивать мое имя снова и снова, пока оно твердо не отпечатается в твоем горле. Ты для меня не просто трах, Мол, ты станешь моим гребаным спасением!

Я сглотнула, когда он приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть на него, *увидеть* его.

— Ты будешь заниматься любовью со *мной* — Ромео, а не с каким-то долбаным футбольным альтер эго. Ты получишь меня настоящего, всего меня, навсегда. Понятно? — Он закрыл глаза, прижимаясь своим лбом к моему. — Боже, Мол! Я никогда раньше такого не делал. Если бы я знал, что где-то есть ты, я бы не трахал всех этих телок. Но я не могу все отмотать назад.

Я откинулась на жесткий металл.

— Все это чересчур, не так ли? Твоя семья явно меня ненавидит, Шелли никак не отвалит, ты бросаешься на любого, кто хотя бы на меня посмотрит, еще и эти... *девушки* из твоего прошлого никак не отстанут. Знаешь, у меня есть и собственные проблемы, Роум, а вместе с твоими... это просто чересчур. Как у нас все может получиться под таким давлением?

Черты его лица исказила паника.

— Не надо. Не делай этого!

— Не делать чего?

— Не списывай нас со счетов. Не убегай, когда становится трудно. — Он взял меня за подбородок. — Ты разберешься со своим прошлым. Я научусь контролировать свой гнев. Мы *вместе* будем бороться с моей семьей. Не будем обращать внимания на других. Мы *вместе* пройдем через все это! Не смей сдаваться сейчас, Шекспир. Не смей!

— Роум...

Его темные глаза нашли мои.

— *Нет!* Я не отпущу тебя. Я знаю, что совершенно тебе не подхожу, но ты меня изменила. Ты меня, блядь, изменила! Разве не видишь?! Мы вместе пройдем через все. Скажи это! *Пожалуйста*, детка, скажи мне это!

Я покачала головой, готовясь заспорить, но он придвинулся ближе и полностью накрыл меня своим большим телом.

— Скажи, что поняла меня, Мол!

— Роум, я... — прохрипела я.

Он ударил кулаком по полкам позади меня, и кучи коробок с грохотом свалились на пол.

— Ты не сбежишь. ПОНЯЛА???

— ДА! ДА, БЛЯ, Я ВСЕ ПОНЯЛА! — закричала я, толкая его в грудь. Несмотря на жесткость его слов, я ощутила исходящий от него страх меня потерять.

Он взял меня за затылок.

— Ты все еще со мной? — прошептал он, заглядывая мне в глаза.

Я вздохнула, и он завел мою ногу себе на бедро, пытаясь быть еще ближе.

— Я все еще с тобой.

Его зрачки расширились, и суровое лицо зарумянилось от возбуждения.

— Бля, как же я тебя хочу. У меня просто дикий стояк, когда ты выполняешь мои приказы.

Я наклонилась и поцеловала его прямо за ухом. Медленно отстранилась, взяла его руку и, задрав платье, прижала ее ладонью к своему разгоряченному естеству.

— *Мол... боже*, — простонал он, когда его пальцы коснулись меня там. — Ты меня убиваешь.

Я поласкала языком его ухо.

— Мне нравится, когда ты доминируешь, подтверждаешь свою власть. Меня это заводит.

— *Фак...* я заметил, и мне нравится, что ты это признаешь. Это... успокаивает меня. Ты именно та, кто мне нужен. Черт, ты идеально мне подходишь. Красивая, сексуальная, с телом, которое мечтал бы зарисовать любой художник.

Рука Роума начала свое исследование, и я потеряла остатки рассудка. Когда его пальцы скользнули в тепло моего тела, он схватил меня за волосы и крепко прижал к себе, полностью обездвигив. Я зашипела, и его взгляд стал темнее.

— Больше никого не будет. Ты единственная даешь мне то, чего я хочу, что мне *нужно*. Ты даешь мне абсолютный контроль, и мне это нравится. Тебе тоже, не так ли? Ты от этого в восторге?..

Уже знакомая разрушительная волна желания начала подниматься по моим ногам, мои вздохи заполнили комнату.

— Да, я в восторге. *В восторге!* — ответила я, вцепившись ему в плечи.

Его дерзкая ухмылка одновременно и заводила, и бесила меня, а его пальцы двигались с умопомрачительной скоростью.

Я потянулась к его джинсам, но он зарычал:

— Нет! Пусты. *Сейчас же*. Это не для меня. Ты не прикоснешься ко мне, пока я не позволю.

Я сделала, как было велено, и когда третий палец вошел в меня, запрокинула голову и закричала в кульминации. Яркие ощущения сдавили мою грудь, я схватила Ромео за волосы и притянула к своим губам, подтверждая то, что принимаю все таким, как есть: его, себя и нас вместе.

Ритм музыки с танцпола стал пробиваться в нашу маленькую комнату, он отдавался в прижатой ко мне груди Ромео. Роум вытащил руку из моих трусиков и нежно поцеловал меня — медленно и с любовью, полная противоположность тому, что происходило минуту назад.

— У нас все хорошо? — прошептал он мне в губы, настороженно, даже напугано, глядя на меня.

Я поцеловала его в лоб и улыбнулась, от чего лицо Роума озарилось.

— Я хочу тебя, Ромео. Ты даешь мне то, о чем я даже не мечтала.

— Несмотря на то, что я годами трахал всех подряд? Все тебе усложнил? Что я уже надломлен?

Я провела руками по его предплечьям.

— Не буду притворяться, что мне все равно, но я твоя и только твоя. И я с этим справлюсь.

— Так и есть. Я даже не замечаю больше других девушек, с нашего первого поцелуя.

Казалось, ему было трудно в этом признаться.

— Ромео?

Лаская кончиками пальцев мое лицо, он следил за каждым моим движением.

— М-м-м?

— С нами что-то не так? То, как мы получаем... удовольствие — абсолютное извращенство? Ты приказываешь мне, как вояка, а я с радостью подчиняюсь.

Он загадочно улыбнулся в ответ на мое беспокойство.

— Отвечу громким «да».

Я кивнула, медленно отворачиваясь. Он повернул меня обратно к своему довольному лицу.

— Тебе это нравится, Мол? Ты наслаждаешься, когда я командую?

Я закатила глаза, ощущая, что завожусь от одной лишь мысли.

— Да... каждый раз.

— Тогда мы в порядке. На самом деле, нет двух более подходящих друг другу людей. Мы восполняем те эмоции, которых нам не хватает

Я хихикнула.

— Несчастные влюбленные, предназначенные друг другу звездами?

Он снова улыбнулся. Это была широкая улыбка, такой я у него еще не видела — беззаботная и свободная.

— Думаю, нужно прекращать цитировать эту чертову пьесу, Шекспир. Мне кажется, мы извращенная версия «Ромео и Джульетты» для взрослых.

Я невольно расхохоталась, и Ромео присоединился ко мне. Я поправила платье и взяла его за руку.

— А теперь пошли танцевать.

— Я и так уже на грани. И просто взорвусь, если буду смотреть, как ты двигаешься. Твое тело таит в себе опасности, крошка.

Я потерялась о его тело, ощущая уплотнение в джинсах.

— До того как мы закончим сегодняшнюю ночь еще очень далеко, Ромео. Я хочу, чтобы ты думал об этом, пока мы отсюда не уйдем. Но мы пришли сюда танцевать, и я хочу танцевать. Показать всем твоим трофеям из прошлого, что ты теперь мой, и им следует отвалить на хер от моего мужчины.

Я повернулась, чтобы уйти, но он потянул меня назад и, оторвав от пола, обвинил моими ногами свою талию.

— Скажи это еще раз, — строго приказал он, игривый Ромео полностью исчез, и проявилась его темная сторона.

— Что сказать?

— Что ты только что сказала.

— Что ты мой?

— Да, — прохрипел он, устраиваясь у меня между ног.

— Ты теперь *мой*. Без условий. Какой есть.

Он зарычал и толкнул меня к стене. Я не собиралась препятствовать ему в том, чего он хочет, и, судя по выражению его лица, он тоже. Я на самом деле собиралась отдаться своему парню в кладовой, и меня это ни капли не волновало.

Ромео приблизился, расстегивая ширинку, и тут задержалась чертова дверная ручка.

— Эй, кто там? Открывайте! — крикнул мужской голос из коридора.

— *НЕТ!* — сквозь зубы рыкнул Ромео, практически до боли сжав мою талию.

— Открывайте, или я позову охрану!

Ромео уронил голову мне на плечо, и я приглушила смех в его волосах. Потянувшись, я застегнула его ширинку, вывернулась из объятий и переплела наши пальцы.

— Пошли, малыш. Давай хоть немного побудем на нашем свидании.

Резко кивнув, он обхватил мое лицо руками.

— Ты выйдешь и покажешь всем, что мы вместе. Ты должна это... *нам*. Пора быть дерзкой, детка. Покажи им.

На моем лице медленно расцвела улыбка, теплое чувство зародилось в груди. Он показал мне, что нас не разлучить. Теперь была моя очередь доказать это на практике.

Роум распахнул дверь, и молодой бармен с застывшим лицом отступил на пару шагов.

Проталкиваясь через толпу, мы пробрались к нашему столику. Наши друзья танцевали, поэтому мы взяли пиво и успокоили разбушевавшиеся гормоны алкоголем.

Я заметила грудастую официантку и подозвала ее. Ромео внимательно наблюдал за мной, пока та приближалась, каждый его мускул говорил о готовности вмешаться. Я пересела к нему на колени и позволила с гордостью держать меня в руках.

Она окинула нас оценивающим взглядом и, что-то пробормотав себе под нос, нацепила фальшивую улыбку.

— Чем могу помочь?

Я игриво взглянула на Ромео, который удивленно улыбался моей новообретенной уверенности в себе. Наше свидание в кладовой охладило мою ревность — если пара ощущает такое инстинктивное притяжение друг к другу, нет нужды бояться соперников.

— Нам двойную порцию текилы и... — Я провела пальцем по животу Ромео до пояса джинсов, и его бедра подались вперед в ответ на мое движение. — Что ты будешь, малыш?

Глаза Ромео загорелись неприкрытой страстью, и он ответил исключительно мне:

— Возьмем всем еще по пиву, красавица.

Я повернулась к официантке.

— Поняла?

Она кивнула и, закатив глаза, развернулась.

Меня это разозлило.

— Ох, и вот еще что, — крикнула я ей вдогонку. Она обернулась, раздражение сквозило в ее стержневом взгляде, маска лицемерия спала.

Я широко улыбнулась.

— Он теперь мой. И передай всем потаскушкам, которые хотят переспать с *моим* парнем еще раз, что он *совершенно* недоступен.

Она кинула яростный взгляд на Ромео и скрылась в толпе. Мое сердце колотилось с бешеной скоростью.

Ромео развернул меня к себе, в безумном восторге покусывая мою шею.

— Нам снова нужно в ту кладовую... немедленно. *Черт*, это было так круто, детка, — прорычал он.

— Это было достаточно дерзко? — спросила я.

Ухмыльнувшись, он снова прижался ко мне.

— Охрененно дерзко! Я просто без ума от новой тебя.

— Это не новая я. Просто раньше эта часть меня бездействовала.

— Тогда буди ее, крошка! Буди ее!

Громко хлопая в ладоши, к нам подошла Кэсс в обнимку с Джимми-Доном.

— Молли Шекспир! Я никогда не слышала, чтобы ты с кем-либо так разговаривала. Мне это чертовски понравилось! Я прямо фанатею от тебя, подруга! В следующий раз говори так же и с Шелли. Эта сучка нуждается в хорошей взбучке от новой Молли! — Она нагнулась и поцеловала меня в макушку, как гордая мамаша.

Спустя пять минут мы все выпили текилу и отправились танцевать. Когда мы добрались до танцпола, заиграла «Побереги лошадь (Оседлай ковбоя)» группы «Биг-энд-Рич», Ромес начал шутливо пританцовывать, и я прижалась к нему, вторя его движениям. Кэсс и Джимми-Дон танцевали тустеп, как никто другой, толпа расступалась перед ними, а Остин позволил Лекси запрыгнуть себе на спину, когда заиграл припев.

С каждым новым шотом мои барьеры все больше исчезали, и Ромео этим пользовался: поглаживал меня, ласкал языком оголенную кожу и шептал непристойности на ухо.

Мы не присаживались часа два и успели переместиться в угол клуба, отгородившись от внимания толпы. Ромео прижался к стене, а я танцевала около него, перед ним, на нем. Я почувствовала его эрекцию обнаженными бедрами и именно тогда приняла решение.

Я прижалась к нему на вступлении «Как живется в деревне» Рэнди Хаузера, обвила руками шею и увидела, как улыбка озаряет его лицо, когда он в ответ стиснул мою талию.

— Ты в порядке?

Я покачала головой и надула губки.

Он нахмурился, и у него на лбу появилась милая морщинка.

— Почему? Что случилось?

Я пробежалась пальцами по его длинным волосам и прижалась к уху.

— Я хочу домой.

— Тебе плохо? Что-то не так?

Вздыхнув, я кивнула.

— В чем дело? Скажи мне, — настаивал он, стараясь защитить меня. Именно этого я и хотела.

— Я хочу, чтобы ты отвез меня домой и уложил в кровать.

Роум провел языком по нижней губе, вид у него был растерянный.

— Хорошо. Ты уже устала? Ведь еще довольно рано.

Я снова покачала головой и продолжила:

— Я хочу, чтобы ты уложил меня в кровать... лег рядом со мной... и занялся со мной любовью.

На этих словах Ромео откинул голову, и в его шоколадных глазах вспыхнуло возбуждение. Он прижал меня к скользкой от пота стене и толкнулся бедрами мне между ног.

— Ты это серьезно?

— Смертельно.

— Я не хочу, чтобы ты делала то, к чему не готова, — смягчив тон, пробормотал он. — Ты выпила. И я не хочу, чтобы утром ты об этом пожалела.

— Я не настолько пьяна, чтобы не понять свои чувства. Я хочу тебя, Ромео. И я об этом не пожалею.

— Тогда умоляй меня.

Заметив мое удивление, он прошептал жестким тоном:

— Я говорил, что возьму тебя *только* тогда, когда ты будешь умолять меня об этом, когда захочешь меня, как никого другого. Если ты уже дошла до этой точки, Мол, ты должна доказать мне. Ты должна умолять.

Я вспомнила его слова, и мурашки побежали по коже. Он возбуждал меня. Его слова были как предварительные ласки.

— Ромео Принс, я хочу, чтобы ты уложил меня в кровать, хочу, чтобы ты медленно меня раздел, хочу, чтобы сделал меня полностью своей. Пожалуйста, Ромео, займись со мной любовью... *сегодня ночью*.

В какой-то момент мне показалось, что он возьмет меня прямо тут, у стены, но тогда он приказал:

— Иди возьми свою сумочку. Я буду ждать тебя снаружи. И *не* задерживайся. — Он исчез в толпе, я видела только, как он в спешке расталкивает людей на пути к выходу.

Словно во сне, я подошла к столику, собрала наши вещи и, извинившись перед друзьями, направилась к выходу.

Только я вышла на улицу, страстные глаза Ромео тут же сконцентрировались на моем взволнованном лице, он наблюдал за мной, как хищник за жертвой. Роум кивком пригласил меня подойти ближе.

Я поплелась на отяжелевших ногах и остановилась перед ним. Наклонившись, он легонько поцеловал меня в шею, взял за руку и, не говоря ни слова, махнул такси.

Мы запрыгнули на заднее сиденье, наши бедра оказались вплотную прижаты друг к другу, напряжение в воздухе было практически осязаемо. Даже седой водитель средних лет заерзал на сиденье и постоянно поглядывал на нас в зеркало заднего вида, очевидно, беспокоясь, как бы мы не потеряли контроль на его кожаной обивке.

Я не могла сидеть спокойно от возбуждения, и рука Роум легла на мое подпрыгивающее колено.

— Прекрати.

Я рискнула взглянуть на большую выпуклость у него на джинсах. Постаралась придвинуться ближе, поцеловать украдкой, прикоснуться, просто чтобы дать моему

возбужденному телу еще немного продержаться.

Ромео заметил, что я собираюсь подвинуться, и наклонился к моему уху.

— Решай, хочешь ли ты, чтобы нас арестовали за секс в общественном месте, поскольку если ты придвинешься хоть на миллиметр, я трахну тебя прямо здесь, прямо сейчас и без любезностей. Выбор за тобой, Шекспир.

Я отодвинулась к двери, открыла окно и впустила немного воздуха, пытаюсь собрать мысли в кучу и разобраться, на что я все-таки соглашаюсь.

Когда — казалось бы, спустя целую вечность — мы наконец-то остановились перед домом сестринства и вышли на тихую улицу, Ромео сказал:

— Ты заходишь через главный вход, а я залезу через балкон. И поторопись, крошка. Я серьезно. Не испытывай меня сейчас.

Глава 15

Как только я вошла в комнату, Ромео тут же оказался возле меня, его дыхание — смесь мяты и пива — обдувало мою разгоряченную кожу, охлаждая ее.

— Подойди к кровати и сними сапоги. — Его голос был напряженным и жестким.

Мои ноги пришли в движение, как будто были созданы специально для его приказов. Я подошла к кровати и стянула сапоги.

— Посмотри на меня.

Я сделала, как он велел, трепеща от опьяняющей смеси предвкушения и возбуждения. Ромео стоял у стены в лунном свете, который освещал его красивое лицо, и наблюдал за тем, как я охотно следую его приказам.

— Сними платье... медленно.

Я плавно стянула платье через голову и бросила его на пол, оставшись только в новом бюстгальтере без бретелек и шелковых трусиках. Ромео быстро приблизился и стал обходить меня по кругу, с довольной улыбкой рассматривая мое практически обнаженное тело. Он остановил свой оценивающий взор на моем бедре и провел пальцами по маленькой татуировке.

Его ошеломленный взгляд встретился с моим.

— Тату, Шекспир? Ты меня удивляешь. Раньше ты никогда не позволяла мне его увидеть.

Он опустился на колени и начал изучать надпись, его лицо находилось на уровне моего живота, и теплое дыхание обдувало бедра, вызывая у меня из груди приглушенный стон.

Ромео провел пальцем по татуировке, и во мне зародилась тревога при воспоминании о ее происхождении, я замерла и сделала глубокий вдох.

Не отрывая взгляда, Ромео успокаивающе взял меня за руку. Его прикосновение утешило меня, и паника тут же рассеялась.

— *Ты утоляешь мой голодный взор, как землю освежительная влага,* — тихо прочел он и поцеловал мое бедро. Посмотрел на меня и спросил: — Что это, детка? Почему эти слова удостоились чести расположиться на твоём прекрасном теле? — Легкие, как перышко, прикосновения пальцев продолжали исследовать завитки и точки на замысловатом шрифте.

Я запустила руки в его волосы, и он крепко прижал меня к себе.

— Это Уильям Шекспир, один из его любовных сонетов, номер семьдесят пять, — призналась я, пытаюсь подавить всхлип, когда он погладил меня между ног.

Его глаза широко распахнулись.

— Но почему эта фраза настолько важна, чтобы навсегда запечатлеть ее на себе?

Мои глаза наполнились влагой, и я закусила губу, чтобы не разрыдаться.

Хватка на моих бедрах усилилась, и Ромео провел языком по низу моего живота.

— Скажи мне, Мол. Я не стану спрашивать дважды. Я с тобой, я не позволю тебе сломаться.

— Э-это просто цитата, которая мне нравится. Вот и все, — уклончиво ответила я.

Его темные глаза сузились.

— Я знаю, что это не вся история, детка, но можешь рассказать мне позже.

Я резко выдохнула и осознала, что до сих пор стояла, затаив дыхание.

Ромео поднялся на ноги. Его руки медленно опустились с моих плеч на лопатки, и я тяжело сглотнула. Пальцы остановились на застежке бюстгалтера, мое сердце забилося быстрее. Я инстинктивно потянулась и схватила его за рубашку, чтобы устоять на ослабевших ногах.

И ощутила, как бюстгалтер растянулся и упал, открывая его разгоряченному изучающему взору мои округлые груди. Я опустила глаза на его рубашку, не в силах справиться с волнением от того, что стояла почти обнаженная. Положив руки мне на спину, Ромео скользнул ладонями вверх и схватил мои волосы в кулак, приподнимая мой подбородок.

Мои глаза были закрыты, но даже сквозь сомкнутые веки я ощущала его пронизывающий взгляд.

— Открой.

Я покачала головой, не уверенная, что смогу справиться с интенсивностью напряжения между нами — воздух практически трещал от сексуальных флюидов.

Усилив хватку, он потянул меня за волосы.

— Открывай. Я не стану просить снова.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и подняла отяжелевшие веки. Ромео наклонился и припал к моим губам в жарком поцелуе, его пальцы пробежались по моей ключице и сдавили левую грудь. Я простонала ему в рот, и его язык ударился в танец с моим. Его рука ласкала мой сосок снова и снова, посылая электрические импульсы влагалищу.

С нехваткой воздуха Ромео оторвался от моих распухших губ, и его словно перемкнуло: он подхватил меня на руки и уложил на середину кровати.

Раздвигая мои ноги, Ромео ущипнул меня за сосок, и от захлестнувших ощущений у меня спина выгнулась дугой. Надо мной нависло мускулистое тело Ромео. Одним движением растянув заклепки, он избавился от своей рубашки и остался только в линялых джинсах, низко сидящих на бедрах.

— Ты прекрасна, крошка. Вся готовая. И вся моя.

Он вновь обрушился на мои губы в умопомрачительном поцелуе, от которого я вся начала извивалась. Ромео медленно прошелся языком по моей шее и мягкими губами проложил дорожку из поцелуев между грудей. Мои бедра инстинктивно заерзали по матрасу в поисках освобождения.

Его рука нырнула в мои трусики, и пальцы стали неистово меня ласкать. Я схватила его за волосы и потянула за золотистые пряди, чтобы усилить ощущения. Зарычав от моей грубости, он резко поднялся и притянул меня за ноги к своей затвердевшей плоти.

За секунду избавил меня от трусиков, и я задрожала в предвкушении. Я еще никогда не

была так открыта, так свободна, и он увидел это на моем лице.

Нагнувшись, он убрал волосы с моего лба.

— Сейчас я возьму тебя и покажу, что ты для меня значишь, как сильно я тебя хочу и что ты моя. Ты понимаешь меня, детка?

— Я понимаю тебя, Ромео.

В ответ на мои слова по его коже побежали мурашки, я приподнялась и стала покрывать его грудь и живот пылкими поцелуями. Он издал гортанный стон и оттолкнул меня назад, в его глазах горел огонь.

Ромео передвинулся на край кровати, расстегивая свои джинсы, и я увидела, как тяжелая ткань падает на пол. Он взялся руками за черные боксеры, и я прикусила губу, наблюдая, как те последовали за джинсами. Я осмотрела восхитительное тело во всем его обнаженном великолепии, мои бедра напряглись от одного лишь вида.

Забравшись ко мне, Ромео накрыл меня своим телом, и его эрегированная плоть раздражающе уперлась в мое бедро. Одной рукой он обнял меня, а второй — приподнял мою ногу и согнул ее в коленке, его пальцы скользнули к моему теплу, дабы убедиться, что я готова. Я в жизни ни к чему не была так готова.

Ромео отстранился и потянулся к джинсам.

— Ромео, что...

— Презерватив, — сказал он, оглядываясь на меня.

Я прикоснулась к его руке, останавливая.

— Я на таблетках.

— Детка, — простонал он.

— *Пожалуйста...* я просто хочу тебя, без преград.

Он навис надо мной в мгновение ока, выражение его лица было хищным и диким. Возбужденно взял меня за бедра и потерся о мой вход, удостоившись моего рваного вдоха. В приступе нежности он склонился и очень ласково поцеловал меня. Прижался к моему лбу и, стиснув челюсти, вошел в меня одним быстрым толчком.

Я извернулась под ним от неожиданного чувства наполненности, но большое тело Ромео прижало меня, не давая ускользнуть. Его сильные руки упирались в матрас подо мной, пока он все глубже и глубже проникал в меня. Я провела ногтями по его спине и прикусила его обнаженную кожу, чтобы не закричать от удовольствия.

— Ромео... *Боже...* Я не могу... Это слишком...

Подняв голову, он легонько поцеловал меня в кончик носа.

— Конечно, можешь, детка. Тебе понравится. Это мы, это то, что всегда должно быть между нами.

Он полностью вышел из меня и замер.

— А теперь я заставлю тебя выкрикивать мое имя.

Мои глаза расширились в ожидании, и Ромео ворвался в меня — стремительно, сильно и жестко.

— Бля, ты просто великолепна.

Я зажмурилась, мои ногти еще глубже впились в его спину.

— *Ромео!*

Придерживая меня за ягодицы, он яростно задвигал бедрами, мои ноги обхватили его талию, а руки обвили шею. Он потянулся и переплел наши пальцы, используя свое положение, чтобы еще быстрее и сильнее вбиваться в меня, забирая мое сердце.

Непроизвольные стоны слетали с моих уст, а внизу живота начало формироваться нестерпимое напряжение.

Ромео поднялся с моей груди и шире расставил ноги, чтобы получить лучший угол, заставляя меня открыться еще больше.

— Ухватись за мои руки.

Разомкнув объятия, Ромео взялся за деревянное изголовье кровати, и я обхватила его бицепсы, пока он использовал свою силу, чтобы неистово вбиваться в меня снова и снова.

— Тебе нравится, детка? Нравится так сильно? — прорычал он.

Я поджала пальчики на ногах.

— Да! Да!.. — Пламя желания лизнуло мою кожу, бедра сжались.

— Давай, Мол. Кончай. *Сейчас*, — приказал Ромео, костяшки его пальцев побелели от крепкости хватки на изголовье кровати, которая уже отбивала краску со стены.

Мое тело запело в экстазе, я закрыла глаза и закричала. Я кончила.

Ромео запыхтел громче, когда я сжалась вокруг него. Я приподняла веки и увидела, как его глаза закатились, рот приоткрылся, и он издал громкий стон освобождения. Его жар излился в меня, и Ромео обмяк, прижав меня к кровати.

Мы оба тяжело дышали, я крепко держалась за его плечи. Когда он наконец поднялся, тихая безмятежность на его лице лишила меня воздуха, я провела рукой по его влажному лбу и улыбнулась.

— Привет, Мол.

— И тебе привет.

Ромео ответил мне улыбкой — широкой улыбкой, — обескураживая меня тем, как восхитительно он выглядел. И я подивилась, как такое возможно, что кто-то столь привлекательный вообще существует... и хочет меня.

Наклонившись к моей шее, он стал покусывать влажную кожу.

— Я даже и не мечтал о тебе. Заниматься с тобой любовью было... свыше всего... — Он опустил голову, не в силах закончить предложение.

Я выгнула шею, предоставляя ему лучший доступ, и успокаивающе погладила его по волосам.

— Ромео... это было... прекрасно.

Он прошелся влажными губами по моей шее и остановился на губах, нежно покусывая их и посасывая кончик языка. Осторожно вышел из меня, и я, поморщившись, втянула воздух.

Ромео поднял голову и изучил мое лицо.

— Тебе больно?

Я аккуратно свела ноги и вздрогнула.

— Да. Я говорила, что не очень-то опытна во всем этом. Я практически девственница. Ты определенно оставил свой след!

Он с улыбкой положил голову мне на живот, удивляя своей нежностью, и медленно погладил меня между ног.

— Мне жаль, что тебе больно, крошка. Но не буду врать. Мне нравится, что ты чувствуешь себя качественно оттраханной.

Я закатила глаза.

— Рада, что ты собой доволен.

Он поднял голову, услышав явный сарказм в моих словах, и сузил глаза.

— О, ты даже не представляешь, Шекспир. Подожди, и увидишь, что еще я для тебя припас.

Я затрепетала от его слов, и понимающий блеск его глаз показал, что он доволен моей реакцией.

Устроившись рядом, он притянул меня в свои объятия и начал играть с моими волосами.

— Расскажи мне то, что никому не рассказывала.

Я напряглась, и он успокаивающе взял меня за руку, побуждая заговорить.

— Что, например?

Он пожал плечами.

— Что угодно. Только то, чего никто не знает. Какую-нибудь сокровенную тайну или страх.

Я заглянула в его глаза, полные надежды, и приняла отчаянное решение сделать так, как он просит. Поделиться тем, что причиняет мне больше всего боли.

— Иногда мне так одиноко, что кажется, будто я буквально могу от этого умереть.

Боль исказила его лицо, и он лег на меня, спешно покрывая поцелуями мои губы, щеки, лоб.

— Молли, детка, ты разбиваешь мое долбаное сердце.

Я незаметно утерла непрошеную слезу.

— Это правда, и я никому этого не говорила до сего момента... до *тебя*. Для меня это очень тяжело. Просто поразительно, какой оглушительной может быть тишина, беспрестанно напоминающая тебе, что ты совершенно одна в этом мире.

Ромео нервно облизал нижнюю губу, и глаза его заблестели.

— Могу я кое-что тебе сказать?

Я смущенно кивнула. Он пробежался пальцами по моей щеке, но скорее набираясь силы, чем успокаивая меня.

— Я тоже отчаянно одинок.

Я не смогла сдержаться, слезы полились ручьем, и Ромео прижался лицом к моей шее, справляясь с нашей общей болью. Мы держались друг за друга, как за спасательный круг.

Я ощутила горечь соленых слез, скатывающихся на мои губы. Спустя несколько минут столь необходимой близости, Ромео поднял голову, и абсолютное спокойствие отражалось в его глазах.

— Мы больше не должны чувствовать себя одинокими, детка. У тебя есть я, а у меня — ты.

— Это безумие, Ромео. Мы знаем друг друга всего ничего, а мне кажется, будто всю жизнь.

Его губы растянулись в ухмылке.

— Мы предназначены друг другу звездами, Шекспир. Несчастные влюбленные, предназначенные друг другу звездами. И у нас впереди целая жизнь, чтобы узнать друг друга, в отличие от наших тезок. Я позабочусь, чтобы мы жили долго и счастливо.

Положив ладони на пылающие щеки Ромео, я притянула его к своим губам. С минуту он позволял мне вести, после чего отстранился и игриво покачал пальцем у меня перед носом, напоминая не выходить за границы дозволенного.

Резко скатился с меня и лег на спину, я положила руку ему на живот и удобно устроила голову на груди.

— М-м-м... — задумчиво протянула я.

— Что, детка? — спросил он, поглаживая мои волосы.

— Так удивительно слышать биение чьего-то сердца рядом со своим.

— Мол...

— Тсс... просто... дай мне послушать. Это дарит мне чувство невероятной... завершенности.

Сильные руки крепко прижали меня к груди, и я расслабилась, слушая ритм его сердца.

Спустя несколько минут тишины Ромео спросил:

— Эта цитата на твоём бедре, расскажи мне о ней. — Я напряглась, но Ромео обнял меня ещё крепче. — Я с тобой, детка.

— Мой... — Я прочистила горло, пересохшее от переживаний. — Мой отец использовал эту цитату в своей предсмертной записке. Он говорил мне её каждый вечер перед сном, и я хотела как-то сохранить память о нём, просто чтобы никогда не забыть.

Я услышала, как Ромео тихонько вздохнул в сочувствии.

— И ты это запомнила? — спросил он.

Я кивнула на его теплой обнаженной коже.

— Да. Я запомнила это хорошо и надолго, но у меня до сих пор есть та записка.

Он немного передвинулся.

— Правда?

Я приподнялась на локте, заметив, как он занервничал, и поняла: он понятия не имеет, что на это ответить.

— Хочешь её прочесть?

Он выглядел на удивление напуганным.

— Зачем?

— Затем, что никто, кроме меня и бабушки, её не читал. Мне бы хотелось поделиться этим с тобой. Я с каждым днем все больше и больше хочу тебе раскрываться. Это может помочь тебе понять кое-что... обо мне.

— Хорошо, — согласился он, широко раскрыв глаза.

Я медленно встала с кровати и подошла к шкафу. Достала старинную дубовую шкатулку, хранившуюся на самом верху, и повернулась к Ромео, который беззастенчиво наслаждался видом моего обнаженного тела.

Я покачала головой и рассмеялась.

— Ты не исправим.

— Просто чтоб ты знала: сегодня ночью я возьму тебя ещё раз. Я зависим, Шекспир. Как долбаный наркоман.

Привычная дрожь прошла по телу, пока я приближалась к нему. Он притянул меня в тепло своих объятий. Открыв шкатулку, я достала потертый пожелтевший заламинированный клочок бумаги и трясущимися руками передала его Ромео, который начал читать про себя.

Тишина давила все сильнее, мне было необходимо некоторое пространство. Я накинула свой новый черный шелковый халатик до колен, подошла к балкону и глубоко вдохнула свежий воздух, наблюдая, как деревья плавно раскачиваются на вечернем ветру. Неважно, сколько раз я читала эту записку, мне каждый раз было больно, и слова сами собой всплыли в моей голове:

Моя малышка Молли — пупс , это самое сложное письмо, которое мне когда-либо приходилось писать.

Во-первых, я хочу, чтобы ты знала : я любил тебя сильнее, чем любой отец когда-либо любил свою малышку с самого основания мира. Ты радость глаз моих и лучшее, что я сделал в своей жизни.

Знаю, сейчас тебе слишком тяжело все это понять, но ты поймешь, со временем. Я хочу объяснить, почему оставил тебя , и хочу, чтобы ты знала : это не из-за того, что ты что-то сделала неправильно.

В своей жизни я любил многих людей, но то, как я любил твою маму, было чем-то необъяснимым. День, когда ты родилась, стал одновременно самым счастливым и самым печальным в моей жизни. Самым счастливым — потому что появилась ты, самым печальным — потому что я потерял половину своей души.

Я был разбит, Молли, и только Бог мог меня исцелить .

Однажды, моя милая девочка, какой-нибудь счастливец поможет тебе понять, что значит любить. Он поднимет тебя над землей и покажет, каково это — отдать кому-то свое сердце и добровольно предложить в дар свою душу , которая на веки будет принадлежать ему. Убедись, что он достоин твоего сердца , и сделай все, что в твоих силах, да бы защитить то, что у вас есть.

В будущем, когда станешь старше и мудрее, ты наверняка оглянешься на мой уход, и у тебя возникнут вопросы, опасения, обвинения за то, что бросил тебя в столь юном возрасте — на этот счет у меня нет подходящих объяснений , которые смогли бы принести тебе покой . Люди могут сказать, что я был эгоистичен, оставляя тебя, но я считаю , более эгоистичным было заставлять тебя жить с отцом, существующим лишь наполовину.

С момента смерти твоей мамы моя жизнь стала одинокой и печальной , вы с бабушкой были единственным светом в моей тьме. Хочу, чтобы ты знала : я обрел покой и я в самом счастливом месте, которое только можно представить — в объятиях твоей мамы, на веки вечные .

Живи полной жизнью, моя дорогая девочка , и однажды, когда пожелает Господь, я встречу тебя у ворот рая, чтобы ты снова запрыгнула в мои объятия, а я покружил тебя, говоря, какая ты красивая, и познакомил тебя с мамой... на которую ты так похожа.

«Ты утоляешь мой голодный взор, как землю освежительная влага».

— Уильям Шекспир

Я люблю тебя.

Папа х

Я поняла, что Ромео закончил читать, когда почувствовала его у себя за спиной, жар его тела проникал сквозь тонкую преграду шелка. Оставив на моей шее нежный поцелуй, он бережно развернул меня и молча поднял на руки. Выражение его лица было нечитаемым, я обвила руками его шею, наслаждаясь этим новым чувством глубокого доверия.

Все так же молча Ромео отнес меня к столу в углу балкона и, уложив на белую поверхность, развязал пояс на шелковом халатике — ткань разлетелась в стороны. Его мягкие губы проложили дорожку из поцелуев от лодыжек до бедер, а затем он нежно

обернул моими ногами свою талию. Нависая надо мной, Ромео вошел в меня — мучительно медленно — и занялся со мной любовью. Он двигался так нежно, переплетя наши пальцы, и мы вместе достигли кульминации, безмолвно дыша в ночной тиши.

Ромео ласково и заботливо погладил меня по щеке.

— Спасибо, что показала письмо, детка. Спасибо, что доверила мне свое прошлое.

Я поцеловала три мои любимые веснушки у него на носу и маленький светлый шрам на подбородке.

— Отнеси меня в кровать, Ромео.

И Ромео выполнил мою просьбу, он уложил меня под одеяло так, будто я весила не больше пушинки, притянул к своей груди, и мы заснули сладким безмятежным сном.

Я была абсолютно и безнадежно влюблена.

Глава 16

Я подтвердила сохранение последних изменений в вордовском документе звонким кликом мышки. Я наконец-то закончила последнюю часть исследования для статьи профессора Росс, благодаря чему испытывала заслуженное чувство удовлетворения от хорошо проделанной работы. Теперь свободное время можно проводить с Ромео, а не быть прикованной к библиотечному столу.

Я отдыхала в кресле на балконе, устроив столь необходимый перерыв и наслаждаясь теплым таскалуским воздухом, когда услышала уже знакомый скрип шпалеры.

Ромео перелез через перила с угрюмым выражением на лице, и мое сердце упало. Он подошел, обхватил мое лицо руками и запечатлел долгий чувственный поцелуй на моих губах. Когда он отстранился, в его глазах полыхала страсть, и у меня перехватило дыхание, однако он просто уселся на свободное кресло рядом со мной.

— До сих пор трудишься, как я погляжу. — Он натянуто улыбнулся.

— Ага. Профессору Росс утром сообщили, что мы будем презентовать статью в Оксфорде через несколько месяцев. Теперь нужно спешить, чтобы успеть все сделать вовремя, но свою часть я уже закончила.

Поджав губы, Ромео передвинулся на край кресла.

— Ты едешь в Англию через пару месяцев? И когда ты это решила?

Я покрутила ручку в пальцах и настороженно посмотрела на него.

— С самого начала. Я ассистирую в презентации. Это очень поможет мне при выборе, где писать докторскую. Если статью хорошо примут, у меня будет возможность выбирать из лучших университетов. — Я склонила голову набок. — А что?

Ромео расстроено откинулся назад.

— Не хочу, чтобы ты уезжала. Я слишком сильно буду по тебе скучать. К тому же в это время будет игра чемпионата. Мне нужно, чтобы ты была на трибунах, болела за меня. Ты должна быть там, чтобы все прошло хорошо, ты ведь мой талисман на удачу, помнишь. Ты же не хочешь, чтобы на тебя разозлились тысячи фанатов «Тайд».

Я пылко покачала головой и пересела к нему на колени, он крепко обнял меня за талию и провел носом по линии подбородка.

— Я вернусь к этому времени. Ни за что не пропущу игру чемпионата, если туда попадет «Тайд». Не могу же я встать между народом Алабамы и его футболом, не так ли?

Он ущипнул меня за зад.

— О, мы туда попадем, детка. Не сомневайся в этом, и ты *будешь* сидеть на трибунах, болеть за меня, выкрикивать мое имя — до, во время и после игры.

Хихикая, я наклонилась и поцеловала его мягкие губы. А когда отстранилась, угрюмое выражение снова исказило его черты.

Я погладила его по небритой щеке.

— Что не так?

— Угадай с первого раза, — сделав длинный глубокий вдох, ответил он.

— Родители?

— В точку.

— Что теперь? — спросила я, побаиваясь ответа.

— Они хотят с тобой познакомиться. Пригласили нас завтра поужинать вместе с ними.

Меняют тактику.

Я отпрянула в шоке.

— Серьезно? Не думала, что они вообще когда-нибудь захотят со мной познакомиться.

— Я тоже.

Эти слова меня настолько больно ужалили, что я даже зашипела. Ромео тут же взял меня за руку.

— Я не хотел тебя обидеть, Мол, но они не рады нашим отношениям. И ясно дали это понять.

Я снова прижалась к его груди.

— Знаю. Просто это хреново.

— Я откажусь.

Я резко выпрямилась.

— Нет. Пошло все к черту, мы идем. Покажем им, как нам хорошо вместе. Увидев нас, они это поймут.

Ромео бросил на меня скептический взгляд.

— Они не поймут, и я не позволю им нападать на тебя. Я терпел это годами, не собираюсь смотреть, как с тобой будут обращаться подобным образом. Ты видела моего папочку в действии. Он не терпит неповиновения. А мама мстительная и жестокая. Почему же ты хочешь встретиться с такими людьми?

— Я хочу помочь тебе наладить отношения с родителями. — Выражение его лица смягчилось, и он поцеловал мою руку. Я убрала прядь волос с его лица. — Ты когда-нибудь расскажешь мне всю историю о твоих родителях? Все страшные тайны?

Ромео запрокинул голову назад, словно я его отчитывала.

— Мы не будем это обсуждать. Для них я просто огромное разочарование. Детали не имеют значения.

— Обо мне ты все знаешь. И про папу, и про мою жизнь. Откройся мне, — запротестовала я.

Он погладил мою руку в своей ладони.

— Да, знаю. Но... просто оставь это. Пожалуйста.

Я перестала настаивать, когда его глаза застекленели, и он начал отгораживаться от меня.

Ромео глубоко вздохнул и признался:

— В последнее время они стали еще хуже. Что-то происходит, но я не знаю что. Они всегда подталкивали меня к Шелли, но сейчас они хотят этого брака больше, чем когда-

либо. Мой отец раньше никогда так не настаивал. Что-то точно происходит, просто я не могу понять, что именно. Они звонят почти круглосуточно.

Он задумался, и у него на лбу образовались морщинки.

— Я хочу пойти.

Ромео драматично застонал.

— Ты что, не понимаешь? Это будет настоящий ад! Я не хочу ставить тебя в такое положение. Знаю, что мало рассказываю о своем прошлом, но они не хорошие люди, Мол. Я слишком хорошо это знаю. В конце концов, я их сын.

— Никогда так о себе не говори! Ты не жесток и не оскорбляешь людей, ты добрый и невероятно заботливый, особенно со мной. Позвони и скажи, что мы принимаем их приглашение.

Поднявшись со мной на руках, он отнес меня к кровати, бросил на середину и стянул с себя серую футболку без рукавов.

— Хорошо, мы пойдем, но тогда ты должна сейчас раздеться и убедить меня отвести тебя в львиное логово.

— Я и так все время для тебя раздеваюсь. Ты просто ищешь предлог.

Его джинсы упали, и я громко сглотнула от вида его соблазнительного обнаженного тела.

— Ты еще не разделась, Шекспир. Сделай это или пожалеешь, — пригрозил он.

Я сделала, как было велено. Стянула платье через голову и сразу же почувствовала его рот на своей груди.

— Мы пойдем, но тебе придется отменить все планы до конца дня. Меня придется долго убеждать, что вся эта затея не обернется огромной гребаной катастрофой... *очень долго.*

* * *

Через несколько часов, когда Ромео ушел на тренировку, я постучалась в дверь Элли.

— Кто там?

— Элли, это я. Можно?

Красотка Элли открыла дверь, и я увидела у нее на кровати Кэсс и Лекси. Я помахала им, заходя внутрь.

— Привет, а что здесь происходит? Почему меня не пригласили? — игриво спросила я, но в то же время искренне желая знать ответ. Наша четверка была неразлучной, и мне нравилось иметь таких хороших друзей. Настоящих, верных друзей, только я была немного раздосадована, что меня не пригласили на это маленькое собрание.

Кэсс встала на колени на кровати, запрокинула голову и, вращая бедрами, начала подпрыгивать.

— Ах... Ромео... о-о... черт... я... я... *РОМЕО!*

Пристроившись к ней сзади, Лекси принялась шлепать ее по заднице и толкать вперед, имитируя позу по-собачьи.

— Тебе нравится, Мол? СКАЖИ, что тебе нравится! Бля... да! — закричала она.

Я закрыла лицо руками, сгорая от стыда, и они залились смехом.

Кэсс остановилась первой.

— Мы стучались к тебе, солнышко, но, услышав из комнаты животные звуки, решили

вас не беспокоить. Похоже, у кого-то был охрененно горячий секс!

Элли обняла меня за шею и поцеловала в макушку.

— Не обращай внимания на этих двоих. Но, просто чтоб ты знала, стены здесь на самом деле очень тонкие, и хотя ты мой друг, а Роум кузен, я совсем не хочу слушать, чем вы там занимаетесь!

Лекси от души загоготала и, держась за живот, рухнула на кровать.

Я вознамерилась сбежать, но, как только повернулась к двери, Кэсс спрыгнула с кровати, перекинула меня через плечо и бросила в кучу подушек. Цокнула языком и покачала головой.

— Мы прикалываемся над тобой, Моллз. Мы все этим занимаемся... только, похоже, ты получаешь больше остальных. — Она подмигнула и засунула палец в рот... с непристойным подтекстом.

— Можно, пожалуйста, об этом не разговаривать? — прошептала я и так сильно прикусила губу, что почувствовала привкус крови.

— Девчонки, оставьте ее в покое. — Элли присела на край кровати, а Кэсс и Лекси расположились по обе стороны от меня.

— Как дела, нимфоманочка? — продолжала веселиться Кэсс, соблазнительно проведя языком по губам. И я не смогла сдержать улыбку.

Шлепнув ее по руке, я повернулась к Элли.

— Родители Ромео пригласили нас завтра на ужин. Они хотят познакомиться со мной... официально.

Мгновенно изменившись в лице, Элли потерла лоб.

— Вот черт!

Не такой реакции я ожидала.

— Ромео не хотел, чтобы я шла, но я думаю, будет правильнее пойти, так? Ну, знаешь... улучшить между нами отношения.

— Этого не будет, — твердо заявила Элли. — Мол, они не хорошие люди, ты видела лишь немного из того, на что они способны. Сделай себе одолжение и откажись. Не ходи. Будь счастлива с Роумом без их вмешательства.

— Джимми-Дон сказал мне, что они те еще гады, подруга. Вы с Роумом счастливы. Не порть это, — серьезно сказала Кэсс, коснувшись моей руки.

— Рано или поздно мне все равно придется с ними встретиться. Почему не сейчас?

Элли вскочила и принялась расхаживать по комнате.

— Потому что ты позволишь им войти в свою жизнь, а они проследят за тем, чтобы от тебя избавиться! — Она подошла и села рядом. — Это не выйдет за пределы комнаты, хорошо? — Она многозначительно посмотрела на Кэсс с Лекси, и те утвердительно кивнули.

Элли прижала пальцы к вискам, и лицо ее исказила гримаса боли.

— Я не хотела, чтобы ты услышала это от меня. Думаю, не я должна это рассказывать, но мне кажется, это поможет тебе решить, стоит ли встречаться с известными богачами Принс.

Я с опаской сглотнула.

— Знаешь, я никогда не думала, что родители могут ненавидеть своего ребенка. Родители предназначены идеализировать своих детей, но не *они*. Они его просто ненавидят. В их глазах он все и всегда делает не так. Когда он был ребенком и совершал глупые ошибки, например, пачкал одежду или разбрасывал ее, его отец просто с ума сходил от злости, брал

ремень и закрывался с Роумом в комнате. Они били его. Часто. Он неделями находился под домашним арестом, наедине с собой. Неделями маленький мальчик был изолирован от окружающего мира и выслушивал, как сильно его ненавидят, снова и снова, пока он, казалось, просто не окаменел внутри и не замкнулся в себе. Мой папа так и не простил себя за то, через что пришлось пройти Роуму, и никто из нас не знает, сколько на самом деле ему досталось. Моя семья переехала в Бирмингем, когда я была еще маленькой, поэтому я видела его только по случаю, но с каждой встречей он выглядел все хуже и хуже. В общем, такое отношение продолжалось, пока он не пошел в университет, но Роум до сих пор у них на крючке. Он не может освободиться. У него была тяжелая жизнь, и если он не женится на гребаной Шелли Блэр, то... — Она замолчала, сверкнув глазами.

Собрав все свое самообладание, она взяла меня за руку и обратилась с просьбой:

— Ты, Молли Шекспир, огромная преграда на их пути. И приглашение на ужин уж точно не для того, чтобы узнать тебя получше. Если я права, то это шанс выкинуть тебя из его жизни... навсегда. Они плохие, очень плохие люди. Пообещай мне, что не пойдешь. Не заставляй Роума через это проходить. Ты нужна ему больше, чем можешь себе представить.

Я тяжело сглотнула, в моей памяти всплыло воспоминание, как отец Ромео его ударил, а затем предостерегающие слова Элли пронеслись в голове: «Они не хорошие люди».

Но я отбросила все это в сторону. Если родители Роума поймут, что мы хотим быть вместе, его жизнь станет куда легче. Я должна попробовать, ради него.

Я втянула в себя воздух.

— Они меня не испугают.

Кэсс одобрительно хлопнула меня по спине.

— Вот это моя девочка! Покажи этим богатым ублюдкам!

Элли серьезно посмотрела на меня, не обращая внимания на Кэсс.

— Я очень надеюсь, что так оно и будет, ведь если Роум потеряет тебя, это его убьет.

— Он меня не потеряет, Роум слишком много для меня значит.

Элли надула губки.

— Молли, пожалуйста... не ходи. Умоляю тебя.

— Нет! Я должна пойти, должна попробовать... ради него. Чтобы они отбросили все это дерьмо с Шелли и позволили нам быть вместе. Это как постоянно ходить с черной тучей над головой — ожидать удара от них. Я знаю, что Ромео постоянно об этом думает! Этому нужно положить чертов конец! — закричала я.

Безучастно кивнув, Элли открывала свой шкаф и стала копаться в бездне дизайнерской одежды.

— Что ж, если ты твердо решила отправиться на этот адский ужин, нам следует убедиться, что ты хотя бы правильно одета. Оставим им как можно меньше доводов против тебя.

Глава 17

Ромео не проронил ни слова. Он пугающе молчал всю дорогу до дома его родителей. Подвинувшись на сиденье, я закинула одну ногу на его, положила голову ему на плечо и уставилась на кислое лицо. Он нервно улыбнулся мне и, крепко сжимая мое оголенное бедро, поцеловал в макушку.

Элли с девочками помогли мне собраться, нарядив в черное облегающее платье от

«Валентино» с рукавом три четверти, которое опускалось чуть ниже колен, и черные туфли на шпильке. Волосы, заколотые лишь по бокам, свободно струились волнистыми темными локонами, а в ушах красовались серьги-гвоздики с бриллиантами. На Ромео были черные брюки и белая рубашка на пуговицах. Никогда не видела его одетым столь формально. Знаю, он чувствовал себя так же дискомфортно, как и я.

— Я хочу, чтобы ты меня выслушала, ладно? — настойчиво произнес он.

Я кивнула и вся обратилась в слух.

— Вероятнее всего, они найдут к чему прицепиться. Что бы они ни говорили, не принимай это близко к сердцу. Я защищу тебя. Если тебе нужно будет уйти — в любое время, по любой причине, — мы уйдем, без всяких «но» и «если». Но пообещай мне, что не дашь себя в обиду. — В его голосе прозвучала нотка отчаяния, а глаза омрачились каким-то неизвестным, неопишмым чувством.

— Обещаю.

— Тогда почему у меня такое чувство, будто я вот-вот тебя потеряю?

Я больше не могла видеть его печальный взгляд.

— Притормози.

Ромео тут же среагировал, и гравий захрустел под колесами пикапа, когда мы съехали на обочину и остановились. Я залезла к нему на колени и начала пальцами зачесывать его лохматые светлые волосы назад.

— Ты меня *не* потеряешь.

Он не выглядел убежденным.

— Я не могу, Мол. Ты так много для меня значишь. Ты это знаешь? Ты хоть понимаешь, что я к тебе испытываю? Как сильно ты мне нужна? Ведь это так. Знаю, я не много говорю о своих чувствах, но... но... я... я...

— Ш-ш-ш... ты не обязан это делать. — Чувство любви поразило в меня, как метеорит поверхность земли, и мне пришлось прикусить губу, чтобы не рассыпаться в его руках. Он опустил глаза, и удушающая горечь воцарилась в салоне автомобиля.

— Ромео, лишь благодаря тебе я чувствую себя счастливой. Мне так долго было плохо. Ты вернул меня к жизни. Ты это знаешь?

— Они не хорошие люди, детка. Знаю, ты мне не веришь, но сегодняшней ужин устроен исключительно для того, чтобы они смогли утвердить свою власть надо мной. Они всегда только это и делают. — Его голова упала мне на грудь. — Они никогда меня не отпустят, никогда не позволят быть просто счастливым с тобой. Они обязательно что-нибудь придумают, они всегда делают что-то, чтобы разрушить мою жизнь. — Он вздрогнул и попытался снять меня с колен. — Мы возвращаемся домой, нам не нужно это дерьмо.

Я положила руки ему на плечи и надавила со всей силы.

— Нет, мы едем на ужин.

Ромео обвил руками мою талию, и мы просто вот так вот застыли, собираясь с мыслями, расслабляясь и успокаивая натянутые нервы. В конце концов он поднял голову, почти полностью спрятав своего внутреннего маленького потерянного ребенка за дерзким выражением лица.

Почти.

Я наклонилась вперед и подарила ему сладкий поцелуй, нежась в его аромате. Обняв его еще раз, я вернулась на свое сиденье, и Ромео, вздохнув, включил зажигание. Мы снова выехали на тихую проселочную дорогу, и я невесело рассмеялась.

— Что? — сухо спросил он.

— Я наивная Джульетта Капулетти, которая, рискуя всем, идет на ужин с Монтекки.

Он закатил глаза.

— Бля, Джульетта не была настолько глупой, чтобы так рисковать. Они просто сбежали и поженились — отличный план. Но *моя* версия Джульетты решила, что встреча со смертельными врагами чем-то поможет. Скоро увидим, правда ли это, но я уже сейчас хочу отметить, что считаю это охрененно глупой идеей.

Мне не нравилось видеть его таким встревоженным.

Он прочистил горло.

— Хотя одно все же совпадает.

— И что же это?

— Я чувствую к тебе то же, что Монтекки чувствовал к Джульетте. — Он переплел наши пальцы. — Ради тебя я бы от всего отказался.

Я снова положила голову ему на плечо, наблюдая через лобовое стекло, как утомленное солнце клонится к закату. Я глубоко вдохнула и улыбнулась самой себе. Ничто из того, что его родители скажут или сделают, не сможет заставить меня от него отказаться.

Ничто.

* * *

Нерушимо держась за руки, мы с Ромео поднялись по внушительным ступенькам огромного особняка с белыми колоннами. Моя рука дрожала, но Ромео ничего не говорил. Он просто крепко ее сжимал.

Мы подошли к двери, и он повернулся ко мне.

— Во-первых, ты выглядишь потрясающе, детка.

— Спасибо.

— Во-вторых, помни, что я сказал. Не позволяй им себя обидеть. Несмотря ни на что.

Я скрестила пальцы на удачу, и как только он собрался постучать в дверь, та открылась, и перед нами предстала ультрагламурная, лет пятидесяти с хвостиком, мама Ромео в красном костюме-двойке и жемчугах. У нее были светлые, аккуратно уложенные, короткие волосы, а в руке она сжимала неразбавленный виски, от сильного запаха которого меня едва не стошнило.

Ее рубиново-алые губы скривились в жестком оскале, когда она посмотрела на Ромео, совершенно не замечая моего присутствия.

— Ты опоздал.

Ромео напрягся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мама. Как всегда, рад тебя видеть.

Миссис Принс скривилась в отвращении.

— Жаль, не могу сказать о тебе того же. — Она развернулась на заплетающихся ногах, явно будучи уже нетрезвой, и побрела к высокой арке слева.

Ромео медленно вдохнул и закрыл глаза, успокаиваясь. Я поняла, что такое отношение было привычным. Его реакция говорила сама за себя. Когда он посмотрел на меня, я ободряюще улыбнулась, стараясь перестать скрежетать зубами. Я была в ярости.

Мы прошли за его матерью и, когда повернули за угол, оказались в черно-белой, богато

обставленной гостиной, мистер Принс в идеально скроенном сером костюме стоял у огромного камина, ожидая нашего появления. Мне сразу же стало неловко в его обществе.

Миссис Принс присоединилась к своему мужу, и отец Ромео выпрямился, словно с издевкой спрятав руки в карманы. Не было ни приветствий, ни теплых объятий, только холод, пробирающий до костей.

Мистер Принс повел подбородком в сторону Ромео.

— Ты заставил нас ждать, мальчишка. Это *неприемлемо*.

Ромео переступил с ноги на ногу.

— Я думал, у меня будет тренировка. Но, как оказалось, ее не было. Я приехал, как только смог.

Мистер Принс выглядел оскорбленным.

— Как же нам повезло, — съязвил он. — Не понимаю, зачем ты тратишь время на всю эту футбольную чепуху. Мы оба знаем, что ты не пройдешь отбор.

Я удивленно посмотрела на Ромео, но единственными признаками того, что слова его отца произвели хоть какой-либо эффект, были сжатые челюсти и молчание.

Миссис Принс позвонила в колокольчик, не дав Ромео ответить, и указала на роскошный диван цвета бронзы.

— Почему бы нам всем не присесть? — пробормотала она.

Мы с Роумом на одеревеневших ногах направились к дивану, его рука крепко сжимала мою, не отпуская.

Через минуту прислуга в классической черно-белой форме вошла в гостиную.

— Четыре бокала «Боллинджера», — грубо приказала миссис Принс. Пожилая горничная кивнула и удалилась.

Чета Принс присела напротив нас на идентичный диван.

— Итак, *Молли*, не так ли? — прямо спросила миссис Принс.

Я кивнула.

— Да.

Ее верхняя губа скривилось, как будто бы в отвращении.

— Слышала, ты здесь по обмену?

— Да, я приехала в начале учебного года, чтобы получить здесь степень магистра.

— И как же ты познакомилась с Роумом?

Я повернулась к Ромео и улыбнулась. Он глянул на меня краем глаза и сжал мою руку.

— Мы познакомились в первый день занятий.

Ромео улыбнулся и, наклонившись, нежно поцеловал меня в макушку.

— Лучший чертов день в моей жизни.

— Ну разве это не... *мило*? — произнесла миссис Принс, фальшь сочилась из каждого ее слова.

Мы с Ромео вернули свое внимание к его родителям, они оба нахмурились, показывая, что не в восторге от нашего маленького проявления привязанности.

Пожилая горничная уже с напитками снова вошла в гостиную, прервав неудобный момент, и передала каждому по бокалу. За отсутствием тостов я быстро пригубила шампанское, а миссис Принс покончила со своим одним большим глотком, после чего налила себе еще виски из большой бутылки на столе.

— Итак, *Молли*, полагаю, ты знаешь о планах Ромео по окончании университета? — спросила миссис Принс.

— Вы имеете в виду футбол? — спросила я, слегка сбитая с толку ее странным тоном.

Родители Ромео громко рассмеялись с покровительственными выражениями лиц.

— Разумеется нет! Мы говорим о его долге возглавить семейный бизнес, — холодно отрезал мистер Принс.

— *Папа*, — предупреждающе произнес Ромео.

— Она должна знать, Роум, — с издевкой ответил он. Было ясно, что они к чему-то ведут. — Она должна знать, что у тебя не будет времени вести образ жизни игрока.

— *Прекрати!* — огрызнулся Ромео, на сей раз вложив в свои слова больше силы. — Мы не будем обсуждать это сегодня.

Лицо мистера Принса налилось краской от ответа Ромео, и напряжение в гостиной стало практически осязаемым, когда отец с сыном начали сверлить друг на друга взглядами.

Я прочистила горло.

— Могу я воспользоваться ванной? — Мне просто необходимо было некоторое пространство, нужно было успокоиться и собраться с духом, чтобы достойно выдержать этот вечер.

Отведя взгляд от отца, Ромео тревожно посмотрел на меня.

— Я провожу тебя, детка.

Мы встали и без оглядки вышли из гостиной, оставляя его родителей шептаться на диване.

Когда мы оказались в роскошном холле, я застыла на месте.

— Невероятно! — рыкнул Ромео, сжимая свободную руку в кулак.

С хитрой ухмылкой на лице в дом вошла Шелли в обтягивающем черном платье и на высоченных каблуках.

Ромео напрягся.

— Какого хрена ты здесь делаешь?

Шелли легонько помахала рукой и остановилась прямо перед нами.

— Ромео, дорогой, твоя мама пригласила меня сегодня повидаться с тобой.

Во мне все оборвалось, и меня затопило чувство разочарования. Они нас подставили.

Мы с Ромео созерцали, как Шелли вошла в гостиную навстречу гостеприимным объятиям Принсов, после чего все трое переключили свое внимание на нас.

Мать Ромео со злобной усмешкой на перекаченном ботоксом лице гордо стояла за Шелли, все фальшивые любезности моментально исчезли.

Ромео сделал шаг вперед, его мускулы заметно напряглись под рубашкой.

— Да как вы смеете так с нами поступать!

— Как поступать? Шелли часть семьи, и Молли нужно знать о паре фактов, которые могут повлиять на ваши маленькие... отношения, — сказал мистер Принс спокойным голосом.

Ромео отпрянул.

— Не начинай снова это дерьмо, и раз уж мы об этом заговорили, относись к Молли с большим гребаным уважением!

Мистер Принс с насмешливой улыбкой на устах наигранно отвесил мне царский поклон.

— Ваше величество, как поживает королева? — Шелли и мать Ромео засмеялись, а у меня от унижения волосы встали дыбом.

— Для чего вы нас сюда пригласили? Чтобы повидаться с ней? — Боль окрашивала

каждое произнесенное Ромео слово. — Все это было туфтой? Вы планировали растоптать Молли, как только она войдет в эту дверь?

— С какого рожна нам встречаться со шлюхой, охочей до золота? Еще и за ужином ее развлекать? — прорычал мистер Принс. — Она так чертовски бедна, что и столовыми приборами наверняка пользоваться не умеет. Шел нам многое рассказала про твою «девушку».

Я даже не дрогнула, силясь казаться безразличной. Вот только сомневаюсь, что это сработало.

Мистер Принс рассмеялся в ответ на мое молчание.

— Сегодняшний вечер — это только начало. Мы хотели, чтобы ты показал нам свою новую игрушку. Приглашение на ужин казалось подходящей идеей. И вот ты здесь. И слушаешь очень внимательно. Ты сделаешь так, как я скажу, и закончишь весь этот фарс. *Немедленно*. Пошли свою маленькую британскую шлюшку куда подальше... лучше всего обратно через Атлантику.

Ромео аж поперхнулся.

— Вы пригласили нас сюда, чтобы разбить нашу пару? Боже, это слишком даже для вас!

Его мать рассмеялась, и янтарная жидкость из ее до краев наполненного стакана расплескалась.

— Молли должна понять, что ее хитрость тут не прокатит. — Она встретилась со мной взглядом. — Оставь его в покое. Ты ведь не представляешь, с кем связываешься, не так ли? Шелли обручена с Роумом, и какое-то ничтожество из трейлерного парка этому *не* помешает. Этой договоренности много лет. — Ее холодные глаза выглядели устрашающе. — Я всегда получаю то, что хочу, милочка. Просто запомни это.

— Я не обручен с ней и никогда не буду! На хрен ваше долбаное состояние, мне это все не нужно!

Ромео сжал мою руку и потянул к двери. Я увидела, как его мать бросилась за нами, и когда Ромео повернулся посмотреть, что привлекло мое внимание, она замахнулась и залепила ему пощечину, от звука удара я вскрикнула и прикрыла рот рукой.

— Бесстыжий мальчишка! Да как ты смеешь так с нами разговаривать после всего, что мы тебе дали? Ты худшее, что когда-либо случилось с этой чертовой семьей, ты неблагодарный кусок дерьма! Ты никогда не можешь поступить правильно, так? Всегда все портишь, и вот теперь притащил *это*, хуже и найти нельзя было, — пронзительно заорала она, едва ли не тыча мне пальцем в нос.

— Возьми свои слова обратно, — произнес Ромео сквозь зубы, закрывая меня своим телом.

Миссис Принс прижала свои маникюренные красным лаком руки ко рту и ахнула.

— Или что, *Ромео*? Ты ударишь меня, свою маму? Ударишь женщину?

— Хватит! — рывкнул отец Ромео, заставляя всех замолчать. Выйдя вперед, он взял Ромео за ворот рубашки и притянул к себе. Ромео просто позволил ему это сделать, его глаза были пустыми.

— Еще раз так заговоришь с матерью, и я тебя прикончу. Больше я это обсуждать не стану. Хватит трахать эту девку, пора понять, что происходит. У тебя в жизни есть одна гребаная цель: делать так, как мы говорим, и исполнять свои обязанности Принса. Так что займись этим! И перестань быть таким тупоголовым засранцем. — Голос его отца был глубоким и зловещим, требуя полного повиновения Ромео.

Мистер Принс оттолкнул Ромео назад, и мне пришлось поймать его, чтобы не быть сбитой с ног. Ромео выпрямился и взял мое лицо в ладони, проверяя, в порядке ли я. Конечно, нет. Думаю, никто бы не был в порядке после таких отвратительных нападков. Он увидел боль в моих глазах и со стоном крепко прижал меня к себе.

Его самый страшный кошмар только что стал реальностью.

Ромео повернулся к своим родителям.

— Все кончено. С вами. Я выбираю Молли. Я больше не буду частью этой гребаной жизни. *Господи боже!* Что еще вы можете мне сделать?! Вы самые худшие чертовы люди, которых я когда-либо знал. Я ваш единственный сын, а вы меня терпеть не можете. — Он вышел вперед, заставляя их слушать внимательнее. — Вы вообще меня когда-то любили? Хоть однажды *что-то* ко мне испытывали?

Мистер и миссис Принс переглянулись и прыснули со смеху, их гогот отдался эхом в огромном холле. Я была уверена, что только что стала свидетелем воплощения чистого зла.

Его отец выступил вперед.

— Как тебя можно любить? Как можно любить камушек в ботинке? Ты просто одно гигантское разочарование. Но ты все равно *выполнишь* свой долг перед семьей. Мы заставим тебя это сделать, попомни мои слова.

Шелли поерзала на диване, не в силах спрятать свой дискомфорт от всей этой сцены. По крайней мере, она не казалась столь же кровожадной, как его родители, она больше смахивала на пешку в их игре.

Ромео взял меня за руку, и я чуть не вскрикнула от того, как сильно он сжал мои пальцы.

— Мы уходим. Самое больше разочарование вашей жизни больше не вернется.

Ромео потянул меня за собой, я рискнула оглянуться и увидела неприкрытую ярость на лицах его родителей.

— Вернись, *мальчишка!* Мы еще не закончили! — выкрикнул мистер Принс. Ромео не остановился, и у меня появилось чувство, будто мы только что разожгли очень опасное пламя.

Мы вылетели из дома, и Ромео потянул меня к пикапу. Открыл дверь и практически затолкал меня внутрь. Сел рядом и вырулил с подъездной дорожки.

Капельки влаги заблестели на моих бледных руках, крепко сжатых на коленях, и когда я подняла дрожащую ладонь, обнаружила, что это были слезы вперемешку с тушью — они ручьем лились из моих глаз. Ромео излучал напряжение. Он даже не взглянул на меня, пока я медленно впадала в отчаяние на мягкой черной кожаной обивке сиденья.

— Ромео... — прошептала я.

— Не сейчас! *Боже!* Просто... помолчи... — огрызнулся он, его глаза были полны боли.

Я вздрогнула и сжалась у окна, прячась от его гнева.

Он предупреждал меня, Элли предупреждала меня. Я не послушала, проигнорировала правду. Я видела, как его отец напал на него, но никогда не думала, что Ромео приходилось *так* жить. Многие годы он подвергался насилию и жестокости.

Мое плечо впечаталось в металлическую дверь, когда Ромео резко свернул направо, и я увидела, что мы едем к речке. А мне просто хотелось домой. Хотелось забыть весь этот вечер и подумать, что делать дальше.

Перед нами появилась медленно бегущая речка, мерцающая серебром в свете сумерек, но, к моему удивлению, мы не остановились.

Мы проехали еще около мили дальше по дороге среди хлопковых полей, и нашему взору открылась маленькая одноэтажная деревянная хижина. Пикап резко затормозил, Ромео распахнул дверь и бросился в хижину, после чего последовали треск и грохот.

Я осталась в «додже». Мне не хотелось заходить. Впервые поведение Ромео меня напугало. Я знала, что он не причинит мне вреда, но и находиться рядом с ним сейчас не хотела. Сейчас он был совершенно непредсказуем.

Я прислонилась головой к холодному стеклу и залюбовалась миллионами звезд на ночном небе — я всегда ощущала себя маленькой и незначительной перед просторами Вселенной. Но сегодня это изменилось. Несмотря на то, как мало мне было известно, я понимала, что наши проблемы просто невероятных масштабов, и невольно снова и снова проигрывала в памяти произошедшее совсем недавно.

Боже мой, я никогда такого не видела.

Принсы ненавидели Роума. Его родители искренне его презирали и, казалось, гордились этим фактом. Они били его, угрожали ему и словесно порвали меня в клочья.

Как он справлялся с этим всю свою жизнь?

Пусть я и пережила многое, потеряв свою семью, но знала, что такое любовь, безусловная любовь. Ко мне никогда плохо не относились. Жизнь Ромео, очевидно, была сущим адом.

Я ощутила укол вины, когда подумала о том, как он постоянно помогал мне, говоря, что я смелая и сильная, вытаскивал меня из моей раковины. И хотя на самом деле *его* сила вдохновляла меня, *ему* нужна была поддержка.

Время шло, ночь становилась устрашающе тихой. И я поняла, что мне нужно пойти к нему, успокоить его, показать, что я не сдалась, и наконец-то сказать, как сильно я его люблю.

Глава 18

Покосившаяся дверь хижины открылась со скрипом, являя мне крошечную пыльную комнатку, которая могла похвалиться лишь неровными потрескавшимися половицами, старым потертым коричневым диваном и нечистым столиком на двоих. Ромео стоял у дальней стены, прислонившись к ней лбом. Его рубашка была не заправлена, рукава закатаны до локтей, а воротник все так же помят в том месте, за которое дергал его отец.

Судя по тому, что у него на спине напряглись мышцы, он услышал, как я вошла. Я прикрыла дверь, а когда обернулась, Ромео уже смотрел на меня, злость искажала его прекрасные черты.

— Ты не должна была заставлять нас туда идти! — закричал он так громко и эмоционально, что я аж подпрыгнула. — Я тебя предупреждал! Говорил, что они не в восторге от наших отношений, но ты меня не послушала. Сказала, что все будет хорошо, они увидят нас вместе и поймут, как мы друг другу дороги. *Но нет!* Вместо этого ты попала на гребаную экзекуцию. Боже, Мол! Как они с тобой обращались...

Я дала ему выговориться. Ничего не отвечала, просто держала голову высоко поднятой и позволяла ему выплеснуть накопившееся.

Он подошел ко мне и остановился в паре сантиметров.

— Я говорил, что они меня ненавидят, и тебя тоже возненавидят. Мы попали под удар, и теперь я тебя потерял. Ты уходишь от меня, не так ли?

— Роум...

— Я мог это остановить, нет, *должен* был! Я знал, на что они способны, и все же поверил, что ты с этим справишься. Но я видел твое лицо, Мол! Ты, блядь, закрылась от меня!

Я протянула руку, успокаивая его.

— Мне плевать, что они мне сказали, но мне не безразлично, что они делают с *тобой*. Почему они так сильно *тебя* ненавидят, Ромео? Должна же быть причина. Это было за гранью жестокости. Родители не могут просто так ненавидеть своих детей! — Я обняла себя за талию, ощущая холод печали. — Твоя мать... то, как она тебя ударила. Как она может так относиться к своему единственному сыну?

Ромео провел рукой по спутанным волосам. Я знала, что означал этот жест — он решал, стоит ли мне рассказывать.

В конце концов он подался вперед и в отчаянии схватил меня за плечи.

— Потому что я не ее сын! — выкрикнул он так громко, что у меня зазвенело в ушах.

— Ч-что?

— Потому что. Я. Не. Ее. Сын. Ты так сильно хотела знать, почему они меня ненавидят. Что ж, теперь ты знаешь.

— *Нет*... — едва прошептала я.

Он выпустил меня из своей хватки и провел руками по лицу, вышагивая по старому потертому желтому ковру.

— Мать не могла иметь детей. Эта чертова сучка бесплодна. Единственное, что она должна была сделать как идеальная жена, так это родить, но она не смогла, не смогла подарить великому Принсу, нефтяному магнату всея Алабамы, наследника.

— Боже мой, Роум...

— Они не могли усыновить ребенка, ведь это было бы позором. Не могли найти суррогатную мать, не оповестив всю Таскалусу, что *она* не может иметь детей. Но судьба вовремя решила вмешаться.

Мое сердце разрывалось с каждым ударом, пока я слушала признание Ромео. Я не могла говорить. Я была не в силах помочь ему справиться с грузом, который он носил в своем сердце все эти годы.

— Одна из множества высокооплачиваемых шлюх моего папаши явилась к их порогу, беременная ребенком, которого не хотела, но была готова отдать его биологическому отцу... за хорошую цену.

Мое сердце упало.

— Да, Мол. Меня. Папаша сделал тест на отцовство, и тот оказался положительным. Так я стал гребаным наследником его состояния. Но шлюха отдала меня с одной оговоркой. Они должны были сохранить имя, которым она меня нарекла. Она хотела власти, хотела поиграть в какую-то бредовую жестокую игру со своим постоянным клиентом — наверное, бесилась из-за того, что навсегда останется для него просто мимолетным трахом. Мое имя — клеймо на всю жизнь, чтобы я не забывал, откуда появился, а моя мать презирала его, презирала *меня*.

— Ромео, — предположила я.

— Ромео.

Он почесал темный щетинистый подбородок.

— Вот так. Я внебрачный сын своего отца, но я был им нужен, не так ли? Главным

фактором послужило то, что отец хотел сохранить финансовые активы в семье. Он планировал завести ребенка, наследника. Мое появление убедило его, что все еще может осуществиться. Они заплатили шлюхе, чтобы та держала мое появление в тайне. Потом исчезли на год, ну, знаешь, поехали в какой-то гребаный круиз, а вернулись с ребенком. И конечно же, все купились на ложь крутых миллионеров.

Успокоившись, Ромео уперся руками в спинку дивана и опустил голову.

— Моя долбаная мать меня ненавидит. Я для нее живое напоминание о том, что отец ей изменял. Но это не единственная причина, почему они такие. Они ожидали послушного, идеального ребенка, который при команде «прыгай» спросил бы только «как высоко». А им досталось такое разочарование, как я. Я добился успехов в спорте, и у меня есть *собственная* голова на плечах, *собственные* планы на жизнь, что *неприемлемо для Принсов!* Как я посмел? Как посмел захотеть чего-то для себя, после того как они столь самоотверженно меня приняли? Взяли меня к себе и напоминали каждую гребаную минуту, каждого гребаного дня, что я плод перепихона за деньги. Они избивали меня, чтобы я даже мяч в руках держать не мог, ведь если я не смогу бросать, то и играть не смогу. Поэтому отец делал это постоянно. Вот такая еженедельная традиция отца и сына.

— Н-никто тебе не помог? Никто не понял, что происходит? — спросила я сквозь сдавленное горло.

Он невесело рассмеялся.

— Кто пойдет против влиятельного миллионера и спросит, почему его ребенок вздрагивает от каждого прикосновения?

Я вздохнула и попыталась смягчить едкое жжение в легких. Весь образ Ромео, крутого парня, распался у меня на глазах

— Потом, чтобы сделать еще хуже, их ребенок-разочарование должен был дважды отказаться от драфта НФЛ, пожертвовать своими мечтами, только чтобы люди случайно не узнали, что на самом деле он не биологический сын Кэтрин Принс, не ее гордость и радость. Скелеты должны быть *надежно* заперты в шкафу!

Ромео встал передо мной и, словно униженный, широко развел руки.

— Вот так, Мол. Вот почему мои родители так меня ненавидят, а наши с тобой отношения лишь подлили масла в огонь разочарования в их гребаном «обожаемом» сыночке.

Я осторожно шагнула вперед и дрожащими руками поправила его воротник.

— Вот почему все зовут тебя Роумом, а не Ромео... вот почему ты так ненавидишь это имя. Оно напоминает тебе о прошлом.

Он робко наблюдал за моими действиями.

— Да, моя биологическая мать сказала, что если они не оставят имя Ромео, то она все расскажет прессе, они не могли этого допустить, поэтому согласились... *по неволе*. Ее заставили подписать договор о неразглашении. — Он снова невесело рассмеялся. — Да и с чего бы самой богатой семье в Алабаме называть сына *Ромео*? На людях родители всегда звали меня Роумом, но в семейном кругу я был Ромео. Они называли меня так в насмешку и назидание. *Ромео* — сын шлюхи, *Ромео* — плохой подарок, который нельзя вернуть. Мне *никогда* не давали забыть об этом.

Я нежно поцеловала его в шею.

— Куда делась твоя биологическая мать?

— Наверное, вернулась в ту же дыру, из которой выползла.

— Ромео, я...

Его лицо исказилось, и он меня оттолкнул.

— Ты уйдешь от меня, не так ли? Я знал, что потеряю тебя. Просто знал. Кто ж согласится разгребать дерьмо моих родителей? Я не стою того, через что тебе придется пройти вместе со мной, верно? — Печаль исказила его черты лица, и он рухнул на старый коричневый диван, расположенный перед грязным неразведенным камином. Жгучие слезы потекли по его щекам, а широкие плечи затряслись от рыданий. Никогда не видела, чтобы он плакал.

Это едва меня не убило.

Я села на диван рядом с ним и притянула его в свои объятия. Он плакал, положив голову мне на колени. И я плакала вместе с ним. Плакала о маленьком мальчике, не знавшем любви. Плакала о маленьком мальчике, у которого не было детства. Плакала о мужчине, который так много мог предложить миру, но его сдерживали твердые руки его жестоких и манипулятивных родителей.

Когда он немного успокоился, я обхватила его лицо ладонями и заставила посмотреть на себя.

— Ромео...

— Я люблю тебя... Я люблю тебя, — снова и снова шептал он с широко открытыми, обезумевшими глазами, лаская мои влажные щеки кончиками пальцев.

— Ч-что? — Мое сердце подскочило к горлу.

Ромео поднялся на колени на диване и откинулся на спину, увлекая меня за собой.

— Я люблю тебя. Люблю больше, чем когда-либо мог представить возможным.

Я наклонилась вперед, моя грудь прижалась к его. Два сердца бились в бешеном ритме.

— Я тоже люблю тебя, малыш, — призналась я. — Люблю очень-очень сильно.

Его обеспокоенные глаза расширились.

— Правда, детка? Даже после...

— Я никуда не уйду. Я пришла сюда сказать тебе это. Я сидела в машине, ощущая твою боль, и поняла, что должна быть с тобой несмотря ни на что, сказать тебе, что никогда тебя не оставлю.

— Но мои родители...

— Да, твои родители — это нечто, но они не заставят меня отвернуться от тебя, отказаться от любви к тебе. Мы предназначены друг другу звездами, Ромео. Вмешательство родителей входит в комплект. — Я весело ему подмигнула.

Слабая улыбка появилась на его покусанных губах, преобразая встревоженное лицо.

— Я чувствую себя голым... как будто кто-то вывернул мою грудь наизнанку и открыл всему миру испещренное шрамами сердце.

Я расстегнула его рубашку, пуговицу за пуговицей, и поцеловала местечко, где билось его сердце. Он застонал, и я снова прижалась губами к горячей, загорелой коже.

— Никто никогда не знал, какие они на самом деле, вдали от посторонних глаз. Я ни одной душе не рассказывал. Ты сегодня была огромным камнем, разбивающим их стеклянную крепость. Я видел панику в глазах отца. Ты можешь уничтожить все, над чем они так упорно работали.

Я провела пальцами по татуировке у него на ребрах.

— Как бы плохо это ни было, я рада, что побывала там, теперь я знаю, с чем тебе приходилось справляться. Мы не можем стереть секреты и плохие воспоминания из памяти, но мы можем начать новую главу нашей совместной жизни.

Тихие слезы вновь побежали по его щекам.

— Мол...

— Ш-ш-ш... — Я покрыла поцелуями его грудь, живот, лизнула пупок и спустилась еще ниже. Откинула края расстегнутой рубашки и, принявшись за брюки, рискнула посмотреть на Ромео — его глаза горели, хищно сверкая, пока он наблюдал за моими соблазнительными действиями. Его потемневший взгляд стал диким и необузданным.

Ширинка расстегнулась легко, я стянула брюки вместе с боксерами и погладила руками его бедра. Он был нужен мне больше воздуха.

От вида его обнаженного тела мой рот наполнился слюной. Нагнувшись, я нежно лизнула его по всей длине. Ромео запрокинул голову и зарычал.

Как раз то, что мне было нужно.

Я взяла его в рот, и бедра любимого дернулись. Обхватив рукой мой затылок, он медленно задвигал ими вперед и назад. Я чувствовала в себе невероятную силу. Ощущала себя главной и обожала то, как заставляла его мне покоряться.

— Бля, Мол. Твой рот! — прошипел он, и я простонала от удовольствия, вибрация заставила его ускорить движения. Ухватившись за пояс его джинсов, я полностью стянула их с мускулистых ног и швырнула на пол, только чтобы опять нагнуться и обрушиться дождем из влажных поцелуев на его бедра и голени. Я снова взяла его в рот, лаская зубами его кожу от основания до кончика. Ромео застонал и застыл, намотав мои волосы на кулак.

Ромео Принс сорвался.

— Встань, — властно приказал он.

Я сразу же встала, наблюдая, как он скинул с себя расстегнутую рубашку и остался передо мной полностью обнаженным, возбужденным и источающим настоящую силу. Взяв за плечи, Ромео развернул меня одним быстрым движением, расстегнул до поясницы молнию на платье, и оно моментально слетело на пол, превратившись в смятую горку черной ткани.

Одной рукой он расстегнул мой лифчик, а другой — развязал ленточки сбоку на черных трусиках. Все, что прикрывало мое тело, упало на пол вместе с болью и муками этого вечера.

Утробно зарычав, Ромео вернул меня на диван и, надавливая горячей ладонью мне на грудь, устроился между ног.

— Я не говорил тебе у меня отсосать, Шекспир. Ты же знаешь, что сначала нужно попросить разрешения. — Его взгляд стал жестче, и я поняла, что ему нужно. Ему было нужно вернуть контроль после того, как родители изрядно жестоко лишили его гордости.

— Теперь твоя очередь, — заявил он и жадно припал губами к моему естеству, его язык неустанно выводил круги, втягивая мою плоть в рот. Мгновенное удовольствие заставило меня вжаться в диван.

— Схвати меня за волосы.

Я сделала, как он велел, ощущая трепет экстаза, танцующего по моей коже.

— Тяни! Сильней!

Я потянула сильнее, заслужив удовлетворенный рык. И быстро кончила, вцепившись в светлые волосы и расплывшись в наслаждении от его рта.

Теплые руки поднялись по моему разгоряченному телу к талии, и применив свою невероятную силу, Ромео перевернул меня на живот. Прижал грудью к спинке и расположился сзади. Взяв за волосы, притянул меня к своим жаждущим устами и грубо поцеловал, давая попробовать собственный вкус на его языке.

Бедрами раздвинул мои ноги и заполнил меня одним сильным толчком. Я распласталась на мягкой ткани, мое тело содрогалось, пока он вбивался в меня, каждое его движение сопровождалось моим долгим стоном. Ромео дирижировал нашим занятием любовью именно так, как хотел: жестко, сильно, но с искренней любовью.

— Скажи, что любишь меня, — проурчал он.

Я закатила глаза, прикусив губу.

— Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю.

Он громко застонал и стал брать меня еще жестче. Я еле сдерживалась.

— Скажи, что никогда меня не оставишь.

Опьяненная страстью, я больше не могла вымолвить ни слова, просто сжимала в кулаки старую кремовую накидку возле себя.

Он резко остановился, и я попыталась пошевелиться, чтобы снова ощутить столь сладкое удовольствие, но Ромео крепко удерживал меня на месте.

Ромео уперся руками в подголовник, прижался грудью к моей спине, и я почувствовала мятное дыхание у своего уха.

— Делай, как я сказал, или я не дам тебе желаемого, а я знаю, как тебе это нужно.

— Ромео! Хватит! — отчаянно запротестовала я.

От его едкого смеха по коже побежали мурашки.

— Сделай это. Поняла? — процедил он сквозь зубы, потянув меня за волосы.

— Какого черта! — возмущилась я, весьма расстроенная тем, что он остановился. Я оглянулась через плечо и увидела, что он крепко сжал челюсти в ответ на мое поведение.

Он не собирался отступать.

Моя голова сокрушенно упала на подушку.

— Да, блин, я тебя поняла!

Ромео рывком ворвался в меня и пробормотал:

— Ты и вправду поняла меня, крошка. Ты единственная, кто вообще меня понял. Единственная, кто все знает. — Его толчки становились все сильнее и быстрее, от близости его кожи моя спина пылала.

— Скажи, что никогда меня не оставишь.

— Я никогда тебя не оставлю.

Гортанно рыкнув, он обхватил мою грудь руками и покатал между пальцами бутоны сосков.

— Ты никогда не сбежишь.

— Я никогда не сбегу!

— Обещай!

— Я обещаю! — Его рука оказалась у меня между бедер, массируя чувствительную плоть, и я вскрикнула. — Ромео... я... *ах!* — Оргазм поразил меня, точно молния, разорвав на миллион кусочков и оставив невесомой и ослабевшей.

Ромео всосал в рот кожу на моем плече, помечая меня как свою собственность, и, толкнувшись во мне еще пару раз, наполнил своим жаром.

Я упала на мягкие подушки, а он лениво водил носом по моей шее.

— Я люблю тебя, крошка, — прошептал он, крепко прижимая меня к груди, пока мы пытались отдышаться.

Ромео Принс был настоящим калейдоскопом человеческих эмоций. Он трахал меня так, как будто ненавидел, но его обожание и любовь всегда этому сопутствовали. Я даже

представить не могла его другим.

Мы лежали так — удовлетворенно и расслабленно — еще несколько минут, пока я не поежилась от прохлады вечернего воздуха, который задувал сквозь щели в старых деревянных стенах.

— Замерзла? — тихо спросил он.

— Немного.

Поцеловав в висок, Ромео отпустил меня и пошел разводить огонь спичками, оставленными у камина. Совершенно обессиленная я лежала на диване и смотрела, как его красивое загорелое тело влажно блестело от последствий нашей страсти, как его тугие мускулы перекатывались при каждом движении.

Ромео повернулся ко мне и заметил, что я подглядываю. Расставив руки, он с дерзкой ухмылкой покружился вокруг своей оси.

— Можешь воздвигнуть храм, детка. И поклоняться у моих ног.

Захихикав, я бросила в него затхлую красную подушку, от которой он с наигранным раздражением ловко увернулся.

Ромео медленно направился ко мне, качая головой.

— Маленькая Молли Шекспир, разве ты не знаешь, что нельзя дразнить дикое животное?

— Я так понимаю, это ты о себе?

Он поджал губы, и я обратила внимание на небольшую ранку, которую в гневе оставила его мать.

— О, ты даже не представляешь... я реально дикий.

Возвышаясь надо мной, он накрыл мое расслабленное тело своим. Тьму в его взгляде уже заменил свет.

Я привлекла его к своим губам, нежно взяв за затылок, и тепло его тела моментально меня согрело. Освободив руку из наших объятий, Ромео стянул со спинки дивана кремовую накидку и укрыл нас. Снова обвил меня руками, и я ногтем проследила контур его татуировки на груди.

— Ты в порядке, малыш? — тихо спросила я.

Его тугие мускулы на миг напряглись, и он хрипло прошептал:

— Буду в порядке, ведь у меня есть ты.

Я положила подбородок ему на грудь, встречаясь взглядом с его темными глазами и отмечая в них печаль.

— Ты меня выбрал.

Печаль растаяла, уступая место счастью, и его губы расплылись в довольной улыбке.

— И сделал бы это снова.

Я зарделась.

— Родители когда-нибудь относились к тебе хорошо?

Покачав головой, он запрокинул голову и уставился в потолок, борясь с тяжелыми воспоминаниями. Я взяла его за руку. Со мной это проявление чувств всегда срабатывало. Он посмотрел на меня и криво усмехнулся.

— Ты когда-нибудь был счастлив?

— Нет, — прошептал он, качая головой.

— А сейчас?

— Безгранично. Я наконец-то познал, что значит любить и *быть* любимым. Но я дико

боюсь, что все это закончится. Мои родители так просто не сдадутся.

— Я ни за что тебя не оставлю.

— Обещаешь?

— Обещаю. Я люблю тебя. Я твоя.

Ромео поднес мою руку к губам и поцеловал каждый пальчик.

— И что теперь? Футбол? Слава? Мировое господство?

Он пожал плечами.

— Наверное.

— Чего ты хочешь, Ромео? Чего ты больше всего желаешь от жизни?

— Тебя.

— Нет, серьезно, малыш, чего ты хочешь? Тебе стоит только захотеть, и все будет.

Он вздохнул, опустив взгляд.

— Только тебя, детка. С тобой я чувствую себя как дома.

Я немного сползла вниз и положила голову в изгиб его шеи.

— Я твоя. Вся твоя, пока ты этого хочешь.

— Правда? Ты моя навсегда? Потому что я только что порвал все отношения с единственной семьей, которую имел.

— Ромео, ты — моя семья. Именно ты. Ты и мои сумасшедшие подруги — те, ради кого я живу. Как ты этого не понимаешь?

— Просто я не могу поверить, что это правда.

— Это так, Ромео.

— Но что будет, когда я пройду отбор? — напрягшись, спросил он. — Что, если ты поступишь в университет на другом конце страны? Или даже не в Штатах? Ты никогда не обсуждаешь со мной свое будущее, и я переживаю об этом все чертово время. Теперь у меня есть ты, и я даже представить не могу, что отпущу тебя.

Я поцеловала его в губы, жадно запуская язык в рот.

— Мы это решим, когда придет время.

По правде говоря, я сама еще об этом не думала.

Ромео приподнял бедра, его твердость томно прижалась между моих ног.

— М-м-м... Хорошо, мы со всем справимся.

— *Ромео.*

— Ты сегодня остаешься здесь со мной, у камина.

— А что это вообще за место?

— Старый дом для рабов.

Мои глаза расширились.

— *Что???*

Он рассмеялся.

— Расслабься, детка. Его отремонтировали после этого, ну, или по крайней мере вымыли. Я часто здесь оставался, когда дома было совсем плохо. Родители никогда сюда не приходили. Это типа мой настоящий дом.

Бедра Ромео задвигались сильнее, и у меня напряглись мышцы внизу живота.

— Тогда ладно, я останусь. — Я прижала его руки к дивану. — Можно я буду доминировать? Только в этот раз?

Он медленно покачал головой. Ромео, которому все нужно контролировать, снова вернулся в игру.

— Нет. Но попытка хорошая, Шекспир.

Ромео резко перевернул меня и под мой взвизг накрыл тяжестью своего тела. Игриво прикусил мочку уха и поставил меня на колени.

— Не волнуйся, крошка, я о тебе позабочусь.

Глава 19

Три месяца спустя...

— Итак, мы уезжаем в Оксфорд в пятницу, выбери: остаться там на неделю или на две. Презентация пройдет во вторник, а потом, если ее одобряют, нужно будет редактировать, подчищать и заканчивать все это веселье перед окончательной сдачей в печать. Скрестим пальцы на удачу! Я останусь в Британии на пару недель, но у тебя здесь занятия и... — широкая улыбка осветила морщинистое лицо Сьюзи, — молодой человек, к которому нужно вернуться. Я слышала, ты его спортивный талисман?

Я зарделась и опустила голову.

— Да, я, наверное, пробуду там лишь неделю, если можно? У «Тайд» чемпионат Юго-восточной конференции через несколько недель, а если они победят, то будет Национальный чемпионат через... через...

Я вскочила со стула и, подбежав к мусорной корзине, опустошила свой желудок. Сьюзи подошла сзади и круговыми движениями погладила меня по спине. Я взяла предложенную ею салфетку и вытерла рот, после чего перекатилась на задницу и прижала руку ко лбу.

— Ох, мне так плохо.

Сьюзи взволнованно посмотрела на меня.

— Ты не заболела? Ты словно сама не своя последние пару недель.

— Кажется, заболела. Меня уже два дня тошнит. Наверное, желудочная инфекция или что-то не то съела. Я ела цыпленка пару дней назад, у него был какой-то странный привкус. Вероятно, в этом все дело.

— Ты слишком много работаешь, Молли. Ты изнуряешь себя. Отоспись сегодня, тебе станет лучше. Хорошо? Возвращайся отдохнувшей, и завтра мы доведем эту статью до ума.

— Не буду спорить. Спасибо.

Сьюзи помогла подняться, и мне тут же снова стало дурно, я еле устояла на ногах.

— Может, позвонить кому-нибудь? Твоим соседкам? Парню?

Я покачала головой и оперлась на стол в поисках поддержки.

— Нет, я... — Опять накатила волна тошноты, и я буквально рухнула на пол, успев вовремя подтянуть к себе мусорную корзину.

— Боже, Молли, — ужаснулась она, положив руку на грудь.

Я достала из кармана телефон и, не поднимая от корзины головы, протянула его ей.

— Можете позвонить Кэсс? У нее занятия неподалеку. Она меня заберет.

— Конечно. Я за тебя волнуюсь. Ты выглядишь очень бледной.

Я с силой вдохнула через нос и, прислонившись к прохладной стене, прикрыла глаза.

Просто охренительно .

— Воу, подруга. Ты выглядишь как Грауч с «Улицы Сезам». — Я открыла глаза. — Ох, беру свои слова назад. Ты просто выглядишь дерьмово!

Я выдавила улыбку.

— Привет, Кэсс.

Она наклонилась, подхватила меня и подняла на ноги.

— Тебе до сих пор плохо?

Я нахмурилась.

— Это как-то находит волнами. Давай пойдем домой, пока снова не накрыло.

— Хорошо. Мой пикап снаружи.

Кэсс позвонила Лекси и Элли, и когда мы приехали, они уже были в моей комнате, вооруженные адвиллом, алка-зельтцером, пепто-бисмоллом, а также холодными и горячими полотенцами. Я не смогла сдержаться и захихикала от увиденной картины.

Лекси подошла ко мне и обняла.

— Ты в порядке, Молли?

— Просто желудочная инфекция. Ничего страшного. — Я подошла к кровати и залезла на нее, уже чувствуя себя лучше в уюте своей комнаты.

— Я оставила Роуму сообщение, — оповестила Элли.

— Не стоило. У него сегодня все равно весь день тренировка.

— Значит, прочитает его, когда закончит. — Взяв прохладное полотенце, она положила его мне на лоб, и все трое уселись рядом со мной на кровать.

— Какой фильм будем смотреть? — спросила Лекси.

— Я хотела поспать, — сказала я, прижав пальцы к пульсирующим вискам и закрыв глаза.

— Ладненько, мы останемся здесь, на случай если тебе понадобится, так что выберем сами. — Кэсс взялась перебирать мои диски в корзинке у подножия кровати.

— Хорошо, спасибо, девочки. — Я удобно расположилась на подушках, глубоко вдохнула, и тошнота начала отступать.

Элли легла рядом, в ее испанских глазах отражалась тревога. Черт, я знала этот взгляд.

— Что теперь? — застонала я.

— Шелли опять трепет языком.

А как же иначе.

— Что на этот раз?

— Говорит, что проводит все свободное время с родителями Роума и что проведет Рождество с ними... и Роумом... без тебя.

— Чушь. Он ни с кем из них не общался с той ненормальной встречи несколько месяцев назад. Мы проведем Рождество вместе, здесь, без семейных драм. И мы будем вместе, если ему придется уехать на Национальный чемпионат в Калифорнию.

Элли накрыла мою руку своей.

— Мои родители спрашивали, не хочешь ли ты приехать к нам в Бирмингем?

— Правда?

— Угу. Все должны быть в кругу семьи на Рождество, они любят Роума как родного сына, а после всех моих рассказов о тебе у них такое ощущение, будто они уже с тобой знакомы. Мой папа презирает родителей Роума и хочет показать тебе, что не все с фамилией Принс в Алабаме психи.

Я сглотнула комок в горле.

— Мы будем рады, Элли, спасибо. У меня так давно не было настоящего семейного Рождества.

Она расплылась в улыбке и радостно захлопала в ладоши.

— Круто, я сообщу им прямо сейчас.

Я откинула одеяло и свесила ноги с кровати, собираясь пойти в ванную.

— Тебя снова тошнит, Моллз? — спросила Кэсс, вскакивая с пола, чтобы мне помочь.

— М-м-м? Нет, вообще-то, я чувствую себя прекрасно. Умираю с голоду, съела бы целую чертову лошадь!

Когда я направилась в ванную, Кэсс крикнула в ответ:

— Не знай я тебя, решила бы, что ты беременна! То тебя тошнит, то есть хочешь, точно как моя сестра. — Она присвистнула на сцене боя полуобнаженного Тома Харди в фильме «Воин», и все трое захихикали.

Я застыла, от паники скрутило желудок, и пришлось схватиться за косяк ванной, чтобы не упасть.

Нет. Этого не может быть.

Я медленно повернулась и трясущимися руками прикрыла рот. Лекси первой заметила мое странное поведение и встала с кровати. Она обняла меня своими тонкими руками, но я не могла пошевелиться. Я застыла в ужасе.

— Что такое, дорогая? Слабость? Тошнит?

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить о последних месячных. Это было в ночь игры против Техасского аграрно-технического университета. Роум психовал, что у нас не будет праздничного секса, и нам пришлось пофантазировать.

Кэсс и Элли сели на край кровати, настороженно глядя на меня.

— Сколько недель назад была игра против Техасского аграрно-технического университета? — спросила я с нотками паники в голосе.

Они посмотрели на меня так, будто у меня поехала крыша.

— Когда была игра? — судорожно вскрикнула я.

Элли взяла свой айфон и открыла приложение с календарем.

— Пять недель назад. Она была пять недель назад, — выпалила она.

Мои ноги подкосились, и я сползла на ковер.

— Божечки!

Девчонки с широко открытыми глазами собрались вокруг меня, сидящей в полной растерянности, и в замешательстве стали переглядываться друг с другом.

— Молли, что происходит? Что не так? Ты нас пугаешь! Это один из приступов паники, про которые ты нас предупреждала? — Страх не давал мне говорить. — Чем мы можем помочь? Может, сбегать за Роумом?

Я посмотрела на Лекси невидящим взглядом и прошептала:

— Задерживаются.

Все трое нахмурили брови, и Кэсс спросила:

— Кто задерживается, солнышко?

— Не кто, а что. Месячные задерживаются!

В комнате повисла тишина, все трое широко раскрыли рты от удивления.

Я подскочила на ноги, не в силах больше сидеть. Я не могла забеременеть. Я была на таблетках... которые могли подвести... и у меня было море секса за прошедшие месяцы. *Черт!*

Я начала ходить по комнате.

— У меня неделя задержки, неделя задержки! Как я могла не заметить? Они уже давно

должны были начаться. Я была в таком напряжении с универсом, проектом и футболом... *черт!* У меня никогда не было задержки. Все как по часам! Я ни разу не пропустила таблетку! Что, если?..

Прошлый месяц.

Я перестала дышать.

— В прошлом месяце месячных практически не было. Я подумала, что это из-за стресса, но что, если... Что, если?..

Я положила руки на живот и погладила его, наивно полагая, что, будь я беременной, он стал бы больше. Но это не так. Он по-прежнему оставался плоским. Но он и должен быть таким. Прошел всего лишь месяц, максимум два.

Я посмотрела на подруг, которые напоминали каменные изваяния.

— Что, если я беременна?

Громко всхлипнув, я бросилась на кровать и уставилась на голубое небо за балконной дверью, мой мозг пытался все заблокировать, перейти в режим аварийного отключения — такой вот способ борьбы со стрессом. Но в этот раз я не могла отключиться. Я беременна, я просто это знала. Девушка без семьи собирается стать матерью... в двадцать лет... от такого же, если не больше, сломленного парня... чья семья ее ненавидит... и желает, чтобы она исчезла из его жизни...

Соленые слезы полились на лиловые простыни, и я услышала, как хлопнула дверь в спальню. Лекси с Кэсс присели ко мне и взяли меня за руки.

— Элли пошла купить тест на беременность. Она вернется через десять минут, — мягко прошептала Лекси.

Тест на беременность.

Десять минут.

Через десять минут я буду знать правду.

Я тупо кивнула, и Лекси легла ко мне лицом.

— Что бы ни случилось, мы с этим справимся, Молли, клянусь. Ты не одна, Роум любит тебя больше всего на свете. Он тебя поддержит. Не закрывайся, доверься тем, кто тебя любит.

Ромео.

Ромео, парень у которого семейных проблем больше, чем у меня. Ромео, которому сулит великое будущее. Ромео, который, без сомнения, не обрадуется ребенку.

Ребенок.

В моем животе может быть ребенок, крохотный беззащитный ребенок.

Мне снова стало дурно.

Я побежала в ванную и закрыла дверь, сухие позывы скрутили мой пустой желудок. После того как они прекратились, я поднялась с пола и посмотрелась в зеркало. Мои глаза покраснели от непрекращающейся тошноты, и выглядела я ужасно.

Я запрокинула голову и вынула контактные линзы, достала черепаховые очки от «Шанель» и завязала волосы в высокий свободный узел — теперь я выглядела как Молли до Ромео, до секса, до возможной беременности.

Мои щеки казались бледными и безжизненными, а губы побелели от шока. Не находя покоя, я подошла к зеркалу во весь рост, подняла футболку и уставилась на свой живот так, будто рентгеновским зрением могла узнать правду о своем состоянии. Он ни чем не отличался от того, как выглядел пятнадцать минут назад.

Открыв холодную воду, я остужала лицо, пока кожа от онемения не перестала чувствовать прикосновения. Когда я открыла дверь, Элли уже вернулась с пакетиком из аптеки. Я протянула руку, но она прижала меня к груди и крепко обняла.

— Все будет хорошо, — тихо сказала она.

На автомате взяв пакетик, я зашла обратно в ванную и закрыла дверь. Мне понадобилось двадцать минут, чтобы заставить себя сделать тест. Я оставила белую палочку на туалетном столике и вернулась в комнату, чтобы дождаться результата.

У Кэсс на телефоне сработал таймер, и с каждым сигналом мое сердце все громче билось в груди. Девочки взяли меня за руки, мы вчетвером подошли к туалетному столику и уставились на маленькую белую палочку, которая была источником столь сильного напряжения.

Спустя еще пять минут, Кэсс прочистила горло.

— Хочешь, я посмотрю? Я больше не могу таращиться на эту чертову штуку.

Я закрыла глаза. *Пять секунд вдохнуть через нос, пять секунд медленно выдохнуть через рот.* Выдохнув, я кивнула и увидела, как Кэсс взяла палочку. Она стояла спиной ко мне, так что я не могла уловить хоть какую-нибудь реакцию. Ни понурых плеч, ни оха от шока, ни вздоха облегчения.

Когда она повернулась, на ее лице ничего нельзя было прочесть. Она посмотрела мне в глаза, но ничего не сказала. Медленно подошла ко мне, взяла за руку и прошептала:

— Ты беременна, солнышко. Результат положительный.

Время остановилось, мир перестал вращаться, сердце перестало биться.

Я стояла на трясущихся ногах и не знала, что делать. Что *делать*, когда понимаешь, что внутри тебя растет маленький человечек? Тот, который появится на десять лет раньше, чем полагалось? Тот, которого совершенно не планировали?

Я не устояла. Ноги отказали, и я осела на ковер из овечьей шерсти, меня захлестнул страх. Я не могла дышать из-за волн паники, которые накатывали на меня. Три пары рук участливо поглаживали меня, девочки шептали что-то, пытаюсь успокоить.

— Что мне делать? — взвыла я в чьи-то волосы.

Элли погладила меня по голове, ее глаза были полны слез.

— Не знаю, дорогая.

Я дернула головой.

— Мне придется от него избавиться. Не знаю, смогу ли я это сделать. Ромео нужно играть в футбол, чтобы уйти от родителей. Мне нужно сосредоточиться на том, чтобы стать профессором. Я не могу это делать, будучи матерью. — Чистый страх пробежал по позвоночнику. — Мамой. Я не могу быть мамой. У меня ее никогда не было. Как я могу ей стать, если даже не знаю, что это такое? Никто не показал мне примера!

— Молли, успокойся, — умиряла меня Кэсс. — Ты слишком завелась. Для тебя это вредно. Да и этим ты точно ничего не добьешься.

Я заревела в голос и скрутилась калачиком на полу, положив голову на колени Кэсс, и вот тогда я слышала шорох снаружи и тяжелые шаги на балконе.

— Мол? *Мол!* Что с ней?

Ромео.

Кто-то поднялся.

— Роум, успокойся, ладно? — Это была Элли.

— Нет! Что с ней?! *Мол?* — Голос Ромео стал требовательным. — Она заболела?

Почему она мне не отвечает? Я получил твое сообщение и сразу же приехал.

— Нет. Она... эм...

— Это Шелли? Эта сука...

— Это не Шелли.

— Тогда что?.. Эл, ради бога, уйди с дороги!

Кэсс и Лекси встали. Ромео взял меня в свои сильные руки, отнес к кровати и, уложив на мягкие простыни, заботливо прижал к своей груди.

Уткнулся носом в мои волосы, а затем обхватил щеки ладонями, вынуждая взглянуть на него. Я утерла слезы и заметила целую гамму эмоций на его лице: взволнованность, расстройство и беспокойство за меня.

Он наклонился и поцеловал две непрошенные слезинки с моего лица.

— Детка, что случилось?

Я не могла говорить, просто смотрела на него, пытаюсь предвидеть его реакцию.

Он резко повернул голову и прорычал:

— Мне кто-нибудь скажет, какого черта здесь происходит?

— Роум, Молли должна тебе кое-что сказать. Мы пойдем, дадим вам время поговорить, — спокойно ответила Элли.

Каждая из подруг подошла и поцеловала меня в щеку перед уходом. Я села, грудь все еще часто вздымалась после моего срыва.

Когда дверь закрылась, Ромео перетащил меня на себя и заглянул в глаза.

— Детка, пожалуйста. Скажи, что случилось. Ты меня пугаешь.

Я придвинулась ближе и нежно его поцеловала.

— Я люблю тебя, Ромео.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он, и я погладила его лоб, прогоняя следы растерянности.

— Мол...

— Мне было плохо несколько дней, — призналась я, прерывая его.

Глаза его сузились.

— Почему ты мне не сказала?

— Сегодня я узнала почему.

— И... что не так? — настаивал он, его терпение было на исходе.

— Я... я...

Он зарычал и сжал меня крепче.

— *Господи!* Что ты, Мол?

— Я беременна, — еле слышно произнесла я.

Он застыл, кровь отхлынула от лица, а пальцы впились в мою кожу.

— Ты беременна? — Он подмял меня под себя и сказал уже громче: — Ты беременна?

Слезы защипали глаза, но я силилась их сдержать.

— Да, я беременна, Ромео. Беременна от тебя.

Он отстранился, сев на колени, и, крепко зажмурив глаза, запустил руки в волосы. Я следила за ним как ястреб, пытаюсь определить, что он чувствует.

Спустя пару минут удушливого молчания, я поняла, что ничего хорошего ожидать не стоит.

— Я запишусь к врачу. Просто немедленно от него избавлюсь.

Темные глаза широко распахнулись, выказывая разочарование.

— Ты убьешь нашего ребенка?

Меня обуял гнев.

— Не смей сейчас мне указывать! Хватит этого морального дерьма! Я пытаюсь сделать как лучше для нас обоих. Я со всем справлюсь. И если это значит сделать аборт, то именно так я и поступлю, но это вовсе не означает, что я *хочу* пройти через это!

В его глазах возросла паника.

— Тогда не нужно, детка, пожалуйста. Бля, ты же не хочешь от него избавляться?

— Я вообще не знаю, чего хочу!

Наклонившись, Ромео провел своими губами по моим и бережно обхватил мое лицо руками.

— Ну а я знаю.

— Но... ты...

— Господи, я был в шоке! Я *до сих пор* в шоке, но мы же говорим о нашем ребенке. Мы сделали его вместе. — Не отрывая от меня взгляда, он сполз немного вниз, задрал мою белую футболку, расстегнул джинсы и покрыл мой живот легкими, как бабочка, поцелуями. — И он никуда не денется. Пообещай мне. Я уже испытываю к нему сильные чувства, Мол. Не уничтожай ангела, дарованного нам Богом.

Слезы снова полились водопадом.

— Пообещай, что учтешь мое мнение. Не делай аборт, пожалуйста.

Я опустила голову на подушку, все чувства смешались.

— Обещаю.

Он снова лег на меня и накрыл мои губы своими. Я обвила его шею руками, и уже через секунду на мне не было джинсов и трусиков. Ромео мухой расстегнул ширинку на своих джинсах и, продолжая удерживать мои губы в плену поцелуя, медленно вошел в меня.

— Ромео... — прошептала я, беспомощно хватаясь за его плечи.

— Я люблю тебя, Мол.

Я плакала, пока он нежно занимался со мной любовью, без слов показывая мне, что мы вместе. Движения Роума стали быстрее, я сильнее ухватила за него, и мы вместе погрузились в блаженную агонию.

Я лениво водила руками по его спине.

— Так нежно мы еще не занимались любовью. Ощущения совсем другие. — Я прижалась своим лбом к его. — Мне понравилось.

Рука Ромео ласкала мой живот.

— Ты носишь ценнейшее сокровище, детка. Я должен быть более осторожен с тобой... с вами *обоими*.

Он опустил голову в изгиб моей шеи, и какое-то время мы просто лежали в объятиях друг друга.

Ромео приподнялся и с улыбкой чмокнул меня в щеку.

— С этими очками и прической ты похожа на мою старую Мол. Девушку, которую я едва увидел несколько месяцев назад в гуманитарном корпусе стоящей на коленях в ярко-оранжевых кроксах и ругающейся с этим чертовски горячим британским акцентом и сразу, без тени сомнения, понял, что однажды она станет моей. — Он потрепал мой пучок на голове и с выражением бесконечного обожания посмотрел на меня.

— Однажды, — подразнила я, поглаживая тату у него на бедре, и его глаза вспыхнули в ответ.

— Я всегда гадал, будет ли у меня семья, буду ли достаточно счастлив с кем-то... с *собой*, чтобы завести ребенка.

Внутри меня все сжалось от той боли, с которой он говорил, и я в панике задышала быстрее, думая о чудовищности нашей ситуации.

— Ромео, не думаю, что смогу быть матерью. У нас никогда не было нормальных семей. Мы даже не представляем, как *быть* нормальной семьей! Как, черт возьми, мы сможем воспитать ребенка? Мы слишком молоды, что мы можем предложить ребенку?

Он вздохнул.

— То, чего сами никогда не имели. — Он переместился и повернул мое лицо к себе. — Послушай. Вместе мы справимся. Вместе мы справимся с чем угодно. Мы сможем стать хорошими родителями.

— Но твой футбол...

— И что? Я пройду отбор в апреле, и ты поедешь со мной. С нашим сыном или дочерью. Ты сможешь продолжать заниматься докторской и идти к своей мечте. У нас будет все. Только, пожалуйста... не убивай нашего ребенка... нашего первенца.

— Роум... — захныкала я.

Он прижал палец к моим губам, заставляя замолчать.

— Меня могло и не быть, но моя мать меня сохранила. Я здесь лишь потому, что она меня сохранила, даже если на самом деле и не хотела ребенка. Да, семейка у меня еще та, но я прошел через это и нашел тебя, моя умная англичанка, девушку, которая меня спасла. Девушку, которая научила меня любить.

Я провела рукой по его расстроенному лицу.

— Твои родители решат, что я сделала это специально, чтобы привязать тебя к себе.

Его губы сжались, а выражение лица ожесточилось.

— Мне похер, что они решат. На самом деле, я не собираюсь им сообщать. Я был абсолютно серьезен, когда мы ушли из дома в тот вечер. Я покончил с ними. *Ты* теперь моя жизнь. Ты мое все. Ты и наш ребенок.

Я прижималась к своему парню, пока слезы страха, шока и огромной любви не иссякли. Ромео скатился с меня, избавил нас от одежды и укрыл одеялом. Обвил рукой мой живот и стал шептать милые слова любви и нежно и поглаживать место, где сейчас жил наш малыш.

Глава 20

— Нервничаешь? — спросила я, накручивая локон на палец.

Ромео сделал вид, что грызет ногти, а потом сжал мое колено и усмехнулся.

— Скорее ощущаю смесь волнения и предвкушения. — Он крепче прижал меня к себе. — Скоро мы увидим нашего ребенка, — радостно прошептал он и сильно сжал мою руку.

Я знала, что он переживает больше, чем показывает, но изображает беспечность, чтобы мне было спокойнее.

Последние несколько дней были... просто нереальными. Парочка дней нам понадобилась, чтобы по-настоящему осознать то, что мы ждем ребенка.

Мы ждем ребенка.

Ромео убедил меня всегда говорить именно так. Он при каждой возможности напоминал мне, что вместе со мной на все сто процентов и что мы с ним команда.

После того как мои друзья поняли, что я не расклеюсь из-за беременности, они позволили себе порадоваться за нас обоих, даже немного поволноваться, и пообещали держать язык за зубами. Я также сообщила профессору Росс, которая была, скажем так, шокирована — на самом деле, это еще мягко сказано, — но она поддержала меня и теперь помогала разобраться с тем, как мне продолжить обучение после рождения ребенка. Кроме них, никто не будет знать до конца первого триместра, когда я уже не смогу скрывать свою беременность.

Жизнь стала безумной, но быть беременной оказалось не так страшно, как я полагала.

Я записалась на прием к акушеру-гинекологу, и поскольку у моей мамы были осложнения во время беременности, которые привели к ее смерти, мне сразу же велели пройти полный осмотр. Ромео взял деньги из своего трастового фонда и оплатил услуги лучшего врача, поэтому, в отличие от простых смертных, мы, скорее всего, увидим нашего ребенка гораздо раньше положенного.

Мы с Ромео сидели в стерильной комнате ожидания в окружении глубоко беременных женщин всех возрастов и комплекций, а также кричащих детей, которые ползали под ногами. Всего этого было достаточно, чтобы напугать нас обоих до чертиков, и судя по веселым взглядам других родителей, наш страх был написан у нас на лицах.

Я посмеивалась над Ромео, который наблюдал за балующимся малышом, шепча себе под нос «Господи боже мой», когда услышала, что назвали мое имя.

— Молли Шекспир? — произнесла молоденькая пухленькая медсестра.

Я подняла руку.

— Да, здесь.

Она приветливо улыбнулась.

— Пожалуйста, пройдите за мной, врач сейчас вас примет.

Вздыхнув, я посмотрела на Ромео и поморщилась. Он рассмеялся и погладил меня по коленке.

— Вперед, Шекспир. Нечего бояться.

— Ну конечно, пять секунд назад я думала, что ты сиганешь в окно, только чтобы не слышать криков того малыша.

— Он просто удивил меня своим упорством. Но, если бы он был моим, все было бы по-другому. У нас все будет легче.

Я хихикнула ему в ухо.

— Ты мечтатель, если веришь в это, но ты хотя бы не будешь рожать. Тебе не придется проталкивать что-то размером с арбуз через дырочку диаметром с монету.

Он положил руку на сердце.

— Я бы сделал это для тебя, если б мог, детка.

— Ха! Конечно.

Он нежно сжал мою ягодицу и приказал:

— Идем уже, будущая мама, хватит жалоб.

Ромео взял меня за руку, и мы прошли за медсестрой в обычную медицинскую палату со столом, кушеткой и пластиковыми стульями для посетителей.

Медсестра протянула мне голубой халат.

— Надень это, дорогая, врач сейчас подойдет.

Она вышла из палаты, и я направилась за занавеску, чтобы переодеться. Ромео тоже встал, на что я уперлась ладонью ему в грудь.

— Э-э, и куда это ты собрался?

Положив руки мне на спину, он стал подталкивать меня вперед.

— Иду с тобой.

Я хлопнула его по рукам.

— Вернись на место! А то стыдно будет! Они подумают, что мы тут кое-чем занимаемся!

Прижавшись полными губами к ушку, Ромео соблазнительно проскользил руками на талию, и с моих уст сорвался стон желания.

— Заходи, Шекспир, хватит пререкаться, позволь мне тебя раздеть.

Глаза закрылись сами собой, его отношение возбудило меня больше, чем когда-либо. Видимо, это беременность производила такой эффект. Всю последнюю неделю я практически с него не слезала.

Ромео задернул занавеску и с диким желанием в глазах начал снимать с меня куртку и джинсы.

Когда я осталась без ничего, он легонько поцеловал меня в губы, шею и, наконец, в живот, после чего помог мне надеть халат.

— Похоже, на ближайшие несколько месяцев ты превратишься в назойливый кошмар, не так ли? — подразнила я, обводя пальцем контур его губ.

Он пожал плечами, втянув мой палец в рот.

— Я просто хочу убедиться, что с тобой и ребенком все в порядке.

Подарив ему целомудренный поцелуй, я отдернула занавеску и увидела врача средних лет, ожидающего нас с удивленной улыбкой на лице. Хороший врач, он хотя бы попытался скрыть свое веселье, когда я покраснела.

Он встал и протянул мне руку.

— Вы, должно быть, Молли. Я доктор Адамс.

— Приятно познакомиться, доктор Адамс. Это мой парень, Ромео.

Ромео протянул ему руку, и лицо доктора Адамса засияло.

— Приятно познакомиться, Пуля. Я ваш большой фанат, у меня абонемент на весь сезон. — Доктор Адамс вновь посмотрел на меня. — И вас я узнаю, мисс Шекспир Талисман, который поможет Пуле снова вывести нас на чемпионат.

Ну конечно, футбол. Мы же в Алабаме.

Ромео обнял меня.

— Это точно. Спасибо, сэр.

— Есть новости об отборе? «Сиэтл Сихокс» никакие в этом сезоне. Их квотербек выбыл из-за травмы, и вы точно должны пройти.

Ромео с опаской глянул на меня и переступил с ноги на ногу.

— Я знаю столько же, сколько и вы, сэр. Но я слышал от тренеров, что «Сиэтл» — это большая возможность для меня.

Я нахмурилась. «Сиэтл», значит? Он об этом даже не упоминал.

— Пожалуйста, садитесь. — Доктор Адамс жестом попросил следовать за ним, вырывая меня из раздумий. Я залезла на кушетку, а Ромео сел рядом на стул и сжал мою протянутую руку.

Доктор Адамс изучил мою карточку.

— Итак, вы беременны? — Я заметила вспышку удивления в его голубых глазах. Да, Ромео Пуля Принс обрюхатил девушку. Какое клише.

— Да. Я сделала тест на прошлой неделе, и он оказался положительным. На самом деле, я сделала четыре, разных фирм, и все показали, что я беременна.

Доктор Адамс вскинул бровь, улыбнувшись моему британскому акценту. Ромео поджал губы, чтобы не рассмеяться вместе с ним.

— Хорошо, сегодня мы сделаем несколько анализов и УЗИ, чтобы узнать, какой у вас срок. Вы полагаете, примерно месяц?

— Если мои подсчеты верны, то да. Но у меня были очень скудные месячные в прошлом месяце, поэтому я не уверена.

— Небольшое кровотечение в начале беременности — нормальное явление, так что срок может быть и больше. Давайте приступим?

Медсестра взяла у меня кровь, проверила показатели, вес и все такое... и в конце концов мы были готовы сделать УЗИ.

Я задрала халат, и доктор Адамс взял устрашающего вида прибор.

— Может быть немного неудобно, но это поможет нам понять, на каком вы сроке. Придется сделать трансвагинальное УЗИ, потому что у вас маленький срок.

Я посмотрела на Ромео и скривилась. Он ободряюще кивнул мне, и я растаяла от вида того, как он сидит в нетерпении практически на краю стула. Я сжала его руку, в ответ он с легкой, тревожной улыбкой поцеловал мои пальцы.

— Ну что, голубки, давайте знакомиться с вашим ребенком.

Доктор Адамс ввел пластиковый прибор, и я поежилась от неприятных ощущений. Но, когда на экране рядом с нами появилась зернистая картинка, тут же обо всем забыла. Сначала все было размыто, словно туманный шторм из ничего, пока доктор Адамс не повернул прибор, и тогда мы услышали это — быстрый ритм маленького сердца. Что-то мигнуло на экране, и мы увидели его — нашего ребенка размером с фасолинку, уютно расположившегося в матке.

Все мои страхи рассеивались с каждым мелодичным стуком крохотного сердца нашего малыша. Ромео плотно сжал губы, когда одинокая слеза медленно скатилась по его щеке. Я стерла ее большим пальцем, в полной мере осознавая, как сильно он хочет этого ребенка... хочет нас.

В этот момент я стала мамой, а судя по благоговейному взгляду на красивом лице Ромео, он стал папой.

Доктор Адамс еще немного повозился с прибором и улыбнулся.

— Все выглядит замечательно, а по размерам можно сказать, что вы... приблизительно на... *ох...* восьмой неделе.

На восьмой неделе.

Доктор Адамс нажал на кнопку, и из принтера появилась фотография, он вручил мне квадратный кусочек пленки с изображением нашего маленького ангела, именно так Ромео ласково называл нашего маленького сына или дочь.

Я не могла отвести глаз от небольшого черно-белого снимка. Ромео наклонился и поцеловал меня в макушку, не сказав ни слова, поскольку от эмоций сдавило горло.

— Можете одеваться, Молли, увидимся снова через два месяца, если не возникнет проблем, которые мы с вами обсуждали, тогда вам нужно будет срочно прийти.

— Через два месяца мы уже сможем узнать пол? — быстро спросила я.

— Будем надеяться. — Доктор Адамс встал и опять пожал нам руки, Ромео при этом еще похлопал по спине. — Поздравляю, сынок, увидимся на чемпионате в Джорджии, и

«Вперед, ‘Тайд’»!

Ромео по-мужски пожал его руку.

— «Вперед, ‘Тайд’»!

И на этом доктор Адамс покинул палату.

Между нами повисло молчание, пока мы осознавали значение того, что только что произошло.

Я отдала снимок Ромео и опустила ноги с кушетки. Ромео помог мне встать и крепко прижал меня к груди.

— Ромео, что...

— Спасибо, Мол. Просто... *спасибо...*

Глава 21

— Блин, ангелочек, я чертовски напугана! Лучше бы тебе не создавать больших трудностей при появлении на свет, — заявила я, с любовью поглаживая свой живот.

Я решила активно заняться чтением всего, что связано с беременностью, и эта маленькая идея вышла мне боком.

Да еще каким.

У меня теперь точно будут кошмары о щипцах и последствиях родов.

Отбросив свой экземпляр «Чего ждать, когда ждешь ребенка» на стол, будто он содержал какую-то заразную болезнь, разъедающую плоть, я вышла на балкон и облокотилась на перила, наслаждаясь прекрасной зеленью газона и голубизной зимнего неба.

Ситуация немного успокоилась, когда я закончила исследование для научной статьи профессора Росс и оценки за экзамены по философии были проставлены.

Большую часть времени я проводила с Ромео, и это было прекрасно.

В последние дни много чего произошло. Ромео практически переехал в мою комнату, до сих пор взбираясь ко мне на балкон как мой личный Ромео Монтеки и заставляя девушек из сестринства зеленеть от зависти. «Кримсон Тайд» выиграли последний матч против команды Луизианского университета, попав тем самым на чемпионат Юго-восточной конференции и став главными фаворитами на прохождение на Национальный чемпионат. Но самое потрясающее заключалось в том, что Ромео Принс, любовь всей моей жизни, недавно был назван лучшим квотербеком страны. Я им невероятно гордилась, хотя он до сих пор кривился, когда я ему об этом говорила.

Ах да, еще я смирилась с тем, что стану мамой.

Я буду мамой.

Я покачала головой, улыбаясь в неверии, и тут в мою комнату с безумным взглядом на лице ворвалась запыхавшаяся Элли.

— Молли, Роум только что подрался на тренировке. Он чуть не убил Криса Портера.

— Кто, черт возьми, такой Крис Портер?

— Принимающий «Тайд» и новый трахаль Шелли.

Я обула коричневые ботинки и стянула с вешалки черное зимнее пальто.

— Где он?

Элли буквально подпрыгивала у двери, стремясь побыстрее уйти.

— Он сорвался и сейчас крушит тренажерку. Тебе нужно пойти к нему. Ты

единственная можешь его успокоить.

Я выбежала из комнаты и понеслась вниз по главной лестнице.

— Что произошло? Из-за чего он сорвался? — протараторила я, когда мы вырвались на свежий прохладный ветерок алабамской зимы.

Она всплеснула руками.

— Понятия не имею. Мне позвонила Кэсс и попросила привести тебя. Твой телефон переключается на голосовую почту.

— Я выключила его, чтобы сосредоточиться на чтении.

Я побежала в сторону тренажерки, но Элли взяла меня за руку и потянула к своему красному «мустангу».

— Я отвезу. Так быстрее.

Мы запрыгнули в машину, и я начала нервно грызть ногти, гадая, что могло его так сильно расстроить. В последнее время он стал спокойнее, менее агрессивным.

Я побледнела.

— Думаешь, кто-то проболтался про ребенка? Это каким-то образом стало известно?

Элли прищурилась, выезжая на дорогу.

— Нет, кто бы проболтался? Никто из тех, кто знает, ни черта бы не рассказал. Кэсс даже Джимми-Дону не рассказала.

Я вздохнула и потеряла виски.

— Знаю. Где Кэсс и Лекси?

— В тренажерке. Кэсс собиралась встретиться там с Джимми-Доном, чтобы пойти поесть, когда Роум слетел с катушек. Лекси была с ней. Остин и Джимми-Дон вроде как пытались его успокоить, но он и на них набросился. Тренер уже ушел, так что они его там закрыли, чтобы он успокоился. Он сейчас вообще невменяемый, если даже на друзей набросился!

Я смотрела на часы на приборной панели, и казалось, секунды тянулись вечно, пока мы ехали в тренажерку. Когда мы подъехали, возле здания уже собралась толпа, и все уставились на меня, стоило мне выйти из машины и помчаться к Джимми-Дону, Лекси и Кэсс.

— Слава богу, ты здесь! — закричал Джимми-Дон, его обычно улыбчивое лицо было искажено паникой.

Я схватила Кэсс за руки.

— Где он? Что произошло?

На ее лице отразилось удивление.

— Черт, если б я знала, подруга. Остин говорит, что тренер сказал что-то Роуму наедине, и тот начал кричать, сходить с ума, а когда Крис Портер тупо пошутил над ним, он сорвался и набросился на него. Парни из команды забрали Портера, ему сильно досталось.

Я схватилась за живот, борясь с приступом тошноты.

— Джимми-Дон, где тренажерка?

Взяв за руку, он провел меня сквозь толпу студентов, которые перешептывались и глазели, когда я проходила мимо.

Мы прошли через двойные двери и побежали по коридору к Остину, который стоял, прислонившись к закрытой двери и скрестив татуированные руки на груди.

Услышав наши шаги, он запрокинул голову назад и облегченно вздохнул.

— Хвала небесам, Молли.

— Он там? — Я указала на дверь.

Остин кивнул.

— Он не совсем в себе, Моллз. Будь осторожна.

Я похлопала его по руке, успокаивая, и открыла дверь в полный хаос. Маты, мячи и гири были разбросаны по полу, новейшее оборудование валялось, словно мусор. Ромео разгромил тренажерку и сидел — без футболки, лишь в спортивных шортах — на скамейке, обхватив голову руками и обливаясь потом.

Дверь щелкнула, закрываясь позади меня, и Ромео поднял голову на звук. Увидев, что это я, он откинулся на стену, закинул руки за голову и, простонав, устался на потолок.

Я неуверенно направилась к нему, а когда оказалась в нескольких метрах, он зарычал:

— Угадай, кто устраивает торжественный прием в честь выхода на чемпионат Юго-восточной конференции через два дня после того, как мы вернемся из Джорджии?

У меня внутри все похолодело.

— О нет, малыш...

— Это какая-то блядская шутка! Всю жизнь им было насрать на футбол, а теперь они вызвались провести самый большой ужин года... на плантации! Это чертова ловушка для нас, Мол!

Я протянула руки, но он отодвинулся от меня, как будто боялся ко мне прикоснуться. Это ранило меня похлеще ножа.

Я заметила кровь на костяшках его пальцев, распухшую губу и заплывающий левый глаз.

— Ромео, тебе нужно успокоиться! Половина университета собралась там, снаружи, ты избил члена команды в мясо...

— Он чертовски это заслужил! Он начал говорить гадости о тебе... и *мне*! Он подписал себе смертный приговор в ту минуту, когда открыл свой вонючий рот!

— Мне плевать, что он обо мне говорил. Посмотри, в каком ты состоянии! Ты ведешь себя как сумасшедший!

Он ответил мне невеселым смехом.

— Мои родители все это подстроили. Помнишь, как они в прошлый раз на нас напали? Это еще одна подстава. Они знали, что по своей воле я никогда туда не вернусь. Тренер на это согласился. Они уже пригласили губернатора, мэра и миллион других шишек, которые с радостью согласились. Они сделали все, чтобы университет не смог отказаться! *Блядь!* — Он пнул мяч, и тот, пролетев через весь зал, с силой врезался в беговую дорожку.

Я присела на скамейку, убравшись подальше с его разрушительного пути, и стала наблюдать, как он со злостью вышагивает по тренажерке.

— Мы не пойдем. Бля, ты ни в коем случае не пойдешь туда в своем положении.

Я вздохнула, потирая переносицу.

— Ты должен туда пойти, Ромео. Мы оба знаем, что ты станешь самым результативным игроком сезона. «Тайд», вероятнее всего, попадет на Национальный чемпионат, и этот ужин поможет команде. Если тебе от этого будет лучше, я останусь дома.

— Нет! — крикнул он. — Ни в коем случае! Почему это ты не должна идти со мной? Университету нужно поменять место встречи, на хер моих родителей. Я их знаю, Мол. Они что-то задумали, я просто уверен в этом, я не позволю им разрушить мою семью, мне надоели их игры.

Злость сменилась болью на его лице, он бросился ко мне и, упав на колени, положил голову мне на ноги, а руками крепко обнял за талию.

— Если они узнают о нашем маленьком ангеле, черт его знает, что они сделают. Я не могу потерять вас обоих.

Он нежно поцеловал мой слегка округлившийся животик под свободной кремовой кофточкой, и я помассировала его голову пальцами.

— Ромео, я понимаю, что с тобой, но это всего лишь один прием, с сотнями людей вокруг. Они ничего не сделают на публике. Они не захотят опозориться. Я весь вечер ни на шаг от тебя не отойду. У них не будет шанса до меня добраться. Ты защитишь меня, я это знаю.

Когда он поднял голову, то выглядел немного спокойнее. Я достала из кармана свой старый розовый платочек и вытерла им струйку крови, стекающую по его брови.

Ромео перехватил мою кисть и поцеловал в то место, где бьется пульс.

— Я не переживу, если они причинят боль тебе или нашему маленькому ангелу, детка. Я обхватила его лицо ладонями.

— Ничего не случится.

Слезы затуманили его прекрасные шоколадные глаза.

— Почему они всегда вмешиваются? У нас все так хорошо. Ты здорова, наш ребенок уверенно растет, «Тайд» точно выиграет чемпионат Юго-восточной конференции и попадет на Национальный чемпионат. А тут они лезут со своими заговорами и планами, в очередной раз разрушая мою жизнь. Говорю тебе, они что-то замышляют. Планируют что-то. Что-то серьезное.

— Они влиятельные люди, Ромео. Прием не перенесут. Мы должны пойти туда как единое целое. Ты должен быть лидером своей команды. — Он кивнул в знак согласия и отвел взгляд. — Ты действительно вышел из себя.

Он слизнул капельку крови с губы.

— Тренер знает о нашей ситуации с родителями и пришел меня предупредить. Он пытался изменить место проведения, но решение было принято кем-то сверху. И я просто сорвался.

Подняв его руки, я промокнула платочком поврежденную кожу.

— Мне не нравится, когда ты теряешь контроль. Ты должен быть сильнее, Ромео. Я не хочу волноваться из-за твоей вспыльчивости, особенно когда появится малыш. — На его губах появилась дерзкая улыбка. — Что?

— Я тебя люблю.

— Это тебя никак не реабилитирует! Посмотри, что ты сделал с этим местом! — сказала я, ткнув его в рельефный пресс, и все внутри моментально сжалось, когда я медленно провела пальцем по тонкой дорожке волос вниз.

Ромео придвинулся ближе и прижался ко мне бедрами.

— Я очень сильно хочу трахнуть тебя прямо сейчас.

Я подняла на него потемневший взгляд золотистых глаз.

— Не здесь. И не раньше, чем ты пообещаешь, что такого больше не повторится.

Его зрачки расширились, почти полностью закрыв ярко-карюю радужку.

— Я весь на взводе, и мне нужно расслабиться так, как могу только с тобой.

Я отбросила всю игривость.

— Я серьезно, не игнорируй меня. Мой ребенок не будет расти с отцом, который не может контролировать себя, когда что-то идет не так.

Он коротко кивнул, дав мне понять, что уяснил мои слова.

— Ты все понял, точно? — убедилась я.

— Да. Больше это не повторится. Я не буду таким, как мой отец, со своим ангелом.

Клянусь.

В глазах Ромео снова вспыхнула страсть и желание. Наклонившись, он поцеловал меня в шею и обвел языком раковину ушка.

— Мы отправимся в хижину. Я тебя раздену, и ты будешь делать все, что я скажу, пока ни один из нас не сможет стоять. Поняла?

Моя голова упала ему на плечо.

— Уф! Хорошо! Я поняла! — Проще было сделать, как он говорит, особенно когда Ромео показывал мне, кто здесь главный. Его тяга к контролю была просто очевидной, и мое предательское тело реагировало на каждое слово, вылетающее из его прекрасного, умелого рта.

Ромео отстранился с самодовольной усмешкой, зная, что я нахожусь именно в том состоянии, которого он хотел. Но его улыбка быстро угасла.

— Детка, я прослежу, чтобы на приеме тебе ничего не угрожало.

— Знаю. — Я протянула ему руку. Взявшись за нее, он сел рядом на скамейку и притянул меня к себе на колени. Он спокойно вдыхал мой аромат, а я накручивала его длинные пепельные пряди на палец. — Это словно дежавю, ты в порезах и истекаешь кровью, а я помогаю тебе. Давай не будем делать это нашей традицией, ладно?

Ромео слабо рассмеялся.

— Это последний раз, обещаю. Я изменюсь. Это больше не повторится. Слово скаута.

— Ты никогда не был скаутом, Ромео, — хихикнула я.

— Был...

Я в шоке вскинула голову.

— Правда?

— Угу... но меня выперли за драку.

Я закатила глаза.

— И почему я не удивлена?

Он укусил меня за мочку уха и забавно зарычал, и в этот момент приоткрылась дверь.

Я подняла голову и увидела, как Элли заглядывает в маленькую щель. Я помахала ей. Кэсс, Лекси, Остин и Джимм-Дон зашли за ней, закрыв за собой дверь, и уселись возле нас на деревянный пол.

Ромео услышал их тяжелые шаги и понял, что мы не одни. Я положила голову ему на плечо, переплетая наши пальцы, и от этого мы оба расслабились.

— Ты в порядке, Роум? — мягко спросила Элли, прикоснувшись к его ноге.

Он покачал головой.

— Родители заставили университет проводить прием на их плантации через пару дней после игры в Джорджии.

— Вот черт! — прошипела Элли, все остальные вздохнули. Они все знали, какие у него родители.

Ромео поцеловал меня в лоб и посмотрел на Остину с Джимми-Доном.

— Мне нужно, чтобы вы, парни, помогли мне удержать их подальше от Мол.

— Хорошо, Пуля.

— Не нужно и просить. Считай, уже сделано.

Ромео встретился со мной взглядом, спрашивая разрешения рассказать им о ребенке. Я

кивнула. Они его друзья. Им нужно знать, почему он так плохо воспринял новость о приеме.

Ромео положил руку мне на живот.

— Парни, я психанул... потому что мы ждем ребенка.

Я нервно глянула на Остина с Джимми-Доном и заметила на их лицах шок.

— Никто, кроме нас, не знает. Она всего на втором месяце, но мои родители не знают, и я не хочу, чтобы они к ней приближались, создавая стресс ей и ребенку.

Несколько ошеломленный Остин поднялся и пожал Ромео руку.

— Поздравляю, Пуля. И знай, что мы ее защитим. Вы оба для нас важны.

Джимми-Дон повторил за Остином и захохотал.

— Черт, Пуля! Ты перешел от «не встречаюсь ни с кем» и девчонок, бросающихся тебе под ноги, к своей первой настоящей девушке, которой завидуют все студентки, и сделал ей ребенка? Ты меня убиваешь, чувак! *Просто убиваешь!* — Высказавшись, он сгреб меня в охапку и закружил.

Я тут же схватилась за живот.

— Джимми-Дон, меня стошнит, если ты не остановишься! Я до сих пор страдаю от утренней тошноты, которая длится весь чертов день!

Скривившись, он поставил меня на ноги.

— Прости, дорогая! — Наклонившись, Джимми-Дон поцеловал мою руку. — Поздравляю с малышом. Ты будешь охрененно сексуальной мамашей!

— Спасибо... наверное?..

Ромео обнял меня сзади.

— Она не только моя первая настоящая девушка, друг, она единственная, ради кого я дышу.

Лекси с Элли вздохнули, наблюдая, как Ромео меня обнимает, Кэсс же сделала вид, будто засовывает два пальца в рот.

Джимми-Дон снял свой стетсон и, обмахиваясь им, завопил:

— Ты меня убиваешь, чувак! *Просто убиваешь!*

Ромео хлопнул его по спине, посмеиваясь над его выходкой.

— Мы идем спать. Мне нужно отвлечься от всего этого дерьма. Увидимся завтра.

Ромео взял меня за руку и повел к двери.

— Ромео, ты без рубашки, — возмутилась я, едва не споткнувшись от мимолетного взгляда на его обнаженное тело.

Он просто пожал плечами.

— Я планирую оказаться полностью голым приблизительно через сорок минут и как минимум на двенадцать часов, так какая разница?

— Отлично. Ты понимаешь, сколько снаружи людей? Сколько там *девушек*?

— Да хрен с ними. Я твой. Пойдем.

Глава 22

Чемпионат Юго-восточной конференции, Центральный стадион, Джорджия

— Я не могу туда выйти! — визжала я, пока Кэсс и Элли пытались протолкнуть меня к нашим местам. Семидесятитысячный стадион был забит под завязку, и в ушах звенело от гула голосов.

Кэсс положила руки мне на плечи и с укором заглянула в глаза.

— Если ты не поцелуешь Пулю, когда он выбежит на поле, твоей крови будут жаждать не только его родители. Мы хотим победить «Гейторс»! Ты должна это сделать ради болельщиков!

Я провела пальцами по лицу, и Элли резко их отдернула.

— Я сегодня потратила уйму времени на твой внешний вид. Не порть его!

Мои волосы были распущены и завиты, макияж сделан безупречно. Я надела футболку со счастливым номером семь и фамилией Принс и ковбойские сапоги, но была убеждена, что лишь зря потратила время на все это, поскольку сейчас меня сковывал чистый страх, и я не могла пошевелиться. «Кримсон Тайд» возглавляли общий рейтинг, но теперь им предстояла игра с «Флоридой Гейторс», чтобы решить, кто попадет на Национальный чемпионат и сразится против «Нотр-Дама» в Калифорнии в следующем месяце.

Я выглянула из-за угла и остолбенела при виде стоящих стеной фанатов, одетых в красное. На большом экране крутили отрывки из успешного сезона «Тайд» на пути к этому чемпионату. Я буквально растаяла, когда начали показывать Ромео — то матерящимся из-за совершенной ошибки, то счастливо прыгающим от радости.

Я посмотрела вверх.

— Божечки! Тут есть летающие камеры! Я не могу. Меня снова стошнит.

Согласно кивнув друг другу, Кэсс и Элли взяли меня под руки и потянули вперед. Я увидела, как чирлидеры подбежали к входу из тоннеля, и поняла, что скоро объявят выход команды.

Я уперлась пятками в пол, и Элли, застонав, залезла в карман и достала маленькую записку.

— Ромео предполагал, что ты так себя поведешь, судя по тому, что ты практически не проронила ни слова с момента нашего приземления, и дал мне это на крайний случай.

Черт. Я обожала его записки.

Я развернула ее и прочла:

Детка,

Перестань психовать и т ащи свою задницу на трибуны.

Мне нужен мой сладкий поцелуй на удачу, чтобы победить.

И это не просьба.

Люблю тебя.

Твой Ромео х

Вздыхнув, я спрятала записку в карман, чтобы дома положить к остальным, которые хранились в секретной шкатулке. На лицах Элли и Кэсс появились широкие улыбки.

— Хороший ход, Ромео, хороший ход, — пробубнила я себе под нос.

Я высвободила руки, и как раз в этот момент из динамиков донеслось представление команд.

— Показывайте, куда идти, предательницы!

Хихикая над тем, как я упираюсь, они снова взяли меня под руки и повели к нашим местам. Фанаты «Тайд» и так громко кричали, но завидев, как я прохожу мимо, просто обезумели.

Я села и постаралась игнорировать громогласный рев толпы. Фанаты были в ударе, а

музыкальная какофония только добавила жару. Взорвались фейерверки и объявили команды: сначала «Кримсон Тайд», потом «Флориду Гейторс». Игроки выбежали на поле, демонстрируя расцветки багрового, белого и голубого. Я нервно потерла руки.

Я знала, что в центре внимания будет Ромео. Он был первым претендентом в драфте профессиональной футбольной лиги, и от этого нарастала шумиха. За последние недели ему пришлось бесконечное количество раз давать интервью газетам и телевидению. Я обычно пряталась где-то на заднем плане, вне поля зрения.

Я внимательно смотрела на большой экран, ожидая Ромео, который со шлемом в руках замыкал выход. Когда он выбежал и помахал всем, толпа на трибунах начала топтать ногами и скандировать, и фанаты «Гейторс» засвистели в ответ.

— *Поцелуй, поцелуй, поцелуй, поцелуй...*

Ромео прорвался сквозь завесу игроков и побежал в мою сторону. Кэсс наклонилась и ласково похлопала меня по щекам.

— Твой выход, мамочка!

Я не могла оторвать глаз от своего парня, когда он остановился на краю поля и, сверкая голодной самоуверенной ухмылкой, поманил меня этим своим чертовым пальцем.

Я поднялась на трясущихся ногах, пытаюсь не обращать внимания на вспышки камер, оркестр возгласов и свист. Взяла под руку стюарда, и он провел меня на поле прямо к Ромео, который наслаждался моим изысканным внешним видом.

— Привет, Мол.

— И тебе привет.

— Подаришь мне сладкий поцелуй на удачу?

— Если ты этого хочешь.

— Еще как хочу.

Мы никогда не меняли слов из-за суеверия Ромео, мы в точности проводили этот ритуал перед каждой игрой. Он наклонился, и до того, как его сочные губы встретились с моими, я прошептала:

— Хороший ход с запиской, хитрюга!

Он усмехнулся мне в губы, мягко и нежно лаская их языком. Я схватила его за волосы, и весь остальной мир для меня исчез. Ромео подхватил меня за ягодицы, вынуждая обвить ногами его талию. Похоже, толпе это понравилось. Я застонала ему в рот, и он, тяжело дыша, отстранился. Прижался ко мне головой.

— Люблю тебя.

Я провела пальцем по его щеке.

— Я тоже тебя люблю.

Опустив меня на землю, он легонько провел рукой по моему животу и, увидев в моих глазах слезы, сглотнул.

— Я буду играть для вас обоих.

Повернувшись, он побежал обратно на поле, а я, как всегда, в тумане от любви к своему квотербеку на нетвердых ногах побрела на свое место.

Это было два дня назад.

«Тайд» выиграли чемпионат Юго-восточной конференции, и вечер, которого мы так боялись, стремительно приближался. В этот день Ромео взобрался ко мне на балкон пораньше и не оставлял меня ни на минуту. Уровень его тревоги зашкаливал, ну и мой,

соответственно, тоже не отставал.

По дресс-коду на вечер было положено прийти в белом, поэтому я надела длинное белое платье с завышенной талией, чтобы скрыть слегка округлившийся животик, и серебряные сандалии. Ромео был в белоснежном костюме с подходящим «Кримсон Тайд» галстуком.

Он расположился на моей кровати и наблюдал за тем, как я хожу по комнате, расчесывая свои длинные волосы, нанося розовую помаду и надевая длинные серьги.

Собравшись, я подошла к кровати и осторожно залезла на него. Он, не мешкая, взял меня за бедра и посмотрел с такой любовью, что у меня екнуло сердце, в его глазах, точно яркий маяк, светился страх.

— Ты прекрасно выглядишь, детка. Тебе определенно идет беременность.

Я разгладила его багровый галстук.

— Ты тоже замечательно выглядишь.

Он приподнял голову для поцелуя, и я поддалась желанию.

Затем прислонилась своим лбом к его.

— Ты в порядке?

— Буду, когда вечер закончится и мне больше никогда не придется видеть этих людей. Не могу дождаться, когда мы поедем в Бирмингем на Рождество, подальше от их яда.

— Помни, это всего лишь один вечер.

— Знаю.

Он начал поднимать длинный подол платья, соблазнительно лаская мои бедра.

— *Ромео...* — предупредила я.

Глаза парня вспыхнули, рука опустилась к ширинке, и он достал его, не снимая брюк. Отодвинул мои трусики в сторону, провел им по моей разгоряченной плоти и одним сильным толчком вошел в меня. Я закрыла глаза от переизбытка чувств.

— Оседлай меня, — приказал он напряженным голосом.

Я передвинулась, удобно опершись коленями на матрас. Ромео просто лежал на кровати, наблюдая, как я медленно раскачиваю бедрами взад-вперед, задавая глубокий чувственный ритм.

Он никогда не отдавал мне полный контроль. За все время, что мы были вместе, он всегда руководил нашими занятиями любовью, и я не могла не задуматься о том, почему он делает это сейчас.

Я наклонилась и положила руки на его широкую грудь, растворяясь в удовольствии.

— Ты так чертовски красива, крошка, — произнес он хриплым голосом, но в его шоколадных глазах отражалась тревога.

Я прикусила губу и запрокинула голову.

— Ромео...

— Я здесь, Мол. Только... только возьми контроль. Покажи, как сильно ты меня хочешь.

— Я хочу тебя. Больше, чем ты можешь себе представить.

Он сжал руками мои обнаженные бедра и провел языком по своей нижней губе.

— Почему ты это делаешь? — выдохнула я.

— Что?

— Я... сверху... главная.

— Потому что я хочу почувствовать, каково это — отдаться тебе полностью, без

остатка. Я весь твой, сердцем и душой. Я просто хотел показать тебе, как много ты для меня значишь, а это единственный известный мне способ.

Все быстрее двигая бедрами, я прижалась к его груди и обвела языком контур его губ. Эти прекрасные слова любимого подвели меня к грани.

Дыхание Ромео стало прерывистым, и его бедра поднялись навстречу моим, сила нашего единения нарастала с каждой секундой.

— Ромео... Ромео... — выкрикнула я, когда напряжение внизу живота переросло в оргазм, практически взорвав меня изнутри.

Я взглянула на Ромео, его глаза закатились, и с последним толчком он излился в меня. Он закусил губу, ослабив хватку на моих бедрах, и выдохнул, его сердце колотилось в унисон с моим.

Он провел пальцем по моей спине, и я улыбнулась ему в шею.

— Я никогда не чувствовал ничего подобного, крошка, — прошептал Ромео.

— Это было прекрасно. — Приподнявшись, я глянула на часы и уронила голову обратно в изгиб его шеи. — Теперь мы чертовски опаздываем.

— Мне плевать. Они, бля, могут подождать.

— Нам нужно идти. — Я слезла с него и пошла в ванную, чтобы ополоснуться.

А когда вышла, Ромео уже стоял, прислонившись к стене, его волосы были сексуально растрепаны.

— Последний шанс отказаться, — сказал он с надеждой.

Я взяла серебристый клатч и протянула ему руку.

— Ну же, Ромео, пошли на бал, — подразнила я с английским акцентом шекспировских времен.

Он неохотно улыбнулся, и мы покинули комнату.

Глава 23

— Вау, они превзошли сами себя, — отметила я, когда мы вышли из «доджа» и передали ключи парковщику. Фасад огромного белого особняка раскрасили мерцающими рождественскими гирляндами. Мы переступили порог богато украшенного холла, настороженно выискивая родителей Ромео.

Держась за руки, вышли на задний дворик, где внушительный, роскошный белый шатер был под завязку забит игроками «Тайд», одетыми в белое. Сбоку сидел струнный квартет и элегантно играл «Канон Пахельбеля».

Кэсс, Лекси и Элли первыми заметили нас в толпе и помахали, приглашая за свой столик в дальнем углу. К нам подошел официант в смокинге и предложил по бокалу шампанского. Задорно подтолкнув меня локтем, Ромео взял игристый напиток, я же вежливо отказалась и выбрала апельсиновый сок. Хотя мне безумно хотелось притупить переживания сегодняшнего вечера алкоголем.

Мы направились к девочкам, по пути здороваясь с членами команды. И через минуту по обе стороны от меня встали Остин и Джимми-Дон, по их виду было понятно, что обязанность защищать меня они восприняли очень серьезно.

Я завела разговор с Кэсс. Ромео прошептал что-то Элли, как вдруг она побледнела, кивая подбородком куда-то мне за спину. Мы повернулись и увидели родителей Ромео, направляющихся к нам с широкими фальшивыми улыбками на лицах. За ними следовала

Шелли в облегающем белом платье, приветствуя взмахами руки сливки таскалуского общества. Ее длинные рыжие волосы были выпрямлены и ниспадали на большую грудь.

Ромео моментально загородил меня собой и так сильно сжал мою руку, что практически перекрыл доступ крови к пальцам.

Его мать, от которой, как обычно, разило алкоголем, протянула руки к сыну.

— Роум, дорогой! Поздравляю с победой. — Она обняла его застывшую фигуру, поцеловав воздух у его щеки, и повернулась ко мне. Только сжатые губы указывали на то, что она не рада моему присутствию.

— Молли! Как приятно снова тебя видеть, выглядишь просто сногсшибательно! — буквально пропела она, в то время как я напряглась в ее объятиях. — Как вы?

Я молчала. Она не получит шоу в моем исполнении перед гостями.

— Хорошо, мама, — вежливо ответил Ромео.

Джозеф Принс вышел вперед и пожал руку Ромео.

— Сын.

— Отец.

Мистер Принс кивнул мне в знак приветствия.

— Молли.

Я слегка кивнула в ответ.

Вокруг нас повисло напряжение, пока мы неуклюже пытались изобразить для всех видимость счастья и вежливости. Я заметила, что Принсы пренебрегли нашими друзьями, и когда Элли, их племянница, попыталась поздороваться, они проигнорировали и ее. Но, судя по веселью на ее лице, подругу это совершенно не расстроило.

Широко улыбаясь, Шелли вышла вперед и собралась было обнять Ромео, но он, удивленно глядя на нее, сразу же отступил.

— Не начинай, Шелли, — жестко отрезал он.

Она нахмурилась и встала рядом с его матерью, которая явно злилась из-за того, что он публично отверг золотого ребенка. Они все развернулись и ушли, больше не проронив ни слова.

— Капец! Неудобненько, да? — сказала Кэсс со своего места за столом, прервав напряженное молчание.

Я оттянула Ромео в сторону.

— Ты в порядке, малыш?

Он нежно поцеловал меня в щеку.

— Да, просто я терпеть не могу их гребаную фальшь. И что, черт возьми, с Шелли?

— Не знаю. Осталось всего несколько часов. Мы справимся.

Он заломил брови.

— Печально известные слова, Шекспир. Печально. Известные. Слова.

* * *

На приеме не хватало праздничной атмосферы, он был предсказуемо показным и по большей части излишне помпезным, но мы сидели с нашими друзьями и пытались веселиться даже в этой ситуации.

Речи были ужасными. Когда Кэтрин Принс говорила о своем любимом сыне и о том, как она гордится его достижениями в футболе и надеется на его карьеру в НФЛ, мне

пришлось смирять Ромео, чтобы он не перевернул стол и снова не сорвался. Я взяла его за руку и прижалась к нему, убеждая успокоиться, снова и снова шептала, как сильно я его люблю, прижимая его ладони к своему животу. И это помогло.

Столы убрали, и все переместились на танцпол в центре. Ромео, услышав первые аккорды песни «Алабама — милый дом» группы «Линэрд Скинэрд», встал и поднял меня на ноги.

— Пойдем, Шекспир. Каждый истинный житель Алабамы просто обязан танцевать под эту песню.

Я захихикала, когда он обнял меня и чарующе задвигался по танцполу, мимо нот напевая мне песню на ушко. Сотни людей со счастливыми улыбками наблюдали за нашим танцем, Ромео покружил меня и наклонил для драматического поцелуя под оглушительные аплодисменты. Пуля и его талисман снова оказались в центре внимания.

К сожалению, я также увидела, как на нас поглядывает Кэтрин Принс, которая уже перебрала с алкоголем и нетвердо стояла на ногах. Она скривилась от того, что мы выставляем напоказ наши отношения перед всеми ее гостями, и я, не удержавшись, улыбнулась ей в ответ. Я знала, что подливаю масла в огонь, но она ничего не могла сделать перед своими друзьями. Роум об этом позаботился.

Когда песня закончилась, подошел тренер «Тайд» и, хлопнув Ромео по спине, пригласил его обсудить футбол с важными людьми.

Усадив меня за стол, Роум наклонился.

— Я вернусь, как только смогу. Не оставайся одна, хорошо?

— Хорошо.

— Я быстро. — Он поцеловал мою руку и направился к ожидающим его мужчинам.

Я присидела с друзьями больше часа, а Ромео все еще не вернулся. Сегодня я выпила непомерное количество апельсинового сока и, поскольку мой мочевого пузырь стал размером с горошину, снова захотела в туалет — уже в который раз за вечер.

Я встала, и Джимми-Дон тут же поднялся следом.

— Джимми-Дон, я только в туалет... снова. С этим я и сама справлюсь. Правда, останься с Кэсс — потанцуй, повеселись, отдохни, ладно?

— Нет, пошли, дорогая. Тебе от меня не отделаться.

Я сжала его руку, выражая свою благодарность, и крикнула девочкам:

— Я в туалет. Передайте Ромео, если он вернется. — Повернулась и пошла в дом.

Только я завернула за огромную центральную лестницу, ко мне подлетела Кейт с листком бумаги в руках.

— Привет, Молли. Меня попросили передать тебе это.

Записка.

Я закатила глаза и развернула ее.

Пришлось ненадолго отойти.

Встретимся в библиотеке.

Роум.

Я быстро сходила в туалет и, когда вышла, показала Джимми-Дону записку. Он улыбнулся и покачал головой.

— Да что с вами такое? Давай я тебя проведу.

Я обняла его, благодарно улыбнувшись, и мы пошли сквозь переполненный гостями холл к библиотеке. Джимми-Дон выполнил обещанное, и я в одиночку зашла в величественную старую библиотеку и закрыла за собой дверь.

Мое внимание моментально захватило множество стеллажей с книгами, от пола до потолка, и несколько лестниц на колесиках, чтобы доставать до верхних полок. Я попала в рай, книжный рай. В таком месте я могла бы находиться часами: растворяться в страницах книг, переноситься в другие миры, другие жизни, на время позабыв о реальности. Моя внутренняя ботанка запрыгала от восторга.

В поисках Роума я заглянула за угол и увидела большой каменный камин и кожаные диваны, но любимого, похоже, тут не было. Что он задумал?

Я взволнованно улыбнулась и пропела:

— Ромео, Ромео, где же ты, Ромео?

Нет ответа.

— Ромео?

Ничего.

— Роум, ты здесь?

Я услышала поворот ключа в замке у себя за спиной и обернулась, Шелли и Кэтрин Принс стояли у двери, улыбаясь мне с одинаково стервозными выражениями лиц.

Моя взволнованность превратилась в страх.

Кэтрин поковыляла ко мне, в стельку пьяная, судя по глазам.

— Ну здравствуй, *Молли*. Вот мы и снова встретились.

Я отошла к краю стола в центре, создавая между нами расстояние.

— Что вы себе позволяете? — Я посмотрела сначала на Кэтрин, потом на Шелли, которая, нервничая, стояла позади нее.

— Вижу, ты получила записку?

Мой желудок ухнул вниз. Они меня провели, и я попалась, как мышь в мышеловку.

— Шелли мне тут рассказала про ваши с Роумом тошнотворные, жеманные записочки — она за вами следила, — и я поняла, что так смогу выманить тебя из-под защиты друзей.

Мы ходили вокруг стола, точно боксеры на ринге.

— Я кое-что раскопала про тебя, мисс Шекспир из Дарема, Англия. — Она заметила тревогу на моем лице и злобно рассмеялась. — М-м-м... да, *очень* интересное чтение.

Я вздернула подбородок, силясь казаться невозмутимой.

Хотя меня дико задевали ее слова.

— Давай-ка посмотрим... — Она поднесла палец к губам, делая вид, что размышляет. — Бедность, рабочий класс, проживание в месте, которое можно назвать только лачугой. Мать умирает при родах, оставляя тебя шахтеру отцу-алкоголику, который, когда ты была *еще совсем маленькой*, — пропищала она детским голосом, обнажая свои слишком белые зубы, — решает, что ты не стоишь того, чтобы ради тебя жить, и перерезает себе вены в ванной. — Она хлопнула руками по деревянному столу. — Я права, Молли? До тебя уже дошло? Что тебе не место рядом с моей семьей?

Слезы полились из моих глаз, но я стояла неподвижно. Я посмотрела на Шелли, которая охраняла дверь. Она выглядела шокированной. Быть может, она не знала, что этот запугивающий разговор превратится в разглашение подробностей моей личной жизни?

Кэтрин стояла лишь в метре от меня, и она прекрасно воспользовалась тем, что я сорвалась.

— Быстро пролетают восемь лет, и у бабушки обнаруживают рак легких четвертой стадии от того, что она слишком много курит, и маленькой, одинокой Молли приходится самостоятельно о ней заботиться, пока... *уис!* Та тоже не умирает, оставляя Молли одну-одинешеньку ютиться в приемной семье.

Я потеряла грудь рукой, пытаюсь облегчить дыхание, легкие свело от боли, вызванной ее словами. Ноги ослабли, и я не могла сдвинуться с места, она тем временем подошла ко мне вплотную, обдавая отвратительным дыханием с запахом виски, от которого меня едва не стошнило.

— Но это еще не конец, не так ли? Молли начинают мучать переживания и депрессии, настолько сильные, что ей требуется помощь, лечение... много лечения. Но оно не помогает. И она придумывает план: выйти замуж за богача! Она умна и коварна, поэтому поступает в Оксфорд и пытается подцепить богатенького идиота, который клюнет на ее чары. Не правда ли, *милочка?*

Я покачала головой.

— Я бы никогда так не поступила! Прекратите выдумывать!

Ее лицо исказилось от гнева.

— Выдумывать? Тебе знакомо имя Оливер Бартоломью? Ты же встречалась с ним, не так ли? Сын графа? Потом, когда у тебя с ним ничего не вышло, приехала сюда и глубоко запустила свои когти в Роума, алчная ты шлюха! Ты знала, что он богат, и соблазнила его, так? Он должен был быть с ней! — Она указала на Шелли, которая теперь расхаживала у двери, заламывая пальцы, и выглядела крайне смущенной.

— Мы с Оливером были друзьями. И встречались недолго, я не хотела большего. Он тоже был ассистентом преподавателя, мы вместе работали, вот и все. Он был хорошим другом и милым парнем. Не придумывайте, будто произошедшее между нами было чем-то грязным и меркантильным, потому что это не так. То, что он богат, не имело ровным счетом никакого значения!

Она взяла меня за подбородок и рывком притянула к своему лицу.

— Так же, как и то, что Роум богат, не имеет значения? Не смеши меня! Он не должен быть с тобой, шлюха! Отстать от него, чтобы он мог исполнить свой долг перед семьей и перестать быть таким гребаным неудачником хоть раз в его жалкой жизни! Иначе ты пожалеешь!

На фоне желания защитить Ромео мои страхи померкли. Я откинула ее руку.

— Что, простите? У него есть мечта, знаете ли. Он хочет играть в футбол... Он *будет* играть в футбол профессионально, и вы никак не сможете этому помешать. Вы хоть знаете, насколько он талантлив? Он считается лучшим игроком среди команд всех университетов! Он любит меня, а я люблю его, и вы никак не сможете нас разлучить! — Я наклонилась и сказала вполголоса, чтобы только она могла услышать: — Я все знаю. Он все мне рассказал о вас, о мистере Принсе, о своем детстве, побоях... *все*. Абсолютно все! У вас больше нет над ним власти и никогда не будет. Вы хоть знаете, что с ним сделали? Как он пытается обуздать свой гнев, накопленный за годы, когда он только и слышал, что нежеланен и бесполезен?

Я обошла стол, оставив ее кипящей от гнева, и поспешила к двери, где Шелли уже отскакала в сторону, освобождая мне путь.

Когда я подошла к краю длинного стола, то услышала громкий визг и почувствовала, как острые ногти впились мне в руку. Кэтрин резко развернула меня и с размаху ударила

тыльной стороной ладони по лицу, я потеряла равновесие и — после грубого толчка с ее стороны — с невероятной силой ударилась животом о край твердого антикварного стола из красного дерева.

Сначала я растерялась, мои движения замедлились. Я попыталась встать, но резкая боль пронзила мой живот, заставив истошно закричать.

Я перестала четко видеть из-за острых приступов боли, терзающих мое тело, и рухнула на пол, пытаясь ухватиться хоть за что-то, чтобы облегчить сильные спазмы. Я подняла голову, чтобы позвать на помощь, и увидела, как Шелли прикрывает рот руками, в ужасе глядя на мои ноги.

Я опустила взгляд и заметила на своем белом платье кровь.

Горе охватило меня ураганом, и я громко зарыдала от ужасных спазмов в спине, животе и ногах, которые не давали мне пошевелиться. Я провела рукой между бедер, а когда подняла ее — она вся была алой. Увидев мое состояние, Шелли выбежала из библиотеки, зовя Роума.

Я подползла к краю стола и попыталась подняться, но не смогла справиться с агонией боли.

— Ты беременна?! — заверещала Кэтрин. — Ах ты мелкая сучка! — Она снова ударила меня по лицу — на этот раз сильнее, — сила удара отбросила меня на пол, и я упала в свою же густую, темную кровь. Я прижалась щекой к ковру и подтянула колени к груди, пытаюсь дышать через боль.

У двери в библиотеку поднялась суматоха, и когда я подняла голову, то увидела толпу людей, с тревогой взирающих на меня.

— Уйдите на хрен с дороги! *ЖИВО!!!* — прогремел глубокий голос Ромео, и он ворвался в библиотеку. Страдания на его лице едва окончательно не уничтожили мое и без того уже разбитое сердце.

— Мол! Черт! Детка, я здесь. Я здесь. — Ромео упал на пол рядом со мной, пытаюсь понять, что делать. Его руки тряслись.

Он был таким же беспомощным, как и я.

Я посмотрела на него сквозь пелену горьких слез.

— Ромео, наш малыш, наш малыш... мне кажется, я его теряю. Помоги мне... пожалуйста, — провсхлипывала я и зарыдала в голос.

Страдальческий крик вырвался из его груди.

— Кто-нибудь позвоните 911. Она теряет нашего ребенка!

— Они уже едут. Скоро будут. — Я узнала южный говор Джимми-Дона.

Я отупело наблюдала, как все больше и больше людей заполняют библиотеку, и когда повернула голову, то увидела Кэсс, Лекси, Элли, Остина, Риса и Джимми-Дона, которые с ужасом глядели на меня. Девочки обнимали друг друга и откровенно плакали, видя, как я корчусь от боли в луже собственной крови.

Ромео потянулся ко мне и осторожно уложил к себе на колени. Он берегающе держал меня на руках, раскачивая взад-вперед и прижимаясь мокрой от слез щекой к моей голове.

— Ш-ш-ш, детка. Мне так жаль. Мне очень, очень жаль.

Я провела рукой по его щеке, оставляя яркие следы крови.

— Думаю, нашего малыша уже нет. Так сильно болит. Думаю, его уже нет... — Пронзительный вой вырвался из моего горла, когда новый спазм скрутил матку.

Из глаз Ромео слезы текли ручьем, я слабела. словно в замедленном действии, я

заметила, что вокруг нас собралась почти вся команда и, опустив головы, наблюдала за происходящим. Некоторые невидящим взглядом смотрели в пол, другие молились о помощи.

— Где эта гребаная скорая? Она беременна, черт побери... она беременна... наш маленький ангел, — в агонии закричал Ромео, но его голос превратился в отчаянный шепот, когда он трясущимися руками поднял мое пропитанное кровью платье.

Он провел большим пальцем по моей щеке, коснулся губы, и его глаза расширились. Он слегка повернул мою голову.

— Детка? Почему у тебя разбита губа? Что, черт возьми, с тобой случилось?

Я смотрела на него невидящим взглядом, безучастно, отстраненно. Было ощущение, что я не связана со своим телом, как будто я парю сверху, наблюдая за всем этим ужасом. Мне все сильнее и сильнее хотелось спать, энергия вытекала из меня с каждым новым потоком крови.

— Мол? — взмолился он, прижимая меня, как будто это могло остановить обморок. — Мол! Останься со мной. *Мол!*

— Т-твоя мать... ударила ее, и она налетела на стол. М-мы... я-я не знала, что она беременна... мы просто хотели ее припугнуть. Но все вышло из-под контроля... — Я узнала виноватый голос Шелли.

Ромео застыл, ярость вырвалась из него с громким рыком.

— Где она?

— Она выскользнула через боковые двери, — сконфуженно сообщила Шелли.

Ромео переместился, пытаясь переложить меня со своих коленей на пол, но я крепко вцепилась в него, поскольку ощущала странное онемение и хотела, чтобы он был рядом, обнимал меня.

— Пожалуйста... не оставляй меня... — прошептала я, а когда увидела, как его темные прекрасные глаза покраснели от слез, мое сердце пропустило удар.

Ромео заключил меня в свои объятия, и я постепенно сдалась, боль уменьшилась, притупилась, мое тело словно сообщало, что наш маленький ангел вынуждено прощается с нами навсегда.

— Малыш, мне так жаль... наш ангел... наш ангел...

Красивое и печальное лицо Ромео было последним, что я увидела перед тем, как провалилась во тьму.

Глава 24

Поначалу я слышала лишь размеренное пиканье. «Пи» — пауза — «пи» — пауза — «пи».

В горле было сухо как в пустыне, и при каждом глотке казалось, будто плоть царапают опилки. Я пошевелила ноющими от боли ногами и вздрогнула, поскольку живот тут же скрутил спазм.

Слегка приоткрыв глаза, я увидела яркий белый потолок и флуоресцентные лампы. В углу тихонько работал телевизор, а возле моей койки стояли разноцветные пластиковые стулья.

Я подняла руку и обнаружила, что лежу под капельницей. Другой моей руки касалось что-то теплое. Я повернула пульсирующую голову и увидела его, моего Ромео, который спал, обеими ладонями сжимая мою руку. Он неудобно сидел на красном пластиковом стуле, а его

голова лежала на краю койки лицом ко мне. Рот был приоткрыт, и парень слегка посапывал, прядь волос песочного цвета вздымалась и опадала с каждым вдохом.

Какой же он красивый.

Я смотрела на своего парня, пытаюсь вспомнить, почему я здесь. Отрывочные черно-белые картинки беспорядочно приходили мне на ум: библиотека, боль, крики, кровь... мать Ромео... наш малыш...

Моя рука опустилась на живот, и я почувствовала, как холод заполняет каждую клеточку. Я попыталась подвинуться и ощутила, как что-то сжимает мою руку. Повернув голову, увидела, что Ромео смотрит на меня заплаканными, опухшими глазами — белки покраснели, а взгляд шоколадных глаз омрачен печалью.

Меня буквально парализовало.

— Ромео? Я... я?.. — Я не могла произнести это вслух. Сказать это означало бы, что это правда, а я не хотела в это верить.

Подбородок Ромео задрожал, и новые слезы сорвались с его длинных черных ресниц, побежали по небритым щекам и, точно камни, упали на белую хлопковую простыню. Он тяжело сглотнул и медленно кивнул, глядя мне прямо в глаза и сжимая руку.

Я свернулась калачиком возле него, прижав наши сплетенные руки к груди, и освободила сдерживаемую агонию. Я вся сотряслась от громких рыданий, и Ромео накрыл меня своим телом, как будто физически мог защитить от этой ужасной муки.

Мы потеряли нашего малыша.

Я не стану мамой.

— Мне так жаль... это все моя вина.

Я подняла голову, шмыгая носом, и вытерла слезы.

— П-почему ты винишь себя? Ты ничего плохого не сделал.

Ромео яро покачал головой.

Я перевернулась обратно и слабо потянула его за руку, приглашая лечь рядом. Ромео мгновенно забрался на тонкий матрас и присоединился ко мне на маленькой белой подушке. Руки мы не размыкали, будто клятвенно обещали преданно держаться за нашу любовь.

Поднеся наши руки к губам, Ромео поцеловал каждый мой пальчик.

— Я убил нашего малыша, Мол. Не защитил тебя. Я тебя подвел...

Меня так переполняли эмоции, что я едва могла говорить. Ромео, всегда грозная и агрессивная звезда футбола, был раздавлен.

— Ты ничего не мог поделать.

Он зажмурился.

— Я не должен был оставлять тебя ни на секунду. Я знал, что родители что-то задумали. Нам не следовало туда идти. Я должен был оставить вас дома, где вы оба были бы в безопасности. А теперь... — Он прижался лбом к нашим рукам и заплакал, точно на исповеди.

Я позволила ему выплеснуть эмоции, а когда он успокоился, горестно произнесла:

— Ромео, мое сердце разбито. Только я подумаю, что мне уже нельзя причинить боль, как снова получаю кинжалом в сердце. Что мы такого сделали, что у нас все отбирают? Я теряю всех, кого люблю: маму, папу, бабушку, а теперь и нашего малыша. Я больше не могу выносить эту боль. Не могу с этим справиться... я просто больше не могу.

Вздрагнув, Ромео прижал меня к груди.

— Я не знаю, почему забрали твою семью, детка, и знаю, что ты раздавлена. Но в

гибели нашего малыша виновата моя мать. Шелли все рассказала Элли. Про записку, обвинения. Бля, я с ними покончил. Они для нас как яд, Мол. Ты — это все, что у меня осталось... Не убегай от нас. Просто... не убегай.

Я ощущала лишь оцепенение, мое тело блокировало боль, устанавливая защитные барьеры, которые Ромео сломал несколько месяцев назад. Нежно лаская мое лицо, он стал отчаянно покрывать его поцелуями.

— Что со мной произошло? Я почти ничего не помню.

— Прибыла скорая и увезла тебя сюда. — Заново переживая события прошлого вечера, Ромео играл с больничным браслетом у меня на руке — Я приехал с тобой. Наши друзья до сих пор в холле. Они не уходили. Ты здесь уже почти сутки. Удар о стол вызвал внутреннее кровотечение. Тебе потребовалась операция.

Я сосредоточилась на потолке, с особым увлечением считая маленькие белые плитки.

— Я смогу еще иметь детей?

Убрав мне волосы со лба, Ромео крепче прижил к себе мое ослабевшее тело.

— Да, это первое, о чем я спросил, детка. Только я... я не знаю, хочешь ли ты зачать малыша сразу же? Или нам стоит подождать, когда тебе станет лучше? Я просто... просто хочу, чтобы ты была счастлива, я все для тебя сделаю.

Я напряглась, и он обнял меня еще сильнее.

— Прости, Мол. Я не должен был пока ничего говорить. Еще слишком рано, рана еще свежа. Прости меня. Просто прости меня за все. Я так сильно тебя люблю, а наш маленький ангел делал нас счастливыми... делал нас семьей... я... я боюсь, что потеряю и тебя. Это все, о чем я думал, пока ты спала.

Я попыталась расслабиться, вдыхая неповторимый аромат Ромео — аромат мяты и мыла. Я не могла ничего сказать. Знала, что он нуждается в моих заверениях, что все будет хорошо, обещания остаться, но не могла. Я не хотела думать. Не хотела быть здесь, на больничной койке, без ребенка, с моим подавленным парнем.

Я сжала в кулаках его любимую красную футболку «Тайд» и держала до тех пор, пока постепенно волны скорби не вынесли нас на мель пустоты.

* * *

Друзья зашли повидать меня. Выразив сердечные соболезнования, они постарались отвлечь меня своей болтовней, аккуратно обходя запретной темы детей.

Им не стоило волноваться. Я совершенно ничего не чувствовала... и ни разу не отозвалась.

Ромео все время лежал рядом со мной на койке. Игнорировал странные взгляды со стороны врачей и не стеснялся, когда медсестры заходили ко мне в палату поглазеть на преданного парня, который отказывается покидать свою девушку. Они понимали, что понятие «часы посещения» ничего не значит для квотербека «Кримсон Тайд», и каждую ночь разрешали ему оставаться со мной.

Такова сила футбола в Алабаме.

Ромео снова и снова пытался заговорить со мной, но я не отвечала. Я много спала, а когда бодрствовала, то лежала возле него в коматозном состоянии. Я была живым, дышащим зомби.

По прошествии нескольких дней реабилитации, врач сказал, что меня можно выписать

на следующее утро. Ромео сразу же начал собирать вещи в сумку, которую принесла Элли, даже не скрывая облегчения от того, что мы наконец-то едем домой.

Дом.

Я нигде не чувствовала себя как дома. В Англии были воспоминания о семье, которую я потеряла, в Алабаме теперь были воспоминания о потерянном ребенке. Я нигде не чувствовала себя в безопасности.

Звонила профессор Росс, расстроенная и сочувствующая моей утрате. Сегодня вечером она улетала в Оксфорд на презентацию — они с Ромео решили, что мне лучше не ехать. Ромео осторожно сообщил мне об этом, ожидая, что я стану возражать и настаивать на представлении своей части статьи, учитывая, что работала над ней почти год, но я только пожалала плечами и снова заснула. Раньше я бы стала возражать. Но сейчас у меня просто не осталось на это сил.

Ромео удрученно вздыхал всякий раз, когда я отворачивалась от него, закрываясь в себе. Он следил за мной, постоянно наблюдал за каждым движением. Он видел, что я сломлена. Я знала, что и он тоже, но если бы я дала волю чувствам, то навряд ли бы смогла справиться с нахлынувшей болью. Он снова и снова говорил, как сильно меня любит, и умаливал не оставлять его.

Я этого не обещала.

Когда мои вещи были собраны, а на город опустились сумерки, у Ромео зазвонил телефон.

Повернувшись, я увидела, как он сжимает переносицу.

— Что случилось?

— Это тренер. Он хочет, чтобы сегодня я пришел на благотворительную акцию на стадионе. Я пропустил много тренировок, и ему нужно показать, что квотербек все еще с командой на пути к чемпионату.

— Тогда иди.

Он посмотрел на меня.

— Я не могу тебя так оставить.

— Нет, можешь. Я все равно устала. Мне нужно поспать.

Громко зарывчав от раздражения, он со злостью ударил кулаком в стену.

— Господи, Мол! Как ты могла устать? Ты спала целыми днями, ты ничего не делала! Я понимаю, ты перенесла операцию, но врач сказал, что сейчас тебе должно быть гораздо лучше. А ты просто валяешься тут, Шекспир! Пора бы уже с этим завязывать! Я старался, *очень* старался быть терпеливым, но с меня хватит! Я тоже потерял ребенка, не только ты, но ты закрылась от меня и ведешь себя так, будто я долбаный незнакомец. Я был его отцом, черт возьми! Я не могу справиться со всем в одиночку. На меня слишком много навалилось: твоё состояние, чемпионат, надежды всего штата на *моих* плечах! *Мне* нужна твоя помощь, Мол, а ты тонешь в своем гребаном отчаянии. Кто *меня* поддержит? Мне тоже больно!

Я наблюдала, как старый гнев, преследовавший его до нашей первой встречи, снова переполняет его. Ромео остановил на мне взгляд, подлетел к койке и, подхватив меня на руки, прижался губами к моему рту.

Я не ответила на поцелуй, и он, едва не рыча от досады, опустил меня на матрас.

— Черт подери! Пожалуйста. *Пожалуйста*. Ты меня, блядь, пугаешь! Тебе пора начать справляться, справляться со всем, что произошло.

Я просто отвернулась и уставилась в никуда.

— Ты даже не можешь на меня смотреть, да?

Я сузила глаза и повернулась к нему.

— Вот! Я смотрю на тебя! Скажи, Роум, с чем конкретно мне нужно справиться? С тем, что твоя гребаная мать убила моего ребенка?

Ромео отпрянул, будто я ударила его, и процедил сквозь зубы:

— *Нашего* ребенка, *никогда* не забывай это. Я прошел с тобой весь путь до конца... и сейчас рядом! Я все еще, бля, здесь и пытаюсь вытянуть тебя из этого ада!

Я равнодушно пожала плечами и отвернулась, горе и чувство вины пытались вырваться наружу, но я их сдержала — оставила глубоко-глубоко внутри. Я не могла позволить себе чувствовать.

— Знаешь что? На хрен все! С меня хватит! — Ромео вышел из палаты, и я смотрела, как он с прямой от напряжения спиной удаляется по коридору.

Я медленно выдохнула и закрыла глаза, мечтая больше никогда не просыпаться.

* * *

Меня вырвал из сна звук газеты, брошенной на тумбочку. В стельку пьяная Кэтрин Принс стояла в ногах моей койки, дверь в палату была плотно затворена, жалюзи закрыты.

Я оказалась в ловушке.

— Что вы здесь делаете? — сердито спросила я, торопливо поднимаясь с подушек.

Улыбнувшись, она доковыляла до стула и уселась возле меня, от нее снова разило виски. Выглядела она совершенно растрепанной, ее обычно ухоженные светлые волосы были взъерошены и спутаны, под глазами залегли большие темные круги, а красная помада слегка размазалась.

Наклонившись вперед, она ткнула в меня своим костлявым пальцем, и лицо ее исказилось злобой.

— Ты уничтожила нас, мелкая шлюшка.

Я безучастно посмотрела на нее, пытаюсь сдержать тревогу, разрастающуюся в груди.

— Вы сами себя уничтожили. Вы убили нашего нерожденного ребенка! Своего внука!

— Этой мерзости лучше было не появляться на свет. Он был бы таким же мерзким, как и его мамаша!

Меня словно распяли. Мой ребенок не был мерзким. Он был идеален, он был наш.

Миссис Принс подтолкнула ко мне газету.

— Читай. Редактор и неприятель моего мужа прислал нам копию до печати. Маленькая месть за то, что засудили его несколько лет назад.

Я потянулась и трясущимися руками взяла газету.

— О боже. Так вот в чем дело?

— Фантастическое чтиво, не так ли?

На обложке была моя фотография, сделанная во дворе дома в вечер ужина. Меня везли на каталке к скорой помощи: белое платье в крови, на лице кислородная маска, а рядом Ромео, крепко держащий меня за руку, тоже весь в моей крови, на лице выражение крайней растерянности. Рядом с этой фотографией снимок мистера Принса в костюме возле главного офиса компании.

Заголовок гласил:

«У подружки звездного квотербека «Тайд» произошел выкидыш в самом разгаре

скандала вокруг отмыывания денег кампанией «Принс Ойл».

Мне сдавило грудь, и я приподнялась, потирая ее, чтобы уменьшить болезненное напряжение.

Не помогло.

Фотография... фотография того, как я теряю своего ребенка...

Боль выворачивала меня наизнанку. Я не могла с этим справиться, не могла поверить в реальность снимка, изображающего страдание на лице Ромео, пока он держал меня за руку.

Я слышала злобный смех, и Кэтрин нависла надо мной.

— Знаешь, возможно, это выражение на твоём лице стоило того! — Она приблизилась. — Ты сделала из моей семьи посмешище, злобная сука. Уезжай. Уезжай из Алабамы и никогда не возвращайся. У тебя здесь ничего не осталось. Роум тебя не захочет после такого, после того, как ты испортила его репутацию и уничтожила семейный бизнес. Если останешься, клянусь богом, я потяну тебя за собой! Принсы не будут посмешищем всей Алабамы из-за тебя...

— Вот почему вы хотели, чтобы он женился на Шелли? Вам нужны были деньги ее отца, нужно было законное бракосочетание до того, как он узнает, что вы натворили. — Внезапно все стало на свои места. Ромео не зря их подозревал.

— И это отродье шлюхи моего мужа согласилось бы, не встретить он тебя! Теперь *все* знают. Моего мужа арестовали. Мы все потеряли из-за тебя. *Все!*

— Нет, вы сами во всем виноваты! — огрызнулась я.

Она подняла руку и ударила кулаком мне в живот, заставив завопить от боли. Я судорожно нащупала кнопку вызова медсестры в углу койки. И пока отчаянно жала на нее, миссис Принс схватила меня за горло и стала душить. Когда медсестра ворвалась в палату, моя шея горела, а перед глазами уже появились пятна.

— Помогите мне... пожалуйста, — прохрипела я. Медсестра вызвала охранников, Кэтрин заломили руки за спину и оттащили от моей койки. Пока я откашливалась и отплевывалась, охранники выносили ее, брыкающуюся и кричащую в пьяном угаре.

— Я уничтожу тебя, если останешься, уничтожу вас обоих! Мне больше нечего терять!

Я опустила голову на руки. Я буквально задыхалась от ужаса последних дней, беспросветное горе раздирало меня на части.

Я больше не могла здесь оставаться. Мне нужно было сбежать от всей этой боли и печали.

— Дорогая, ты в порядке?

Я подняла глаза и увидела молодую полненькую медсестру у моей койки, она приобняла меня.

Я кивнула.

— Ты уверена?

— Да.

— Дорогая, полиция уже едет.

Я попыталась встать с койки.

— Нет, нет! Больше не надо! Я не могу...

Медсестра обняла меня покрепче сильными руками и успокаивающим голосом произнесла:

— Эта женщина напала на тебя, Молли. Ты должна заявить на нее в полицию.

Прижавшись к медсестре, я расслабилась. Она права, и это будет последним, что я

сделаю для Ромео. Я помогу ему, позаботившись о том, чтобы его репутация не была запятнана из-за меня еще больше, чем сейчас. Его родители уже катились вниз по наклонной, я дам им последний толчок. Ромео наконец-то будет свободен.

— Ладно, — согласилась я.

— Вот и умница. Хочешь, чтобы я связалась с Ромео?

Я фальшиво улыбнулась и покачала головой.

— Нет, пожалуйста, не надо. Он на благотворительной акции, на стадионе чемпионата, я не хочу его отрывать. Его команда и поклонники в нем нуждаются.

— Ты хороший человек, мисс Шекспир, очень хороший, — сжав мою руку, похвалила она.

Она вышла из палаты, и вскоре появилась полиция. Сделав заявление — откровенное, со всеми подробностями, — я почувствовала, что моя душа разрывается на части.

Когда полиция ушла, я взяла телефон с тумбочки и набрала номер.

— Молли, ты в порядке.

— Профессор, вы уже в аэропорту?

— Нет, только села в машину. А что?

— Мой билет еще действителен?

— Ну да... но, Молли, тебе нездоровится.

— Со мной все хорошо. Врач меня выписал. Вы можете забрать меня из больницы?

— Сейчас?

— Да, сейчас, — с нетерпением произнесла я.

Последовала долгая пауза и разочарованный вздох.

— Я приеду через пятнадцать минут.

— Я буду ждать у входа. — Я повесила трубку и, сжав зубы, выдернула капельницу из руки. Потянувшись за одеждой, я вздрогнула от легкой боли в животе, но все же надела джинсы с футболкой и взяла сумку. Вышла в пустой коридор, спустилась вниз к центральному входу — как раз к приезду Сьюзи — и уселась на переднее сиденье.

Она скептически посмотрела на меня.

— Ты снова убегаешь, Молли, не так ли?

— Прямо сейчас я не могу здесь находиться, — еле слышно произнесла я.

Сьюзи выехала с парковки больницы на дорогу.

— Ромео не знает, да?

— Когда он узнает, я уже буду в сорока тысячах футах над землей. Ему будет лучше без меня.

Она повернулась ко мне, на ее лице ясно отразилось разочарование.

— Нет, Молли, не будет! Ты не можешь...

— Я уезжаю, профессор! Пожалуйста, я просто не могу... мне нужно уехать!

Она потерла морщинистой рукой лоб.

— У тебя паспорт с собой?

— В сумке. К счастью, он был мне нужен для медицинской страховки.

— Значит, отправляемся обратно в Оксфорд.

Положив голову на подголовник, я наблюдала, как размытой полосой за стеклом проносились желтые кукурузные поля. Я представила лицо Ромео, и слезы ручьем полились из глаз. На мгновение я даже засомневалась в своем решении, но когда вспомнила фотографии в газете, то все сомнения отпали.

Я должна уехать.
Должна сбежать.

Глава 25

Оксфордский университет, Англия

— От имени мисс Шекспир и себя благодарю за внимание. — Профессор Росс присоединилась ко мне в углу сцены под удовлетворенные аплодисменты толпы из трехсот важных человек.

Мы пожали руку декану, и я, вежливо откланявшись, поспешила из душного лекционного зала на свежий воздух.

Я выскочила в открытый двор, и зимняя прохлада ударила мне в лицо, даруя столь нужную бодрящую встряску. Я подняла лицо к небу, и большие, ажурные снежинки поцеловали мою остудившуюся кожу. От этого я снова почувствовала себя живой... ну, полуживой.

Я до сих пор находилась в оцепенении.

Натянув черные кожаные перчатки, я осмотрела пустой кампус. Покрытые белым снегом высокие, замысловатые шпили и крыши древних зданий превращали престижный университет в зимнюю страну чудес Диккенса. Я любила зимний Оксфорд, это было одно из красивейших мест на Земле. Это была моя Мекка, мой Священный Грааль, или, по крайней мере, так было раньше. Сейчас я чувствовала себя здесь чужой. Потерянной бродягой. Далеко-далеко от дома.

Большинство студентов разъехались на рождественские каникулы, а я провела Рождество в одиночестве в своей комнате, с большим бокалом вина, стараясь не думать, как бы было сейчас в доме Элли в Бирмингеме, с Ромео... и нашим ребенком.

Когда мы со Съюзи прибыли в Оксфорд нам сказали, что распорядителям пришлось отложить презентацию на неделю, и меня это устраивало. Археологическая команда кампуса нашла остатки чего-то, что, по их предположению, могло оказаться древней королевской гробницей, и главное внимание было уделено им, дабы они могли представить свои находки прессе. Лично я была рада. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя.

Я скучала по Ромео. Я так по нему скучала, что временами действительно верила, будто умираю от разбитого сердца. С нашего приезда в Англию прошло несколько недель, а я до сих пор не проверила свой телефон и электронную почту. Я так сильно его любила, но просто не могла вернуться. Все будут знать о моем выкидыше, и я просто не смогу вынести такую публичность, людей, которые все знают и жалеют меня.

Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, я направилась в Камеру Рэдклиффа — самую потрясающую библиотеку, в которой хранятся тысячи книг по моей специализации. Боль притуплялась, когда я занималась. За работой я меньше думала о Ромео. Я могла забыться.

Снег, как листья, хрустел под моими тяжелыми зимними ботинками, и я сильнее укуталась в черное стеганое пальто.

Буквально в нескольких шагах от двери в библиотеку я услышала:

— Молли? Молли Шекспир? Это ты?

Я повернулась и встретилась с ошеломленным взглядом Оливера Бартоломью.

Я внутренне съежилась от неловкости случайной встречи.

— Привет, Олли, давно не виделись.

На его лице расплылась широкая улыбка, он подошел ко мне и подарил быстрые, крепкие объятия.

— Черт побери, Молли. Я едва тебя узнал. Где твои очки? Твои волосы... ты очень изменилась... в хорошем смысле, — он нервно заикался, изучая небесно-голубыми глазами мой внешний вид.

— Спасибо. Я теперь ношу линзы, а подруга из Штатов поработала над моими волосами... и всем остальным. — Я указала на свое тело.

— Очевидно, она превзошла себя. Ты выглядишь прекрасно. Ну да ты всегда была красивой.

Поджав губы, я опустила голову. Для меня имело значение, только когда Ромео называл меня красивой, он говорил это от чистого сердца. Поток воспоминаний стал подниматься на поверхность, но я задержала дыхание и оттеснила его обратно.

— Хочешь выпить кофе? — Оливер прервал мою внутреннюю пытку, удивив меня достаточно, чтобы отвлечься. Я посмотрела на него, его лицо было полно надежды.

Бедный Оливер. В последнюю нашу встречу он лишил меня девственности, а на следующее утро я сбежала, чтобы никогда не вернуться. Он не заслужил такого отношения.

— Молли? Кофе?

Я взглянула на библиотеку, потом снова на него. Мне хотелось отказать.

— Просто немного поболтаем, клянусь. — Опустив голову, он потер пальцами край рукава моего пальто. — Я по тебе скучал.

— Хорошо, — смягчилась я. На лице Оливера расцвела широкая улыбка, и он пошел в ногу со мной в нашем обоюдном молчании.

Пятнадцать минут спустя мы сидели у окна кофейни кампуса, где Оливер заказал чай инглиш брекфаст себе и капучино мне.

Наблюдая за ним, я поняла, что на самом деле он был милым парнем. Добрым и скромным. Я никогда этого не ценила в то короткое время, что мы встречались. Если это вообще можно так назвать — встречались. Он совершенно меня не знал, но это было только моей виной. Я никогда не подпускала его близко к себе.

Оливер сидел предо мной в завязанном на шее узлом шарфе оксфордской команды по гребле и красном кашемировом свитере, который подчеркивал его стройное тело и темные волосы.

— Ну что, Молли, как Штаты? Почему ты вернулась?

Я повертела в руках свою чашку с кофе.

— Штаты... хорошо... там все иначе. Я продолжала ассистировать профессору Росс в работе по философии, и у нас только что была презентация, где мы представляли свои суждения.

Его брови буквально взлетели на аристократическом лице.

— И?

— Работу очень хорошо приняли. Думаю, в следующем месяце ее опубликуют в оксфордском философском журнале.

Он просиял белозубой улыбкой.

— Я очень горжусь тобой. Быть опубликованной в двадцать лет — идеально для будущего профессора. Я всегда в тебя верил.

— Спасибо. — Я сделала глоток кофе и продолжила попытку поддержать разговор: —

Почему ты до сих пор в кампусе? Разве ты не должен быть в своем поместье — праздновать Рождество и общаться с королевской династией?

Он рассмеялся.

— Должен, но я член археологической команды, которая нашла королевское захоронение. Мама не была в восторге. Она полагает, я трачу жизнь впустую, откапывая старые кости. Но это было потрясающе. Я уже полгода работаю над докторской, даже представить не могу, как бы занимался чем-то другим.

Я улыбнулась над его роскошным британским акцентом. Раньше я дразнила его за это, говорила, что он напоминает мне принца Уильяма, и по его хитро сузившимся глазам было видно: он понял, о чем я сейчас думала.

— Так где ты будешь получать докторскую степень? Остаешься в Штатах или вернешься сюда? — Возбуждение в его голосе возросло, когда он произнес последнюю часть.

Я пожалала плечами и уставилась в окно, наблюдая, как чудаковатый студент гонялся за падающим снегом.

— Я думала о Штатах, но... теперь не знаю.

Оливер наклонил голову набок в ожидании и разочарованно сглотнул.

— Все оказалось не так, как ты ожидала?

— Ожидала? Нет. Меняет ли это жизнь? Да. Я просто не уверена, что эта жизнь для меня. Совсем отличается от здешней, это точно.

За нашим столиком повисла тишина. Я ощущала на себе его взгляд, пока сама упорно смотрела на чашку. Настало время извиниться.

— Оливер?

Оливер сложил руки на краю стола, его пальцы слегка дрожали.

— Да.

Я потянулась и накрыла его руки ладонью.

— Я давно задолжала тебе извинение.

Он повернул голову и посмотрел в окно.

— Почему ты ушла вот так? Я был тебе плохим парнем... и после... того, что случилось между нами? Что я сделал не так?

В моем горле образовался комок.

— Ничего. Ты не был плохим парнем, ты мне нравился. Это я оказалась не такой, Олли.

Он снова посмотрел мне в глаза.

— Ты разбила мне сердце, когда ушла. Я услышал от твоих одногруппников, что ты присоединилась к профессору Росс в Алабаме, и не поверил своим ушам. Ты планировала это месяцами и ни разу не сказала мне, что уезжаешь за границу получать степень магистра. Ты просто встала и ушла после нашей близости — без причин и объяснений. Это было очень жестоко.

— Я была очень жестокой. И совершенно эгоистичной. Ты заслуживаешь гораздо большего. Я действительно сожалею, что так поступила с тобой, Олли.

Губы Оливера приоткрылись, когда он выдохнул:

— Молли...

Я подняла руку, останавливая его.

— Если у тебя есть время, я бы очень хотела, чтобы ты позволил мне немного рассказать о себе, о своем прошлом. Может быть, это поможет тебе понять, почему я такая. Я чувствую, что должна это сделать.

Выдохнув с облегчением, он улыбнулся.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия.

В течение следующих двух часов я рассказывала о своем прошлом, все, вплоть до моего внезапного отъезда после того, как мы занялись любовью.

Когда я закончила, Олли с вытаращенными глазами откинулся на спинку стула и медленно испустил сдерживаемый в легких воздух.

— Ничего себе, Молли. Я и понятия не имел.

Я натянуто улыбнулась, чувствуя себя лучше, легче. Рассказать наконец-то о себе было чем-то вроде терапии.

— Ты имеешь право знать. Мне только жаль, что я так долго ждала, чтобы рассказать. Это могло бы уберечь нас от страданий.

Поставив локоть на стол, Оливер опустил голову на ладонь и внимательно посмотрел на меня, читая что-то на моем лице.

— Кто он?

— Ты о ком?

— О парне, в которого ты влюблена.

— Я не...

Он потянулся и ласково взял меня за руку.

— Знаешь, как сильно я хотел, чтобы у тебя было такое выражение лица, когда ты думаешь обо мне? Так отчаянно во мне нуждаешься?

— Что?

Он опустил взгляд.

— Я любил тебя, Молли Шекспир, но ты никогда не отвечала мне взаимностью. Я пытался пробиться в твое сердце, но потерпел неудачу. Хотел разделить твои проблемы, твое прошлое, но ты никогда не позволяла мне. Ты меня не достаточно любила. Ничего, это нормально. Я не был для тебя подходящим мужчиной. Сейчас я это понимаю. — Он посмотрел на меня с состраданием в своих голубых глазах. — Кем бы он ни был, он должен быть особенным. Ты теперь совсем другая, не застенчивая, робкая девушка, которую я когда-то знал. Ты стала сильнее... изменилась.

Я уронила голову на руки и разрыдалась. Я услышала, как Оливер встал со стула, присел рядом и обнял меня. Хорошо, когда тебя снова обнимают, но я скучала по Ромео и по его большим, защищающим объятиям. Грудь Ромео была шире, и хотя от Оливера приятно пахло каким-то дорогим лосьоном, это был не аромат мыла и мяты.

Оливер не был моим Ромео.

— Ш-ш-ш, Молли. Не плачь. Нет ничего такого, что нельзя было бы исправить.

Я подняла голову.

— Все пошло наперекосяк. Нам через многое пришлось пройти и... и... я сбежала... снова, так же как и от тебя. Я ненавижу себя за то, что уехала, но я просто не могла остаться.

— Ш-ш-ш... успокойся, Молли.

Но я не могла успокоиться. Я наконец позволила себе ощутить сожаление, которое так и фонтанировало из меня с силой гейзера.

— У нас забрали кое-что, что мы нежно любили, безжалостно отняли, и я просто оставила его справляться с этим в одиночку. У него на носу самая важная игра в его жизни, а я только и делаю, что скучаю по нему, думаю о нем, но я сильно напортачила. Я оставила его, когда он больше всего во мне нуждался. Как я могу вернуться после этого?

Оливер пересел обратно на свое место, поджав губы в замешательстве.

— Какая игра?

— Он играет в американский футбол.

— Ох, понятно. Он хороший?

Я невольно засмеялась.

— Да, он замечательный.

Оливер изумленно покачал головой.

— Молли Шекспир с игроком в американский футбол? Да уж, такого я не ожидал. Это не поло и не крикет, но я уверен, что все спортсмены хорошие люди. Твой мужчина, скорее всего, тоже.

Я играючи ударила его по тонкой руке.

— Он не *просто* футболист. Он самый смелый, самый заботливый человек, которого я когда-либо встречала. Он понимает меня, как никто до него. Он моя половинка, он мое все.

— Молли — девушка футболиста. — Оливер покачал головой, улыбаясь в неверии.

— Ты такого никогда не видел, Олли. Весь штат боготворит команду, боготворит *его*. Только один стадион вмещает более ста тысяч болельщиков. Это безумие. Игры транслируются по телевидению. Их спонсируют международные бренды, и я закончила тем, что влюбилась в самого почитаемого игрока во всей стране.

Оливер нежно взял меня за руку и посмотрел в глаза.

— Ну, вопрос в том, Молли, какого черта ты сидишь в этой дурацкой кофейне со мной вместо того чтобы быть со своей половинкой, суперзвездой, в Алабаме?

Я глядела на него, пока его слова гремели у меня в голове.

Какого черта я здесь делаю?

Я вскочила со стула.

— Олли...

— Иди, Молли. Я понимаю. — Он встал, как истинный английский джентльмен, и поцеловал меня в обе щеки. — Ты оставила меня опустошенным, когда уехала в прошлом году, не сказав ни слова, но теперь я понимаю: ты никогда и не была моей. Твоему новому парню повезло, что у него есть ты.

— Нет, это мне повезло, что у меня есть Ромео.

— Ромео?

— Да, его зовут Ромео Принс.

Оливер потер лоб и ухмыльнулся.

— Ну, мисс Молли *Джульетта* Шекспир, это *судьба*. Но ты бы поспешила к своему Ромео. Если я правильно понял, он имеет плохую привычку встречать в неприятности в твое отсутствие.

Я улыбнулась его шутке и прижалась в благодарном поцелуе к его гладкой щеке.

— Прощай, Оливер. Спасибо... за все.

— *Тебе* спасибо, Молли. Удачи с новой жизнью в Америке.

С новой решимостью я как можно быстрее побежала в предоставленную университетом гостевую.

Забежала в комнату и начала закидывать вещи в сумку. Я почти полностью упаковалась, когда услышала слабый стук в дверь.

— Можно зайти, Молли?

Это была Сьюзи.

Я впустила ее, она осмотрела мою почти пустую комнату и в панике уставилась на меня.

— Снова куда-то собралась? Куда на этот раз, Молли? Это должно прекратиться...

— Я возвращаюсь, — перебила я.

Она перестала хмуриться, и проблеск надежды вспыхнул в ее молочно-серых глазах.

— Куда?

— В Алабаму. Ох, нет, вообще-то... — я проверила дату в календаре на стене, — я еду в Пасадену, в Калифорнию, на стадион «Роуз-боул».

Огромная улыбка растянулась на морщинистом лице Сьюзи.

— Молли. Слава богу. Почему ты передумала?

— Старый друг помог мне осознать, как сильно я скучаю и люблю Ромео. Он во мне нуждается, а я просто уехала. Я должна вернуться и все исправить. — Я сжала кулаки. — Мне будет сложно вернуться туда после... после... вы понимаете, но я должна, ради него.

Сьюзи потянулась и взяла меня за руку.

— Молли, я хочу тебе кое-что рассказать перед тем, как ты улетишь.

— Хорошо, — ответила я, нетерпеливо взглянув на часы.

Материнская улыбка появилась на ее губах.

— Знаешь, ты очень напоминаешь меня. Ты любишь философию, хочешь стать профессором и у тебя была непростая жизнь.

Я села на кровать, нервничая от того, какое направление приобретает разговор.

— Мой отец погиб на войне, Молли. Ты знала об этом?

— Нет, — ответила я, искренне удивившись.

— Его застрелили во Франции. Я была очень маленькой, когда это случилось, но это осталось со мной, повлияло на меня, как смерть твоего отца повлияла на тебя. Прошли годы, и я в конце концов нашла свой путь. Когда я попала в Оксфорд — а это было серьезным достижением для девушки в те дни, — я встретила Ричарда. Он был таким энергичным и красивым, с первого нашего прикосновения я поняла, что безумно в него влюбилась. Через полгода мы поженились. У тебя с мистером Принсом все точно так же. Я наблюдала за вами на лекциях и заметила моментальные изменения, и не только в твоей внешности.

Перебирая пальцы, я услышала, как Сьюзи глубоко вдохнула.

— За свою жизнь я потеряла пятерых детей, Молли.

Я ахнула и прикрыла рот ладонью. Она наклонилась и погладила меня по коленке.

— Не плачь. Я стреляный воробей.

Я взяла ее за руку и сжала в знак поддержки.

Сьюзи невидящим взглядом уставилась на наши руки.

— Я не могла выносить ребенка весь срок, а после пятого выкидыша даже забеременеть больше не могла. В конце концов мы с Ричардом смирились со своей судьбой и прожили вместе прекрасную жизнь.

— Сьюзи, я...

— Не стоит, малышка. Я это не ради твоей жалости рассказала. Вообще-то, совсем наоборот. Ты многое пережила в детстве, но эти события делают тебя такой, какая ты есть, дают силы, а также ведут тебя к твоей судьбе. Ты не можешь постоянно убегать.

Я вытерла глаза, смахивая слезы.

— Я просто хочу назвать какое-то место домом. Куда бы я ни пошла, меня ожидают сплошные страдания.

— Молли, дом — это не место. Не страна, не город, не здание, не имущество. Дом рядом со второй половинкой твоей души, с человеком, который разделит твою печаль и поможет нести груз утраты. Дом с человеком, который верит в тебя несмотря ни на что и приносит тебе вечное счастье. *Это*, дорогая Молли, и есть твой дом — милый дом, и я думаю, мы обе знаем, что ты нашла себе симпатичного юношу, который может оказаться именно тем человеком. Не сдавайся, Молли, даже когда тяжело, не сдавайся.

Я вскочила и крепко ее обняла. Спустя несколько секунд она похлопала меня по спине и отстранилась.

— Все, все, полноте, юная леди. Мы британцы просто поджимаем губы. Никаких всплесков эмоций.

Я хихикнула и взяла свои вещи. Когда повернулась, Сьюзи доставала ключи от своей машины.

— Пойдем, Молли. Я покажу тебе, как пенсионерка может довести в аэропорт Хитроу за рекордное время.

* * *

Усевшись в зале ожидания, я с тревогой достала из сумки телефон и, ощутив ком в горле, уставилась на черный прямоугольник. Я знала, что он будет заполнен сообщениями, сообщениями обиды и боли. В конце концов я поборола страх, включила телефон, и поток текстовых и голосовых сообщений заполнил экран.

Первое сразу же заставило меня заплакать, когда грубоватый южный акцент Ромео заполнил мой слух:

— *Молли! Где ты, детка? Извини меня за то, что я наговорил, за то, что оставил тебя. Я только что услышал от медсестры про свою мать. Боже, Мол, они сказали, что она на тебя напала... снова! Пожалуйста, скажи, где ты... Ты просто ушла из больницы, ничего никому не сказав. Я нигде не могу тебя найти.*

Я сразу перешла к следующему сообщению:

— *Мол. — Его голос был надтреснутым и эмоциональным. — В газете есть статья. Про нас... про то, как мы потеряли нашего ангела. Боже, Мол, там твоя фотография. Это разбивает мне сердце, а тебя нет рядом. Мою мать арестовали за нападение, отца арестовали за отмывание денег. Пожалуйста, позвони мне. Скажи, где ты. Это черт знает что. Я с ума схожу без тебя. Я люблю тебя. Вернись ко мне.*

Слезы падали мне на колени.

Следующее:

— *Молли, это Элли. Сегодня Рождество. Ромео тут, у моих родителей. Ему плохо. Его сердце совершенно разбито — он либо не разговаривает, либо так злится, что вынужден выходить из дома. Пожалуйста. Он во всем винит себя. Позвони ему. Он говорит, что это все его вина!*

Следующее:

— *Моллз, это Кэсс. Тебе лучше вернуться к чемпионату, подруга, или я найду тебя и надеру твой тощий английский зад! Фаны с ума сходят после истории в газете, а Ромео плохо играет на тренировках. Хватит уже жалеть себя! Исправь это. Ты должна была быть здесь еще вчера!*

Я слегка рассмеялась от привычного тона Кэсс.

Следующий час я слушала сообщения Ромео — полные страдания, злости и безусловного одиночества — и своих друзей, которые пытались убедить меня вернуться. Последнее сообщение было оставлено сегодня утром. Я нажала на кнопку, чтобы прослушать:

– Привет, детка, это я. Я сейчас в Пасадене, завтра игра, я хотел позвонить тебе... снова. Думаю, то, что ты не отвечаешь на мои звонки, означает, что ты на самом деле не вернешься домой. Я знаю, что ты в Оксфорде. Профессор Росс мне написала. Я просто хочу, чтоб ты знала: я люблю тебя и это никогда не изменится. Ты нужна мне, детка. Ты нужна мне рядом. Ты моя семья, мое все. Ты мой дом.

Дом. Я была его домом, его милым домом.

Я стерла все сообщения и отправила две эсэмэски.

«Элли ничего не говори Ромео на случай, если я не успею, но я на пути в Пасадену. Достань мне пропуск на матч. Я позвоню, когда приземлюсь... Прости меня за все, но я возвращаюсь ради него. Я возвращаюсь . Хх»

Следующая была гораздо проще.

«Ромео. Я люблю тебя. Я не отказалась от нас. Ты тоже мой дом . Хх»

Я выключила телефон и направилась к терминалу. Впервые в жизни я бежала к чему-то, а не *от* чего-то.

Глава 26

— Сколько осталось до начала?

— Двадцать минут.

— Мы успеем вовремя?

— Все зависит от пробок.

Я откинулась на сиденье такси и написала Элли.

Я: «Почти приехала. Движение просто ужасное. Как он?»

Элли: «Поспеш, Моллз. Болельщики операторы ищут тебя. НамсКэсс постоянно задают вопросы. Ромео совсем плох. Он бесконечно высматривает тебя во время разминки . И судя по его лицу, он только что решил, что ты не придешь».

Черт, это плохо.

— Скоро уже?

От раздражения у водителя такси побелели костяшки пальцев на руле.

— Послушайте, дамочка. Вон стадион. А движение на дорогах вы и сами видите.

Я вытянула шею и увидела впечатляюще большой стадион в конце длинной дороги, наглухо забитой машинами. Мне необходимо туда попасть.

Я смогу добежать.

Я бросила деньги водителю, выпрыгнула из такси и побежала к стадиону «Роуз-боул». Люди свистели и кричали, пока я бежала в своих коричневых ковбойских сапогах и белом кружевном летнем платье, но я не обращала на них внимания. Я распустила волосы и даже успела сделать макияж, с умом используя время в самолете.

Я уже слышала шум буйной толпы болельщиков. Достала телефон.

Я: «Подхожу. Встреть меня у входа».

Элли: «Уже в пути. Будучи через секунду!»

Я кинулась к входу, перепрыгивая через две ступеньки за раз. И как только поднялась, мне на встречу выбежала Элли в джинсовых шортах и футболке «Тайд». Она облегченно улыбнулась и протянула мне руку.

— Моллз, я обниму тебя позже. Сейчас тебе нужно поторопиться. Накинь это!

Она бросила мне футболку и пропуск для охраны.

Она принесла мою счастливую футболку. Она не сомневалась, что я приду. Она не сомневалась во *мне*.

Я надела футболку на платье, и Элли потянула меня на стадион, маша нашими пропусками охране. Мы петляли по коридорам, лестницам и сквозь толпы людей, пока наконец не спустились на нижний уровень и не вышли из тоннеля на яркий солнечный свет, где огромный американский флаг покрывал все поле. Национальный гимн как раз заканчивался, какая-то поп-звезда эмоционально пела его во все горло. Рев толпы был наполнен возбуждением и патриотизмом. Я застыла от вида церемонии, но Элли с твердой хваткой потянула меня дальше.

Я заметила крепкую фигуру Кэсс на наших местах прямо за рекламными щитами. Она свистела нам и указывала руками, куда идти. Повсюду раздались выкрики радости, едва фанаты «Тайд» заметили мое появление. Я знала, что если посмотрю вверх, то увижу себя на большом экране, поэтому твердо держала голову опущенной.

Когда я пробежала мимо фанатов, они выражали соболезнования моей утрате: снимали шапки в знак сочувствия и похлопывали по спине, говоря мне быть сильной.

Я остановилась.

Элли с печальным лицом повернулась ко мне.

— Это было большой новостью, дорогая, но все здесь желают тебе добра. Не нужно стыдиться. Народ в ярости от того, что сделали родители Ромео. Они все тебя любят.

Я тяжело сглотнула, краснея, и подняла руку, благодаря совершенно незнакомых людей за их доброту.

Мы подбежали к Кэсс, которая, как обычно, была в джинсах, стетсоне, футболке с надписью «Смит» и сапогах. Она подняла меня и, поцеловав в щеку, поставила перед собой.

— Очень рада, что ты вернулась, подруга. Я позволила тебе сделать это однажды в силу обстоятельств, но попробуешь сбежать еще раз, тебе несдобровать. Я лучшая по обездвиживанию барашков во всем Техасе и не побоюсь использовать свои безумные навыки!

Я погладила ее по руке.

— Я учту, Кэсс.

Она подмигнула, и глаза ее заблестели.

— Я скучала по тебе, подруга.

— И я по тебе.

Она игриво толкнула меня локтем.

— Хватит любезничать, девочки. Они уже выходят.

На больших экранах показали, как команды выстраиваются у своих раздевалок, и «Тайд», одетые в багровое и белое, в качестве чемпионов прошлого года вышли первыми.

Моя грудь тяжело вздымалась, пока игроки один за другим выходили на поле. Я знала, что Ромео будет последним, и когда заметила его, подумала, что потеряю сознание. От одного взгляда на его лицо меня захлестнул поток воспоминаний: прикосновения, поцелуи, слезы, улыбки, занятия любовью, чертовски жесткие — все в ярких красках.

Он *был* моим домом.

Ромео направился к полю, и я заметила, как вяло он бежал, лишь слегка кивал головой и безрадостно махал шлемом толпе. Мое сердце завывало от того, через что я заставила его пройти. Я оставила его одного, когда он умолял меня не убегать.

Ромео непрерывно показывали на большом экране, и когда он выбежал на поле, болельщики «Тайд» стали скандировать:

— *Поцелуй, поцелуй, поцелуй, поцелуй...*

Мой квотербек побледнел. Он думал, меня здесь нет. Думал, что подводит своих фанов. Думал, что облагается из-за моего отсутствия.

Кэсс и Элли поцеловали меня в щеки, поддерживая, а я неотрывно глядела, как он стоит там один и даже не смотрит в моем направлении.

— Он не знает, что я здесь, — прошептала я.

Элли с Кэсс встревоженно переглянулись. Кэсс сплюнула жевательный табак на пол, залезла на сиденье и, маша руками, показала толпе продолжать скандировать.

Крики толпы уже оглушали, и многие игроки «Тайд» посмотрели в нашу сторону, оператор навел на меня камеру. Я увидела, как Остин заметил меня на экране и со всех ног рванул к Ромео, который опустил голову, игнорируя рев толпы.

Остин вывел его из ступора и заставил посмотреть на меня. Казалось, будто само время замедлилось. Мы двигались словно в замедленной съемке. Я подошла к дальнему краю трибуны, встала на виду у всех и просто ждала.

Ромео поднял голову, услышав Остина, и повернулся, его пронизывающий взгляд темных глаз сразу же встретился с моим. Он неподвижно смотрел на меня, а я смотрела на него. Напряжение стало осязаемым, и болельщики затихли.

Мне жаль. Я люблю тебя. Я напортачила. Мне тебя не хватало. Я так много пыталась сказать ему своим взглядом, но он никак не отвечал.

Ромео медленно направился ко мне, и чем ближе он подходил, тем больше я нервничала.

Я жадно впитывала каждый сантиметр его лица, его милые шоколадные глаза, сочные полные губы, длинные волосы песочного цвета, загорелое мускулистое тело. Мое тело пробила дрожь от предвкушения, едва оно признало Ромео.

Он был моим.

Мои голые ноги царапала деревянная обшивка трибун, так я к ней прижималась, мое тело отчаянно жаждало близости с Ромео, жаждало оказаться в его объятиях.

Приблизившись ко мне, Ромео бросил свой шлем. Я заметила, что за нами наблюдают обе команды. «Тайд» были свидетелями того, как я потеряла нашего ребенка, и точно знали, что я оставила его одного. Улыбки на их лицах говорили, как велико облегчение от того, что я вернулась.

Сначала я почувствовала его аромат — мяты и мыла, — который доносил до меня ветерок. Потом он встал передо мной, сквозь длинные черные ресницы глядя вверх, туда, где находилась я.

Он тяжело сглотнул и прохрипел:

— Привет, Мол.

Я прикусила губу, чтобы она не дрожала.

— И тебе привет.

— Подаришь мне сладкий поцелуй на удачу?

— Если ты этого хочешь.

Ромео на секунду закрыл глаза, а потом снова поднял их на меня.

— Еще как, бля, хочу. — Он рванул вперед, подхватил меня под руки и, подняв с невероятной силой, перетащил через ограждение в свои объятия, его влажные губы слились с моими. Я обвила руками его шею, ногами талию и поцеловала в ответ. Его язык двигался в такт моему, поглаживая, и он застонал мне в рот. Мы так много разделяли одним лишь этим поцелуем: нашу потерю и нашу печаль.

Так много любви.

Прервав поцелуй, он прижался своим лбом к моему.

— Ты на самом деле здесь? — прохрипел он напряженно.

— Малыш, мне так жаль, что я ушла. Я не могла справиться, но... я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю. Пожалуйста, прости меня. *Пожалуйста...*

Он опустил голову в изгиб моей шеи, его ноги подкосились от облегчения, и мы вместе осели на землю — я оказалась у него на коленях. Мы крепко обнимали друг друга, а толпа совершенно безмолвно наблюдала за нашим интимным моментом на большом экране.

— Ты вернулась ко мне? Навсегда? — прошептал он мне в шею.

Я пригладила волосы у него на затылке.

— Впервые в жизни, малыш, я вернулась куда-то обратно, вернулась к тебе... мой Ромео.

Он поднял голову, и его опухшие глаза встретились с моими. Я увидела в них прощение и безграничную любовь, место которых быстро занял его темный сдерживаемый зверь. Ромео убедился во всем, теперь ему нужно было вернуть контроль.

— Ты никогда больше не сбежишь? Понимаешь это?

— Понимаю.

Он обхватил мое лицо руками.

— Ты оставила меня одного на столько недель: ни слова, ни объяснения. Знаешь, как я зол на тебя за это?

— Знаю, — с сожалением прошептала я.

Страсть заполнила его глаза, и он заявил:

— Я выиграю этот матч. А потом заклею тебя, бля, раз и навсегда. Кажется, я был слишком мягок с тобой, Шекспир. Может быть, ты не совсем поняла, что ты *моя* и не вправе меня оставлять, даже если твое сердце разбито. Потому что, если тебе больно, детка, можешь быть уверена, мне тоже чертовски больно.

Ромео встал со мной на руках. Болельщики и игроки заплодировали, и он сжал мою ладонь.

— Ты. Возвращайся на трибуны. Живо. Мне еще нужно чемпионский титул домой привезти. Потом я разберусь с тобой. Откровенно говоря, даже не знаю, что меня заводит больше.

Мой желудок сделал сальто, я взяла его лицо в ладони и чмокнула в губы.

— Задай им жару, малыш.

Подмигнув, он вернул меня обратно на трибуну. Кэсс заорала, размахивая руками, а Элли вытерла глаза.

Ромео занял свое место на поле.

— Черт, Моллз, Алабама сделает тебя королевой, когда мы одержим эту победу! Парень просто полон энергии. Что он тебе сказал?

Я зарделась и опустила голову.

— Ничего... такого.

Элли с Кэсс рассмеялись над моим румянцем. Судья свистнул в свисток, сообщая о начале игры, и мы все вскочили на ноги.

* * *

Игра близилась к концу.

Более трех часов мы наблюдали, как «Кримсон Тайд» забивали, а «Нотр-Дам» быстро догонял по очкам. Сейчас атаковала команда Алабамы, оставалось всего несколько секунд, и победа будет за ними, если Ромео удачно завершит последнюю фазу.

Я старалась не смотреть, как игроки занимают свои позиции, но не смогла удержаться и подглядела сквозь пальцы рук, которыми закрывала глаза. Мяч вернулся к Ромео, и он сделал три шага назад в поисках открытого игрока. Остина сразу же заблокировали два защитника, Крис Портер не мог открыться, застряв в зоне боковой линии защиты «Нотр-Дама».

Я переключила внимание на Кэсс, которая кричала на пределе легких. Элли прикрыла рот руками.

Огромные, покрытые синяками защитники «Нотр-Дама» накинулись на Ромео, и я заверещала. Ему удалось уклониться влево, затем вправо, разглядеть небольшую щель и побежать, помчаться вперед на своих крепких ногах.

— Давай, Пуля, ДАВАЙ!!! — кричала Кэсс, пока Ромео бежал по полю. Мое сердце затрепетало в груди, когда болельщики «Тайд» подскочили и стали поддерживающе кричать.

Защитники «Тайд» делали свою работу, предоставляя Ромео нужное для прорыва пространство. Мы все взяли за руки, Ромео пересек последнюю линию поля, попав в конечную зону, и на истечении времени забил тачдаун.

Стадион взорвался, тренеры и игроки «Алабамы» побежали к Ромео, который сбросил с себя шлем, оттянул горловину футболки, похлопал по груди и, поцеловав пальцы, поднял их к небу в знак почтения.

Я застыла и посмотрела повтор на большом экране.

— Ох... — всхлипнула я и опустилась на сиденье.

Элли заметила это и, присев рядом, погладила меня по спине.

— Он сделал тату, когда ты ушла, чтобы ваш малыш никогда не был забыт.

Я кивнула, и глаза наполнились слезами.

— Крылья ангела.

— Для вашего потерянного ангела.

Крупные слезы покатались по моим щекам.

— Я оставила его одного. Ему было так больно, а я сбежала. Я такая сука.

Элли снова погладила меня по спине.

— Не кори себя, дорогая. Ты же вернулась. Тебе тоже было очень больно. Никто тебя не винит.

Кэсс взяла меня за руку и подняла, я видела сочувствие в ее голубых глазах.

— Никаких слез, подруга. Мы только что выиграли гребаный Национальный чемпионат!

Я кивнула, сделала глубокий вдох и до онемения ладоней стала аплодировать вместе с

толпой. Я с гордостью смотрела, как команда поднимается на сцену и как награждают победителей Национального чемпионата по футболу.

Ведущий вышел на сцену и представил тренера «Тайд» и представителя футбольной лиги, который наградил тренера хрустальным кубком, а потом перешел к Ромео. Красивое лицо моего парня сразу же отразилось на большом экране. Его назвали самым результативным игроком.

Ведущий поднял свой микрофон.

— Пуля, каково это — быть самым результативным игроком Национального чемпионата?

Толпа взревела, и Ромео просиял своей потрясающей улыбкой в ответ.

— Это мечта, которая стала явью. Я с детства мечтал играть за «Тайд». Не могу поверить, что мы только что снова выиграли Национальный чемпионат.

Ромео опустил голову, словно засмутившись от такого количества внимания.

Лицо ведущего стало серьезным, он положил руку на плечо Ромео, и тот напрягся от такого жеста.

— Ну, Пуля, мы все здесь тебя любим. — Ведущий указал на стадион, и толпа в подтверждении затопала ногами на трибунах. — И не секрет, что у тебя в личной жизни было очень сложное время в последние недели.

Элли с Кэсс взяли меня за руки, парочка болельщиков похлопала по спине. Мне пришлось медленно вдыхать и выдыхать, чтобы справиться со всем этим нежелательным вниманием.

Ромео скрестил руки на груди и уставился в пол. Рис, Джимми-Дон и Остин подошли к нему для поддержки, и я благодарно улыбнулась.

Ведущий успокоил толпу.

— Мы просто хотели узнать, как ты?

Ромео прочистил горло.

— Лучше, спасибо, — коротко ответил он.

— Поддержка болельщиков тебя и твоей девушки была просто колоссальной. Ты хотел бы сказать что-то в ответ?

Я быстро взглянула на Элли и спросила:

— Поддержка была колоссальной?

Она сжала мою руку.

— Невероятной, дорогая.

Я кивнула, пытаюсь справиться с эмоциями.

— Я... я... — Ромео провел рукой по лицу, не в силах что-либо сказать, и Джимми-Дон приобнял его за плечи и прошептал что-то на ухо.

— Пуля? — ведущий с сочувствием в голосе настаивал на ответе.

Ромео глубоко вдохнул и поднял голову.

— Я не знаю, как отблагодарить всех за поддержку. Это меня действительно поразило. У «Алабамы» лучшие, мать его, болельщики в мире.

Толпа вновь взорвалась.

— Еще одно, Пуля, — сказал ведущий. Ромео коротко кивнул. Я видела, как неловко ему было давать интервью при всех. — Ты действительно считаешь, что удача благоволит тебе в этом году после — теперь уже знаменитого — поцелуя твоей девушки, а также последующих поцелуев на каждом домашнем матче?

быстро, что он даже не озаботился снять форму. И то, что он был таким резким и грубым, только усиливало напряжение между нами.

Отведя мои длинные волосы за плечо, Ромео лизнул обнаженную кожу.

Я буквально вспыхнула.

Ромео развязал бретельки, и мое белое платье упало на пол, обнажая грудь и оставляя меня лишь в кружевных шортиках.

Я положила голову ему на плечо, и знакомое мягкое дыхание опалило мою горячую кожу. Он прошелся пальцами по моим рукам, переплел их с моими и медленно положил наше слияние себе на затылок, вынуждая обнять за шею.

Я повернула голову навстречу его устам, и он обвел языком контур моих губ. Я застонала и закрыла глаза.

Ромео приоткрыл рот и нежно подразнил меня своим языком. Проскользил мозолистыми руками по моим ребрам и обхватил грудь. Я громко выдохнула и выгнулась.

— Ты больше никогда от меня не сбежишь, правда, Шекспир? — Его руки сильнее сжали мою грудь. — Правда! — рыкнул он.

— Да, никогда, — всхлипнула я, прижимаясь к нему спиной.

Ромео сменил эту пытку на нежный массаж и стал покусывать мою мочку ушка.

— Я скучал по тебе. Мне не понравилось думать, что ты никогда не вернешься. Я поклялся себе, что, если ты вернешься, я сделаю все, чтобы это было навсегда.

Мне нравилось, как он в мгновение ока переключался с доминирования на нежность.

Опустив руку к трусикам, он проник под кромку прямо к моему горячему местечку и резко втянул воздух.

— Господи боже, детка. Ты всегда готова для меня.

От ощущения движения его пальцев во мне я запрокинула голову и застонала, цепляясь за его волосы, чтобы удержать равновесие.

— Я заставлю тебя кончить, Мол, — сказал он, затеребив большим пальцем мой комочек нервов.

— Черт! — выкрикнула я, двигая бедрами и потираясь задом об его пах.

Он впился зубами мне в плечо, пока я терялась в ощущениях эйфории.

— Я люблю тебя детка. Ты чувствуешь, как сильно я тебя люблю?

— Я тоже тебя люблю!

Пальцы Ромео стали слишком жесткими и напористыми.

— Тогда почему ты меня оставила?

— Потому что я... не могла справиться с болью. Думала, тебе будет лучше без меня.

Он ввел третий палец, заслужив мой вскрик.

— Мне никогда не будет лучше без тебя. Думаешь, я мог справиться с болью? Думаешь, я, бля, не умирал каждый раз, когда ты отворачивалась от меня? Уходила в себя? — Он стал толкаться еще сильнее. — Думаешь, мне не было больно, когда я вернулся в больницу и обнаружил, что ты ушла. Не оставив ни записки, ни звонка, ничего? Думаешь, мне не было больно, когда скандал с моими родителями и фотографии моей девушки, истекающей кровью, появились во всех гребаных новостях.

От стыда по моим щекам потекли слезы, и я вцепилась в его предплечье.

— Мне так жаль, Ромео.

Он сильнее впился в мою кожу и с последним толчком пальцев прошептал:

— Кончай, Мол.

И я кончила.

Перед глазами плясали черные точки, пока я опиралась на его сильное тело, чтобы удержаться на ногах. Он медленно привел меня в чувства, целуя в шею. Убрал руки, одним рывком сорвал с меня кружевные трусики и бросил тонкий материал на пол.

Я была голой, удовлетворенной, еле стоящей на ногах и такой возбужденной, что казалось, будто лежу на горячих углях.

— Повернись.

Я сделала, что велено, и увидела, как яростно раздуваются его ноздри. Заведя руки за спину, Ромео стянул с себя футболку, и его загорелый торс засверкал в свете уличного фонаря, льющегося через окно.

Мое внимание тут же привлекли два больших замысловато вытатуированных белых ангельских крыла, гордо расположенных в центре его груди. Я робко провела по ним кончиками пальцев, наклонилась и прикоснулась дрожащими губами к каждому из них, отдавая должное их значению.

Когда я подняла голову, Ромео облизнул губы, в шоколадных глазах отражалась беззащитность.

— Знаю, наш ангел уже не снами, но я хочу, чтобы он даже на Небесах видел, как мы его любили... и как... несмотря на то, что он был незапланированным... чертовки сильно хотели.

Я выдавила бесцветную улыбку, и он привлек меня к своим губам.

— Мне нравится. Они идеальны, — прошептала я в его уста.

Он слегка отодвинул меня назад и сказал:

— Я не особо верующий парень, Мол. Не хожу в церковь, и Господь свидетель, я грешен, но я искренне верю, что о нашем ангеле заботятся лучше, чем здесь... твои родители. Я верю в это всем сердцем.

Из моего горла вырвался всхлип, Ромео обнял меня за шею и притянул к груди. Через пару минут я поцеловала его там, где билось сердце, и отстранилась.

— Я люблю тебя, Ромео.

— И я люблю тебя, детка.

Мы простояли так еще какое-то время, только вдвоем, дыша в унисон и исцеляя друг друга.

Ромео взял меня за плечи и отстранил от себя.

— А теперь... — его лицо стало жестче, — сними их. — Он указал на свои спортивные штаны.

От его командного тона мое сердце застучало быстрее, я развязала узел и осторожно вытянула ремень из штанов, задевая костяшками пальцев его эрегированную плоть.

Он следил за каждым моим движением, его точеная челюсть напрягалась от малейшего прикосновения. Я отбросила ненужный ремень на пол, ожидая следующего приказа.

— Стяни с меня штаны и встань на колени.

Я взялась за пояс и потянула вниз по его мускулистым ногам. Он высвободился, и я потерлась щекой о его плоть. Полностью стянула штаны и бросила их на ковер. Подняла голову и встретилась с ним взглядом, покуда он возвышался надо мной.

— Соси, пока я не прикажу тебе остановиться.

Мой рот наполнился слюной, и я подалась вперед, медленно облизывая его ствол. Ромео зашипел в ответ. Я обхватила его губами и втянула глубоко в рот.

— Фак! — выкрикнул он и схватил меня за волосы, ритмично двигая бедрами вперед-назад. Его плоть у меня во рту становилась все напряженнее.

Я подняла глаза и, увидев, как он запрокинул голову и облизнул нижнюю губу, застонала. От такого воодушевления я ускорила темп, вращая языком вокруг головки. Он стал сильнее толкаться бедрами, и я взялась за них, чтобы усилить тягу.

— Бля, Мол, твой рот, — прорычал он и оторвал меня от себя. — Ложись на кровать.

Я встала и забралась на середину кровати, где была быстро опрокинута на спину. Ромео раздвинул мои ноги, сгибая их в коленях, и его рот прижался ко мне.

— Ахх! Ромео...

Он яростно работал ртом, его язык заполнял и ласкал меня. Я зарылась пальцами в его волосы. Недолго меня не хватит.

Он резко поднял голову и приказал:

— Возьмись руками за спинку кровати.

Я сделала, как он велел.

— Не отпускай.

Ромео погрузился обратно, а я вонзила ногти в плотную древесину, вздыхая и беззвучно вскрикивая от каждого прикосновения и укуса.

— Ромео... Ромео... Я кончаю! — Я распадалась на части, вцепившись в спинку кровати, пока Ромео упивался мной. Ромео отпустил мои ноги, они упали на матрас, но в следующую секунду он снова взялся за них, и я открыла глаза — как раз в тот момент, когда он ворвался в меня одним сильным толчком.

— Ахх! — вскрикнула я, не в состоянии больше сдерживаться. Это было слишком.

Я передвинулась, чтобы освободить руки, но он резко скомандовал:

— Я сказал «не отпускай»!

Мои руки замерли, он усилил хватку на моих бедрах, обездвиживая их для своего удобства.

— Ты оставишь меня снова?

— Нет! Нет, нет, нет...

— И почему же?

— Потому что я люблю тебя!

Возбужденные глаза Ромео потемнели, и он стал грубо толкаться в меня.

— Неправильный ответ.

Мои пальцы свела судорога и я закричала:

— Потому что я твоя. Потому что я принадлежу тебе. Потому что ты мой!

Его глаза закатились, он наклонился вперед, опираясь на руки, и, набросившись на мой рот, зашептал:

— Потому что ты моя. Ты принадлежишь мне.

Я ощутила приближение оргазма, и живот сжался в предвкушении.

— Бля, ты такая тугая! Я кончу с тобой. Ты так сильно меня сжимаешь, детка.

Я запрокинула голову, и с последним толчком мы оба застонали. Я обняла его, пока он медленно изливался в меня.

Все покрытые потом, мы тесно прижимались друг к другу. Я светилась от удовольствия. Ромео поднял голову.

— Я люблю тебя, — сказал он, нежно лаская мое лицо.

— Я тоже тебя люблю. Никогда не прощу себя за то, что оставила тебя.

Ромео слегка улыбнулся от облегчения.

— Я верю тебе. Но это в прошлом. Ты вернулась и никуда больше не сбежишь, даже если для этого мне придется привязать тебя к чертовой кровати. Все, закрыли тему. С меня хватит плохих мыслей. Мне нужно что-то хорошее. Мне нужно, чтобы все было хорошо. — Он убрал влажные прядки волос с моего лба. — Когда мы вернемся в Алабаму, ты переедешь ко мне.

— Хорошо.

Брови Ромео взлетели вверх.

— Хорошо? Я думал, мне придется тебя убеждать. И ты не скажешь мне, что мы слишком молоды, что слишком рано или еще какую хрень вроде этого?

— Не-а, мой дом там, где ты. Теперь я это знаю. Я наконец-то это поняла.

— Бля, ну наконец-то! — выдохнул он и переплел наши пальцы. — Мою маму освободили. Связи помогли в суде. Отец вышел под залог, но ему светит серьезный срок. Я говорил с ним и его адвокатом, и мы договорились просто разойтись своими путями. Нас больше ничего не связывает. Нельзя спасти то, чего никогда не было.

— Роум, мне так жаль.

— Не стоит. Мне нужно было убедиться, что они больше и близко к тебе не подойдут. Теперь так и будет. Они хотели брака с Шелли только ради денег ее отца. С этим официально покончено.

Я провела большим пальцем по его ладони. Он с довольной улыбкой наблюдал за моими действиями.

— Смешно, но я наконец-то чувствую себя свободным. — Ромео перекатился на бок, и мы легли лицом друг к другу на одной подушке. — Мы наконец-то свободно можем быть вместе, без каких-либо преград.

— Больше никакой Шелли?

— Она к нам теперь и близко не подойдет. Кэсс об этом позаботилась, — ухмыляясь, добавил он.

Я нахмурилась.

— О чем ты?

— Она поколотила ее за то, что та сделала с тобой. Сломала ей гребаный нос. Жаль, что я этого не видел!

— Нет! Не может быть. — При следующей же встрече со всей силы обниму подружку, чтобы аж ребра трещали.

Я невольно захихикала и поцеловала его руки. Он перестал улыбаться и положил ладонь на мой живот.

— Я не был с тобой слишком груб? Тебе еще больно, детка?

Я печально покачала головой.

— Больше нет. Во всяком случае, не физически.

Прекрасные темно-карие глаза Ромео выражали сочувствие. Он все понимал.

— Ты хочешь еще детей?

Я подавила свои горестные эмоции. Пришло время оставить все беды позади. Пришло время двигаться дальше.

— Однажды я хочу стать мамой. Но не сейчас. У нас обоих есть мечты, мы молоды и хотим многого достичь. У нас будут дети, Ромео, но когда мы решим, что настал подходящий момент.

— Согласен. И у нас всегда будет наш маленький ангел на Небесах.

Я наклонилась и нежно поцеловала большие вытатуированные крылья на его груди.

— Итак, суперзвездный квотербек... ты, наверное, будешь первым в драфте через несколько месяцев, особенно после твоего победного тачдауна, да?

Он намотал локон моих волос на палец.

— Да, наверное.

— Выкладывай.

Он медленно выдохнул.

— Ты поедешь туда, куда тебя примут. Без вариантов.

Моя докторская. Он беспокоился о моей докторской.

— Слушай, я еще даже заявления не подавала, так что давай не будем волноваться об этом, хорошо? Мы не знаем, что будет завтра. Давай просто насладимся друг другом немножко, без всей этой драмы.

Он кивнул и улыбнулся.

— К тому же у меня теперь новая философия касательно всего. Думаю, мы должны ее использовать.

Он посмотрел на меня в ожидании.

Я прочистила горло.

— *В жизни случаются плохие события,*

Они буквально выводят тебя из себя ,

От д руги х же событи й хочется чернить и ругаться .

Но, когда жизнь препод носит тебе неприятные сюрпризы,

Н е ворчи, лучше присвистни ,

И это помож ет сделать жизнь лучше...

И всегда смотри на светлую сторону жизни... ¹¹

Ромео поддержал меня соответствующим свистом и, смеясь, приподнял бровь.

— «Монти Пайтон», Шекспир? Это твоя новая философия?

Я вздернула плечами.

— Это же «Пайтон».

Он рассмеялся, свободно и открыто, и повторил за мной:

— Это же «Пайтон».

Я посмотрела на часы.

— Еще довольно рано. Не хочешь пойти встретиться с ребятами из команды? Сходить поужинать? Чем ты хочешь заняться?

Он властно шлепнул меня по попке, и я, вскрикнув, захихикала.

— Тобой. Я с тобой еще не закончил, Шекспир. Нам нужно наверстать недели упущенного секса. — Тембр его голоса стал более глубоким, когда он отбросил всю нежность. — А теперь встань у края кровати, возьми за щиколотки и приготовься кончить еще как минимум три раза.

Эпилог

*Радио Сити Мьюзик Холл, Нью — Йорк
Драфт НФЛ*

На сцену вышел представитель НФЛ и встал у микрофона.

Ромео сжал мою ладонь, слегка наклонился и, поднеся наши руки к губам, поцеловал переплетенные пальцы. Я придвинулась к нему максимально близко, он закрыл глаза и прижался своим лбом к моему.

Тишина была удушающей.

— И первым в драфте... на следующий сезон НФЛ... для «Сиэтл Сихокс»... становится... квотербек... *Ромео Принс... из... «Алабамы Кримсон Тайд»!!!*

Мы были за кулисами в фойе. Наш частный столик, за которым расположились все наши друзья, взорвался аплодисментами, и мы все вместе подскочили, громко крича от радости.

Нагнувшись, Ромео поднял меня на руки и страстно поцеловал. Когда я отстранилась, то увидела в шоколадных глазах, что маленькая часть его никогда по-настоящему не позволяла себе поверить, будто этот момент когда-нибудь настанет.

Обхватив его лицо ладонями, я наклонилась и прошептала:

— Малыш, ты это сделал.

Ромео ничего не ответил. Просто не мог. Он до сих пор был в шоке.

Сопровождающий сразу же подошел и позвал его на сцену, а я осталась наблюдать на экране перед нами, как камера следует за ним по коридору. Ромео выглядел роскошно в своем отглаженном черном костюме и белой рубашке. Я, чтобы соответствовать ему, надела обтягивающие черные брюки с высокой талией и черный шелковый топ.

Как только Ромео дошел до конца длинного коридора, ему вручили сине-салатовую кепку «Сихокс», он ее мигом надел на голову и продолжил идти к сцене навстречу восторженным аплодисментам и крикам зрителей.

Ромео пожал руку представителю футбольной лиги, на его лице играла легкая кривая ухмылка. Меня рассмешило то, каким холодным и сдержанным он выглядел со стороны, но только не для меня — у него был идеальный образ плохого парня: *темный и недостижимый*. Судя по женским крикам, у него уже был свой фан-клуб.

Ромео с гордостью поднял футболку «Сихокс», демонстрируя номер семь и надпись «ПРИНС» на спине, и его ослепило целое море вспышек. Мне снова и снова приходилось утирать слезы счастья, пока я смотрела на него, находящегося в центре внимания и наконец-то получившего все, чего он заслуживал.

После короткого интервью он ушел со сцены, чтобы поговорить с ожидавшей его прессой. Элли, Лекси и Кэсс теснились со мной на небольшом диванчике.

— Итак, Мол, Сиэтл? — спросила Элли с равным выражением счастья и тревоги на лице. Последние несколько месяцев все внимание было сосредоточено на Ромео и предстоящем драфте. Друзья знали, что я собираюсь получать докторскую степень после этого академического года, но никто, даже Ромео, не знал, куда меня приняли.

Сначала я должна сказать ему.

— Я так за него счастлива. Это то, о чем он всегда мечтал, — сказала я, умышленно уходя от вопроса.

Кэсс закатила глаза.

— Хватит, Моллз! Ты поедешь с ним? Ты ни черта не говорила про следующий год, а мы все хотим знать!

Я осмотрелась и заметила на себе взгляды шести пар широко раскрытых глаз. Громкая отповедь Кэсс привлекла внимание Остина, Риса и Джимми-Дона, которые сидели

напротив.

Я поерзала на диване и отмахнулась.

— Это вечер Ромео. Не мой.

Шесть удрученных друзей с досадой откинулись на спинки своих мест.

Сперва мне нужно поговорить с Ромео.

Ромео вернулся к нам примерно полчаса спустя, я кинулась в его распростертые объятия и, осыпая поцелуями его лицо, зашептала:

— Я люблю тебя. Люблю. Люблю.

Мой новый сиэтлский кватербек стиснул меня в объятиях, затем отстранил и заглянул мне в глаза. Его лицо светилось от счастья, но в беспокойных глазах отражалось напряжение.

— Что? Что случилось? — встревоженно спросила я.

Ромео показал парням, что нам нужна минутка, и потянул меня в темный угол, скрывая от посторонних взглядов. Он поправил мои волосы, а я игриво дернула за козырек его кепки «Сихокс».

Поймав мою руку, Ромео снял кепку и провел пальцами по растрепанным волосам.

— Я счастлив, детка. Но я не могу сделать это без тебя. Сиэтл. Я еду в Сиэтл. Я знаю, ты подавала заявления в Гарвард, Йель и Стэнфорд. Ты была чертовски скрытна, и я с ума сходил в неведении. Мы можем оказаться в разных уголках страны, а ты нужна мне. Не думаю, что смогу сделать это без тебя.

— Роум...

Он не дал мне договорить, приложив палец к губам.

— Мне хочется попросить тебя поехать со мной, ведь я знаю, что ты бросишь все ради меня. Но мне также хочется, чтобы и твои мечты осуществились. Я просто не знаю, как совместить в своей жизни тебя и футбол.

Я взяла его руку и поцеловала каждый палец.

— Ромео, я убежала от своих проблем всю жизнь и никогда не возвращалась назад, ты первый, к кому я вернулась. Это многое для меня значит. Ты вытянул меня из тьмы. — Я опустила его руку и прижала к своему животу. — И дал мне надежду. Я верю, что однажды стану хорошей мамой... когда придет время. Теперь у меня есть настоящая семья... это ты.

Его шоколадные глаза заблестели от слез, я нежно поцеловала татуировку крыльев ангела, которая занимала почетное место над его сердцем.

— Ты как-то сказал мне, что *однажды* уедешь подальше, *однажды* будешь самим собой и *однажды* получишь все, чего хочешь.

Ромео медленно кивнул.

— Но я хочу тебя. Ты — все, чего я хочу. Ты мое «однажды».

Я залезла в задний карман и достала письмо. На лице Ромео отразилась растерянность.

— Твое *однажды* наконец-то настало, — пояснила я.

Выдернув письмо из моих рук, он открыл конверт и вытащил лист со словами «принята» и «Вашингтонский университет, Сиэтл».

Едва не разорвав письмо надвое трясущимися руками, он поднял на меня вопросительный взгляд.

— Ты... Как? *Что?*

Я взяла письмо у него из рук, убрала обратно в карман и обхватила его лицо ладонями.

— Я также подала заявление в Сиэтл. Когда доктор Адамс несколько месяцев назад

упомянул, что есть вероятность твоего попадания туда, я изучила, как работает драфт, и просчитала возможности. Я не хотела говорить на тот случай, если ничего не выйдет. Но все получилось. Я еду в Сиэтл с тобой, малыш. Ты смотришь на нового докторанта по философии. Я послала e-мэйл с подтверждением минут двадцать пять назад.

Ромео широко улыбнулся — такой улыбкой, которой гордился бы мой отец — и впился в мои губы.

Когда он наконец отстранился, выражение его лица было напряженным и совершенно серьезным. Он прижал меня к стене. Я знала этот взгляд: его дикая, собственническая сторона пробивалась на поверхность.

Ромео несколько секунд неотрывно смотрел на меня, а потом вдруг выдал:

— Выходи за меня.

— Ч-что? — от шока запнулась я.

Ромео обхватил мое лицо руками, притягивая меня, умаляя меня, желая меня.

— Входи за меня. Выходи за меня завтра. Сегодня. Чем скорее, тем лучше. Просто... блин, выходи за меня, Шекспир. Позволь сделать тебя моей официально.

— Но... но.

Он заключил меня в плен своих рук у стены.

— Я люблю тебя. Люблю больше всего на свете. Я не могу *и хочу* жить без тебя никогда больше. Я хочу дать тебе все возможное. Хочу дать тебе счастье... хочу однажды подарить тебе детей. — Он прижался своим лбом к моему и прошептал: — Выходи за меня. Будь со мной. Навсегда останься... со мной.

Я забыла, как дышать, от вида отчаянной нужды в его глазах, и у меня не осталось сомнений.

Ромео был для меня единственным.

Ромео был для меня тем, кем папа был для мамы. Ромео был моей родственной душой... Ромео Принс был моим домом, моим милым домом.

— Да! — воскликнула я, и его губы приоткрылись от облегчения.

— Скажи это снова, — потребовал он.

— Да. Конечно, я выйду за тебя!

Ромео набросился на меня, его мягкие губы скрепили нашу клятву, и я растаяла от его прикосновений. Мы поженимся и будем любить друг друга сильнее, чем кто-либо когда-либо любил.

Влюбленные, предназначенные друг другу звездами. От этой мысли я невольно хихикнула.

— Черт возьми, почему ты смеешься, Шекспир? — спросил Ромео, его широкая улыбка источала искреннее счастье.

Я положила руку ему на сердце, глядя на любовь всей своей жизни.

— В нашей истории двое влюбленных со сложной судьбой нашли способ быть вместе, вопреки всем препятствиям и преградам, и *наконец-то* получили свое «долго и счастливо».

Ромео любовно склонил голову набок, притянул меня к себе и, взяв мое лицо в ладони, прошептал:

— Нет повести счастливее на свете, чем повесть о Молли Джульетте и ее Ромео.

Конец

Бонусная глава

Ромео

— Мама, — уныло поприветствовал я, увидев, что ее имя высветилось на экране моего айфона.

— Сегодня ты должен прийти на ужин, — велела она.

Я сжал челюсти от ее злобного тона.

— Извини, я занят, — отрезал я.

— Так поменяй свои чертовы планы! Придут Блэры, и тебе нужно присутствовать, чтобы обсудить помолвку и проработать наконец все детали.

— У меня тренировка. Тренер поставил по две в день. — На том конце провода повисло ледяное молчание.

— Ты придешь сегодня, *Ромео*, — в итоге ответила она, ее слова сочлились ядом.

Я остановился прямо посреди дороги к гуманитарному корпусу. Я и так уже опаздывал на это долбаное вступительное занятие из-за встречи команды, а теперь еще эта сука бубнила на ухо о сраной помолвке и называла меня этим ублюдочным именем... снова. Я чувствовал, что мое терпение вот-вот лопнет.

Сжав переносицу, я попытался сосредоточиться на успокаивающем тепле летнего солнца, греющего мне спину.

Ни хрена не сработало. Ничего никогда не помогало.

— Короче, у меня тренировка. Я не приду.

Я нажал «отбой», засунул телефон в карман джинсов и направился в здание, надеясь, что поток прохладного воздуха из кондиционера охладит долбаный гнев, постоянно кипящий во мне. Я ощутил, как кровь, точно раскаленная магма, понеслась по жилам, наделяя меня непреодолимой силой. Но я принял это, даже порадовался — это служило постоянным напоминанием того, что мне нужно держаться подальше от этих ублюдков.

Я с силой распахнул двойные двери, которые шарахнулись о стену, и помчался по пустым коридорам, с каждым шагом ощущая, как напряжение сковывает грудь при мысли о женитьбе на Шелли.

Чертова Шелли Блэр.

Боже, я дважды трахнул ее в школе и сдуру один раз на первом курсе, а она ведет себя так, будто мы родственные души и безумно влюбленная парочка. Только вот я не уверен, что вообще могу любить. Из меня эту дурь выбили давным-давно.

Мой телефон снова завибрировал. Я не стал смотреть, и так знал: это звонит папаша, чтобы потребовать моего прихода. Мама подключила тяжелую артиллерию.

Гребаный ублюдок.

Если бы я ответил, он заявил бы, что мой отказ неприемлем. Потом бы посыпались угрозы, шантаж, слова о том, как сильно они с матерью меня ненавидят и сожалеют о моем появлении на свет.

Все как всегда.

Я повернул за угол, сжимая кулаки от мысли, что придется сидеть рядом с Шел следующие полчаса, в одной аудитории, не имея возможности избежать ее когтистой хватки. Я, блядь, был слишком зол. Я просто не мог сидеть рядом с этой сучкой, цепляющейся за мою руку, как долбаная собачонка, и трущейся о мою ногу в надежде, что я возбужусь и

тряхну ее после занятий.

ЭТОГО БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПРОИЗОЙДЕТ. От одного взгляда на нее мой чл становится вялым. Она думает, что выглядит сексуально с этим причесоном, силиконовыми сиськами и накаченными красными губами. Но я вижу лишь гребаную самку богомола на охоте.

Опустив голову, я направился к аудитории и услышал его. Мерзкий смех Шелли. Звучало так, будто душили тысячу кошек... медленно, мучительно, одну за другой.

И своим следующим поступком я совершенно не гордился.

Пуля Принс, квотербек «Кримсон Тайд», шмыгнул вправо и спрятался за лестницей — подальше от взора Шелли.

Я прижался спиной к прохладной белой стене, как вдруг резкое движение привлекло мое внимание. Из-за угла вылетела какая-то девушка с кучей бумаг в руках, что-то бормоча себе под нос и поглядывая на часы. У нее была копна вьющихся каштановых волос на голове, очки в толстой черной оправе и самые яркие чертовы башмаки, которые я когда-либо видел.

Неоново-оранжевые. *Боже.*

От ее нелепого вида мои губы сами собой расплылись в улыбке, и я едва не потрогал их, просто чтобы убедиться, что действительно улыбаюсь.

Когда, блядь, я в последний раз улыбался? Или точнее, когда я в последний раз улыбался не из-за того, что смотрю на очередного вырубленного мной мудака?

Тряхнув головой в неверии, я рискнул выглянуть из-за угла и заметил, как Шелли с хитрой улыбочкой посмотрела на девушку и повернулась что-то сказать своим подружкам. Я напрягся, ощутив неожиданное желание защитить взволнованную брюнетку.

Я не мог оторвать от нее глаз. Она выглядела так чертовски обреченно, сдувая непослушные волосы с очков в толстой оправе и спеша по коридору в своих резиновых башмаках, скрипящих по плитке пола при каждом торопливом шаге.

Полностью захваченный этой картиной, я слишком поздно сообразил, что Шел что-то задумала. Теперь оставалось только наблюдать, как она толкнула проходившую девушку плечом, рассыпав все ее бумаги по полу.

Меня охватила ярость.

Она всегда была жестокой сучкой, но, увидев, как гадко она обращается с невинной девушкой, я взбесился не на шутку.

Она что-то сказала девушке, присевшей на пол — я не мог расслышать, что именно, — но брюнетка даже не подняла головы, игнорируя ее злобные подколы.

Я не понимал, почему это вообще меня так задело. Наверное, я словил слишком много ударов по своей долбаной башке.

Я вышел из укрытия и направился к Шел, намереваясь сказать ей, чтобы отвалила на хрен, но опоздал. Она уже зашла в аудиторию.

Когда я подошел, брюнетка нагнулась вперед, собирая отлетевшие чуть подальше бумаги, и я едва не застонал вслух. Мой член ожил.

Черт меня дери.

Эта задница.

Эта идеальная, упругая задница.

Я быстро поправил стояк и стал прикидывать что-то мерзкое, чтобы остыть. *Джимми-Дон в раздельном купальнике, Джимми-Дон в стрингах.* А вообще-то... Я иронично усмехнулся... *Шелли, сосущая мой член.* Да, член сдулся, как гребаный бракованный

воздушный шарик.

Я прошелся руками по волосам и встал за девушкой, пытаюсь не пялиться на ее задницу в коротком комбинезоне и на эти нереальные длинные, загорелые ножки, которые так и просили меня схватить их и обернуть вокруг своей талии.

Блядь, мой член снова затвердел.

Я уже открыл рот, чтобы спросить, не нужна ли ей помощь, как вдруг она пробормотала себе под нос «Блядские засранки!» и резко встала, ее очки упали на пол, и дешевая оправка отлетела прямо мне под ноги.

Время остановилось.

Что это за акцент? Может, британский? Как бы то ни было, это был самый сексуальный говор, который я слышал за всю свою жалкую жизнь.

У меня сам собой вырвался громкий смешок в ответ на это милое, четко выговоренное ругательство. Она замерла, услышав меня у себя за спиной.

Ее голова опустилась, спина напряглась, и ее вздох сказал все за нее.

Чистое поражение.

Нагнувшись, я поднял ее очки, потом взял брюнетку за плечо и повернул к себе.

Черт меня дер.

Большие карие глаза, пухлые сочные розовые губы, слегка загорелая кожа, легкий румянец на щеках — она была чертовски привлекательна.

Мне нужно было что-то сказать, что угодно, только бы не выглядеть как какой-то стремный, жалкий извращенец, который принюхивается к ванильному запаху ее кожи.

Кто эта девушка?

— Теперь видишь? — пробормотал я, голос даже для меня звучал грубо. *Отлично, Роум.*

Порычи на нее.

Прищурившись, она посмотрела на меня, ее рот приоткрылся, а глаза за толстыми стеклами стали изучать каждую черточку моего лица.

И вот сейчас наступит момент, когда она поймет, кто я — гребаный Роум Пуля Принс. Это разозлит меня, и я сорвусь как чертов мудака.

Все как всегда.

Она осмотрела меня, как все... а потом... ничего.

Выдернув бумаги из моих рук, она попыталась уйти. Не было ни неловкого узнавания, ни флирта, она просто... поспешила уйти от меня.

Что за?..

На секунду я даже задумался: может, она не знает, кто я такой. Но... нет, мы же в Алабаме. Она из университета. Здесь каждый дурак знает меня в лицо, нравится мне это или нет.

Не отдавая отчет своим действиям, я взял ее за запястье.

— Эй, ты в порядке?

Она не посмотрела на меня.

— Да.

Ничего.

Никакого зрительного контакта. Никакого узнавания.

— Уверена? — переспросил я, сам не зная почему.

По ее плечам было видно, что сегодняшней день у нее не задался. Ее длинные черные ресницы затрепетали, и она подняла свои карамельные глаза на меня. У меня из груди

выбило весь воздух, и я не мог пошевелиться.

— У тебя бывали дни, когда все превращается в чертовый сущий кошмар?

Британский акцент. Черт, это горячо.

От ее акцента и открытого выражения лица я даже приободрился.

— Сегодня как раз такой день, вообще-то.

Ее строгие глаза смягчились, и она вздохнула.

— Значит, нас таких двое. — Ее губы изогнулись в улыбке, и она хихикнула.

Мое сердце сделало то, чего не делало никогда.

Оно почувствовало.

Оно почувствовало что-то... невероятное.

— Спасибо, что остановился помочь. Это было очень мило с твоей стороны.

Эти слова вернули меня в реальность. «Мило»? Я так не думаю.

Она оценивающе рассматривала меня, терпеливо ожидая ответа.

— Мило. Такого обычно обо мне не говорят.

Ее губы слегка приоткрылись, и она от удивления резко втянула воздух. Бля, мне нужно было валить отсюда, подальше от нее, и перестать вести себя как чертова тупая сучка.

Я ушел без оглядки, понимая, что это был мой самый длинный разговор за очень долгое время... и он не включал ничего, связанного с тем, что я долбаный нефтяной принц Алабамы или будущая большая звезда футбола.

В ней было нечто иное, нечто... интригующее. Ей будто было плевать на то, что о ней думают окружающие, и ее не охватило футбольное безумие.

Я словно посмотрел на себя со стороны, я резко остановился и оглянулся через плечо. Брюнетка все еще стояла на том же месте, но не прошло и секунды, как она повернулась и встретилась со мной взглядом.

— Я Роум, — представился я, слова практически против воли слетели с губ.

Ее длинные ресницы опустились вниз, касаясь стекол очков, а когда вновь поднялись, то ее лицо преобразила застенчивая улыбка.

— Молли.

Я прикусил губу, медленно кивая и оценивая ее с головы до пят, потом все же зашел в аудиторию.

Молли.

Маленькая англичанка Молли.

Блядь. Мое черствое сердце застучало быстрее, начиная снова что-то чувствовать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плейлист

1. Carrie Underwood «See You Again»
2. Luke Bryan «I Don't Want This Night To End»
3. Joshua Radin «Tomorrow is Gonna Be Better»
4. Planet Perfecto «Bullet In The Gun»
5. Jake Bugg «Broken»
6. Monty Python «Bruce's Philosophy Song»
7. Tim Chaisson «Beat This Heart»
8. Chantel Kreviazuk «Feels Like Home»

9. Ed Sheeran «Small Bump»
10. Sarah McLachlan «Angel»
11. Randy Houser «How Country Feels»
12. Lynyrd Skynyrd «Sweet Home Alabama»
13. Ellie Goulding «Dead In The Water»
14. Edward Sharpe & The Magnetic Zeros «Home»
15. Florence & The Machine «You've Got The Love»
16. Shiny Toy Guns «Season of Love»

Благодарности

И снова мне нужно поблагодарить многих людей.

Маму и папу, спасибо вам за неизменную поддержку во время этого безумного приключения. Без вас я бы не справилась, ребята. Папа, спасибо, что познакомил меня с американским футболом. Несмотря на то, что мы жили в маленьком городке на севере Англии, ты показал мне чудо футбольного поля, и годы спустя мне это чертовски пригодилось! Мама, ты же знаешь, как я признательна за вычитку каждой рукописи. Ну, так держать, нам еще столько всего предстоит сделать!

Моего мужа, спасибо за время и терпение (я пренебрегала тобой) для написания этой книги. Ты дал мне хороший совет писать о том, что мне знакомо, и с этого момента мой стиль изменился... к лучшему!

Моих сказочных бета-ридеров: Линн, Сэма и Ребекку. Ваши комментарии бесценны.

Отдельная благодарность Рейчел и Киа, гениальным сестрам, которые помогали мне с книгой от начала и до конца. Вы отдали этому так много своего личного времени и даже не представляете, сколько это для меня значит.

Спасибо Деймону из Damonza за прекрасную обложку. Она идеально отражает все, что я хотела передать, на самом деле, увидев ее, я едва не расплакалась.

Кэсси, моего редактора. Спасибо за помощь в исправлении моих британизмов и за все советы о футбольных днях в колледже, и конечно же, за алабамский жаргон. Мне по-настоящему повезло найти коренную жительницу Алабамы, любительницу футбола (хотя и команды Оборна) и исключительного редактора! Мы точно скоро встретимся на игре «Тайд»!

Лизу, моего веб-дизайнера. Спасибо за мой красивый потрясающий сайт и за то, что миришься с постоянными оговорками, будучи по горло заваленной работой! Ты ежедневно проделываешь невероятную работу, и я всегда с нетерпением жду нашей переписки, она дарит столько смеха!

Хотелось бы поблагодарить всех блогеров, которые совершенно бесплатно тратят свое личное время на пропаганду и распространение информации о маленьких историях, которые мы, авторы, пишем. Вы действительно костяк (и сердце) этого безумного писательского мира. Огромнейшее спасибо всем блогерам, которые участвовали в моем блог-туре и делали обзоры на «Милый дом», я благодарна за то, что вы уделите время и дали старт моему дебютному роману для взрослых!

Есть несколько блогеров, которым хотелось бы выразить отдельную благодарность. Прежде всего, книжному блогу Смиттен — за то, что так тепло отозвалась о «Вечном севере» и дала мне несколько отличных советов.

Великолепной Келли Мурхаус и ее книжному блогу Have Book Will Read. Ты неустанно трудилась над организацией моего блог-тура и провела меня через этот фантастический опыт с улыбкой и вдохновением! Ты заслуживаешь медаль, подруга!

И конечно же, Дженни и Гитт из блога Totally Booked за то, что поддержали автора из небольшого английского городка и помогли мне попасть в чарт романтической комедии на Амазоне с моим маленьким британским ром-комом «Вечный север». Надеюсь, вам так же понравится «Милый дом» и Ромео Принс!

И наконец, огромное СПАСИБО всем читателям. Каждый раз, когда вы покупаете одну из моих книг, вы помогаете осуществиться моей мечте.

Люблю вас всех!

Notes

[

←1

]

Nada (исп.) — ничего.

[

←2

]

Стетсон — ковбойская шляпа.

[

←3

]

Modus operandi (лат.) — образ действия.

[

←4

]

Стратфорд-на-Эйвоне — родина драматурга Уильяма Шекспира.

[

←5

]

Теологическая проблема о творении Господом всего сущего.

[

←6

]

Здесь и далее отрывок из песни «Монти Пайтон» «Философская песня Брюсов».

[

←7

]

X — означает поцелуй .

[

←8

]

Драфт — процедура выбора профессиональными командами игроков, не имеющих активного контракта ни с одной командой в лиге. Когда команда выбирает игрока, она получает эксклюзивные права на подписание контракта с этим игроком.

[
←9

]

Менса — крупнейшая, старейшая и самая известная организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта .

[
←10

]

Сандра Ди — американская актриса, получившая известность благодаря воплощению на экране ампула инженерю — простушки, скромницы.

[
←11

]

Отрывок из песни « Монти Пайтон » « Всегда смотри на светлую сторону жизни».